

Б
1970

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

Фронтной поэт Иван Баиков.

ВОТ ТАКИЕ,
ВРАЖЬЮ СИЛУ ВСТРЕТИВ,

ЮНОШИ ВСТАВАЛИ
В ПОЛНЫЙ РОСТ,

И СТИХАЛ ВНЕЗАПНО
ВЕТЕР СМЕРТИ,

И СРЫВАЛИСЬ „ТИГРЫ“
ПОД ОТКОС.

И. Баиков, 1944 г.

*Читайте повесть В. Старикова
„ПАМЯТЬ МОЯ—СОЛДАТЫ“.*

*Рисунки В. Цигаля сделаны в дни,
о которых рассказывает автор.*

В Н О М Е Р Е

Литературно-художественный
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания тринадцатый

В. Стариков ПАМЯТЬ МОЯ — СОЛДАТЫ. Документальная повесть	2
В. Шумилин СТИХИ	20
А. Казанцев, А. Чебурашкин ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ. На приз нашего журнала	21
И. Колос РАЗВЕДЧИК ГРОМ	25
Э. Алискина БЕЛОКАМЕННАЯ ЧАЙКА	32
Н. Дубинин ДЕВЧАТА С ЛУКОШКАМИ	34
П. Кочегин НА «ТИХОМ» ФРОНТЕ. Записки летчика	36
Н. Байрамов СТИХИ	44
А. Тумбасов РОДИНОЙ С КАМЫ	45
Е. Максимов ФЛЕЙТА ПАНА	47
В. Головко О «ПЛАВУЧЕМ ДВОРНИКЕ...» операция «Ч»	49
Б. Рожнев СНЕЖНЫЕ ПРИЗРАКИ	50
А. Блюм ПЕРВАЯ РУССКАЯ «МАРСИАНА» И ЕЕ АВТОР	58
А. Беляев ПРАВСТВЕННЫЕ ПОРОСЯТА	60
Ж. Верн ШКОЛА РОБИНЗОНОВ. Роман.	63
И. Юдин, Л. Кузнецова РАЗЫСКИВАЕТСЯ МЕТЕОРИТ	72
А. Коровин КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ	78
К. Юрьева КАК СПЛЕСТИ КОРЗИНУ	80

Обложка В. Воловича и С. Киприна

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

5
1970

ПАМЯТЬ МОЯ — СОЛДАТЫ...

Виктор СТАРИКОВ

На чужой земле

Кончился 1944-й, потянулись дни января 1945 года.

Именно потянулись... Нет войны на Сандомирском плацдарме, тихо на всем 1-м Украинском фронте. Обе стороны после ожесточенных боев замерли каждая на своей линии. Будто объявлено негласное замирение. На какой только срок?

Я, выполняя редакционное задание, побывал у армейских разведчиков. Мой давний знакомый, еще с Орловско-Курской дуги, разведчик капитан Доронин, известный многими успешными вылазками в тыл врага, пожаловался:

— Тех «языков» за неделю доставили. Пятерых хороших ребят из-за них потеряли. И, оказалось, все зря. Ничего эти не знают... Сегодня ночью обер-лейтенанта приволокли. Три дня за ним хлопцы ходили. Аж за вторую линию обороны пробрались. Вроде, теперь начальство успокоилось. Кажется, тот самый.

Я выразил желание встретиться с солдатами этой группы.

— Отсыпаются, — сказал Доронин. — Подожди до утра.

Доронин рассказал, что наступившая тишина на фронте обманчива.

— И мы, и они готовимся. Кто только раньше начнет. Охота немцам нас за Вислу отбросить.

Капитан Доронин начал воевать в 24 года. По мирной специальности он архитектор. Однако не удалось ему стать настоящим зодчим, ничего еще не построил. После института получил назначение в небольшой городок Пермской области, но в своей должности побыл что-то около трех недель. Началась война. Она быстро сделала его солдатом. Попал к разведчикам, и это стало его военной специальностью. Танкисты на броне машин, артиллеристы на щитах пушек рисуют звездочки после каждой удачно расстрелянной ими вражеской машины. А капитан Доронин

в заветной записной книжечке ведет свой подсчет: палочками отмечает каждого захваченного им у противника «языка».

Я ночевал у Доронина в теплой, хорошо оборудованной землянке, обшитой тесом, с маленькой прихожей, где у телефона всегда дежурил ординарец.

Среди ночи я вышел из блиндажа. Звездное зимнее небо, легкий морозец. По тропинке вдоль землянок проходит часовой в полушубке, с автоматом на груди. Тишина.

Даже не верится, что не более, как в полтора-двух километрах начинается земля, занятая немцами, что они притаились там, в польских домах, на польской земле, являя собой смерть, горе, опустошение...

Те наши солдаты, что жили в селах и на хуторах, за эти месяцы, когда стабилизировался в Польше фронт, стали своими среди сельских жителей. Крестьяне почтительно величали всех панами. Можно было увидеть, как «паны» с увлечением помогали своим хозяевам убирать в скотном сарае навоз, пилить дрова, справлять самую разнообразную домашнюю работу.

Сам я жил не в селе, в котором размещалась редакция, а на хуторе за большим торфяным болотом, где мне хозяева уступили отдельную комнату. Стоял этот хутор на холме, среди могучих дубов, был обнесен крепким забором. Здесь мне пришлось прожить несколько месяцев и я помню все очень живо. Через болото к хутору петляла узенькая тропочка. Я так хорошо изучил свой ежедневный путь, что не сбивался с дороги даже в самую темную осеннюю ночь. Хотя и далековато мне было добираться каждый день из редакции до своего жилья, однако я остался на хуторе и тогда, когда начались затяжные осенние дожди, а потом и снежные метели. Ведь у меня там имелась своя комната, вечерами я мог оставаться один, мог читать и писать. Там, в тайне от редактора, я начал писать повесть о войне. Но успел закончить только несколько начальных глав.

На хуторе жили отец—вдовый старик—и два его сына, старший Сташек, женатый. Странные, с нашей точки зрения, отношения сложились в

этой семье. Старик ходил, обираясь на палку, угрюмый, согнувшийся в пояснице, с опущенной головой, словно искал на земле что-то им потерянное, но зорко наблюдал за всем, что делается на усадьбе и в поле. Сташек, похожий обликом и валкой походкой на отца, был правой его рукой и, работая наравне с братом Янеком, грубо покрикивал на него, как на батрака. Тот, молодой, энергичный, гибкий, как тростиночка, безропотно подчинялся отцу и брату. Только порой в его темных глазах вспыхивал недобрый огонек. Жена Сташека, худая, темная, молчаливая, тенью мелькала весь день по двору, заглядывая во все уголки.

Жизнь на хуторе, невольным свидетелем которой я оказался, шла сумрачная. Никогда, ни разу не услышал я веселого голоса, смеха, песни, не видел на лицах доброй улыбки, просто светлого взгляда.

Они работали вместе, но жили порознь. На плите у каждого стояли свои кастрюли, сковороды, чайники. За стол садились порознь, да еще в разные часы, словно боялись друг друга.

Позже, обжившись, я узнал, что Янек собирается жениться и просит выделить причитающуюся ему долю земли и скота. Отец и старший сын противятся разделу. Это и было первопричиной всех сложных отношений в доме.

К зиме появились новые люди — беженцы из прифронтовой полосы. На хутор прибыла большая семья — мать и отец, трое взрослых сыновей и дочь-подросток. Они приехали на длинной фуру, запряженной двумя конями, груженной высоко всяким скарбом. Привели с собою козову, теленка и несколько овец.

Хуторяне встретили беженцев неприветливо, в дом их не пустили, и те расположились в большом щелястом сарае. Не подпустили приезжих и к кухонной плите. И они, как цыгане, все готовили себе на костре за усадьбой.

С появлением беженцев жизнь на хуторе еще более осложнилась. То и дело между ними и хозяевами возникали по самым разным поводам крупные разговоры. Несколько раз на дню ссорилась, крикливо повышая голос, жена Сташека, которая ревниво следила за каждым шагом приезжих. Особенно доставалось девчужке.

А тут еще начались беды.

За усадьбой стоял высокий стог клеверного сена. Незвестные подобрались к нему ночью и увезли не меньше трех возов.

Утром я услышал громкие крики на дворе.

Хуторяне с бранью наскakивали на беженцев, обвиняя тех в пособничестве вора́м. Быть не может, чтобы они, спавшие в сарае, не слышали и не видели, как ночью вершилось воровство.

Теперь каждую ночь Сташек и Янек поочередно дежурили, охраняя хозяйство и непрошенных гостей.

Вскоре беда свалилась и на приезжих. Скот они держали поближе к дому, а кони паслись в недалёком леске. И вот увели их двух коней. Даже не ночью, а среди бела дня. Парни несколько дней ходили по окрестным селам, искали коней, но вернулись ни с чем. Даже хуторяне отнеслись сочувственно к такой беде. Что крестьянин без тягла? Иди по миру...

Вообще-то необычное для тех мест воровство шло по всей округе, где скопилось порядочно беженцев. Многие из них, попавши в зону военных действий, лишились всего: домов, имущества, скота. И они, видимо, восполняли таким

образом свои потери. Но замечу, кстати, что наших солдат никто в воровстве не подозревал. Крестьяне знали, как строго в советской армии наказывают за подобные поступки. Был такой случай: солдаты похитили гуся. Виновных нашли и судили публично перед жителями села.

Через неделю приезжие парни опять пропали куда-то с хутора и вдруг вернулись с двумя другими конями, на которые имели справки от военных и гражданских властей, что кони эти беспризорные и отдаются им во временное пользование, если только не объявятся их законные хозяева. Беспризорного скота, правда, порядочно бродило в зоне наших войск.

Как ни странно, но новые кони еще больше настроили моих хуторян против приезжих. Они теперь еще ревностнее следили за своими сожителями, проверяли даже, каким сеном те кормят свой скот. Сташек и Янек продолжали нести ночные караулы.

Однако, как ни стереглись мои хозяева, беда вторично пришла к ним. Пропала черно-белая телочка.

Опять утром я услышал на дворе крики. Беженцы, сбившись в кучу, стояли посреди заснеженного двора, окруженные владельцами хутора, те озлобленно кричали на беженцев, обвиняли, что без них тут не обошлось, и требовали сегодня же покинуть усадьбу.

Часом позднее я увидел, как беженцы молча и угрюмо грузят имущество на фуру. Хозяева с крыльца наблюдали за сборами.

На опустевшем хуторе потекла прежняя, полная взаимной вражды, холодная жизнь.

Чворачки

Чворачки — польское слово. Означает оно — четверняшки.

На соседнем хуторе молодая полька, рожавшая второй раз в жизни, стала матерью четверых близнецов — двух мальчиков и двух девочек.

Весть о чворачках облетела соседние с хутором села и дошла до наших медицинских работников.

Они отправились познакомиться с родителями и взглянуть на близнецов. Ведь, в самом деле, редчайший случай! То, что они увидели на хуторе, взволновало наших врачей. Младенцев принимала старая сельская бабка-повитуха, не имевшая понятия об элементарной гигиене. Ужаснули грязь в доме и бедность семьи. Во всем проглядывала люта́я нищета. Новорожденные были завернуты в какое-то ветхое тряпье. Отец и мать рождение четверых близнецов приняли как беду, свалившуюся на их головы за какие-то грехи.

Выкроив пару свободных часов, мы с товарищем тоже побывали на этом хуторе.

Маленький домик, в два крохотных оконца, осевший в землю. Низкий полоток, закопченные стены, плотно утопанный глиняный пол. Одна комната, тут же и плита. В углу на кровати лежала роженица, молодая женщина. Возле нее стояла широкая деревянная кровать с решетчатыми боковинками, а в ней четыре крохотных сверточка.

В комнате хлопотала знакомая медсестра Зина.

— Наш медсанбат над ними шефство взял,—

объяснила она. — Дежури́м по очереди. Наши врачи навещают мать два раза в день. Чворачкам наши девочки наготовили пеленок, простынок. Надолго хватит. Всем постарались их обеспечить. Эту кроватку солдаты сделали. Продуктами помогли. И дров завезли, а то дом и топить было нечем... А теперь уходите — должны понимать: матери отдохнуть надо, она только что детишек покормила.

Чувствуя себя в доме главной, Зина бесцеремонно выставила нас на улицу.

Нас теперь ежедневно интересовали и сводки о военных действиях на других фронтах и здоровье чворачек. Сколько разговоров было об этом! Наши медики внимательно следили за здоровьем близнецов и матери. В дом от солдат, офицеров из самых различных подразделений поступали щедрые подарки.

Всеобщее внимание ошеломило родителей.

Даже командующий армией генерал Лелюшенко как-то посетил хутор и сделал родителям самый, наверное, дорогой подарок.

По его приказанию саперы весело и быстро поставили просторный, в три комнаты, дом.

Вот какое неожиданное событие вклинилось в довольно монотонную нашу воинскую жизнь у Вислы.

Прорыв

В декабре и январе я довольно часто бывал в частях, которые находились на Сандомирском плацдарме за Вислой.

В подразделениях, расположенных у переднего края обороны, в эти зимние дни шла обычная, порядком всем прискучившая жизнь. Одни роты находились в обороне, сидели в окопах и укрытиях, внимательно наблюдая за противником, до которого было так близко, что в тихие дни и особенно по утрам можно было услышать обрывки разговоров на чужом языке; другие — отдыхали, отведенные для этого за три-пять километров в уцелевшие, покинутые жителями деревни.

Иногда наши или немецкие орудия открывали стрельбу. Но солдаты обеих сторон так глубоко закопались в землю и сидели в таких надежных блиндажах, что артиллерийские налеты особых потерь никому не приносили. Однообразие жизни нарушалось еще короткими ночными разведывательными боями. Но писать о них в газете нам строжайше запрещалось.

Еще в середине декабря вдруг стало пустынно на всех, оживленных до этого, магистральных дорогах, ведущих к главным переправам через Вислу на плацдарм. Немецкие воздушные разведчики, появлявшиеся в небе над дорогами трижды в день — на рассвете, в полдень и на закате короткого зимнего дня, — не могли обнаружить никаких признаков передвижения советских войск. Иногда лишь где-нибудь появлялся одинокий грузовик и катил по сверкающему под холодным солнцем шоссе, исчезая в сосняке или деревне. Да у самой Вислы замечалось движение подвод в том месте, где польские крестьяне работали на третьей линии обороны.

Но по дорогам, пустынным днем, мы по ночам несколько раз попадали в плотные «пробки». Войсковые пехотные колонны, танковые и артил-

лерийские соединения, понтонные части двига-

лись к Висле и, переправившись через нее, растекались в густых сосновых лесах плацдарма. Двигались отдельные роты и батальоны, батареи и дивизионы, полки и дивизии, корпуса и армии. Все на Сандомирском плацдарме жили в ожидании предстоящих боев. Солдаты, которым случалось бывать по служебным делам за Вислой, рассказывали своим товарищам о подходе свежих армий, и слухи о скором предстоящем наступлении с каждым днем усиливались. Мы в редакции тоже говорили только об этом и гадали по карте о рубежах, на которые могут выйти наши войска, начав новое наступление.

Ночь. Опушка леса...

Мы сидим на снаряжных ящиках. Ждем начала артиллерийского наступления — приказ об этом получен. Мы догадываемся, что это начало долгожданного прорыва войсками 1-го Украинского фронта обороны противника.

Валит густой снег. Такой густой, что мы словно в кисее. Снегопад начался еще вечером. И, не ослабевав, продолжается всю эту долгую ночь.

Тихо. Только шуршит снег...

Мы знаем, что по всему фронту нашего наступления сейчас стоят сотни орудий, направленных в сторону противника, леса набиты пехотой, танками самоходными орудиями, «катюшами». Тысячи людей вот так же, как и мы, слушают легкий шорох снега, вглядываясь в белесую мглу, и ждут ту минуту, когда дрогнет тишина, расколется небо и кругом забушует пламя.

Медленно движется время. Никогда, кажется, минуты так не растягивались. Большая стрелка нехотя обходит циферблат... Час. Другой. Еще час. Все так же валит и валит снег. И все та же кругом немота...

Это было подобно взрыву самой земли. Тысячи орудий разорвали тьму огненными вспышками. Во весь горизонт заиграло зарево.

Перестал идти снег или жар раскаленных снарядов испарил его? Но небо стало огненно чистым.

Каждую секунду на противника обрушивались сотни тонн смертоносного металла. Сколько могло продолжаться такое артиллерийское наступление? Прошло уже полчаса, а рев орудий не стихал. Прошел час. По-прежнему кругом не вело, дрожало и блистало... Артподготовка началась затемно, до рассвета, и сейчас потерялась граница утра и ночи. Артиллерийский огонь не утихал.

Это продолжалось два часа.

И вдруг все стихло так же внезапно, как и началось.

Ожили леса. Густыми, внешне беспорядочными колоннами, войска двинулись в сторону гитлеровцев. Гудели моторы машин. Слышался треск автоматов, хлопки гранат...

«Войска 1-го Украинского фронта, — сообщалось в оперативной сводке Советского Информбюро за 13 января 1945 года, — перейдя в наступление 12 января из района западнее Сандомира, несмотря на плохие условия погоды, исключая боевую поддержку авиации, прорвали сильно укрепленную оборону противника на фронте протяжением 40 километров.»

Решающее значение в прорыве обороны противника имело мощное и хорошо организованное артиллерийское наступление.

НА ПОЛЬСКОМ ХУТОРЕ.

В течение двух дней наступательных боев войска фронта продвинулись вперед до 40 километров, расширив при этом прорыв до 60 километров по фронту.

Вот торопливые строки из моей записной книжки:

«По шоссе, очищенному от мин, движется длинная колонна «тридцатьчетверок». Уральцы входят в прорыв.

Слышны орудийные выстрелы.

На поле много глубоких воронок, разбитых повозок, трупов лошадей. Вдали что-то горит после утреннего артогня. Миновали первую полосу обороны врага: окопы, а перед ними несколько линий спирали Бруно. В окопах виднеются кучи сопревшей соломы, валяются каски, противогазы, оружие. Кое-где видны трупы солдат в шинелях мышиного цвета. Все это уже припорошивает легкий снежок.

Воронки от снарядов все больше и больше. У второй линии обороны, проходящей по высоким высотам, покрытым редким кустарником и крупными валунами, земля лежит в многочисленных черных опалинах — следы работы «катюш». В воронках уже накопилась темная вода. В сероющем воздухе все ярче разгорается пламя пожара в недалекой деревушке, где высоко над домами поднимается тонкий шпиль костела. Расщепленные снарядами деревья ветками касаются земли. Мы втягиваемся в горящую деревушку...»

Километра на два, вероятно, вытянулась неподвижная колонна уральских «Т-34». Танкисты спокойно ждут, когда саперы наведут для них переправу. Речка-то вроде и невелика, да вот застряли у нее. Хорошо, что непогода закрыла небо не только для нашей авиации. Представить страшно, что тут могло быть, если бы появились немецкие самолеты над переправой. Такие картины мне не однажды приходилось наблюдать.

Вдоль дороги, по раскишему полю, с трудом пробираются два бронетранспортера, оцетинившиеся крупнокалиберными пулеметами, и «виллис». В колонне сразу узнают, кому принадлежит «виллис».

— Конев!..

— Командующий!..

У переправы машины останавливаются. Автоматчики прыгивают с бронетранспортеров. Конев идет к речке. Навстречу к нему бежит кто-то из офицеров уральского саперного батальона и коротко докладывает о причине задержки.

Конева окружают танкисты.

— Вот и опять начали войну, — шутиливо роняет маршал.

Слышно каждое его слово.

— Хорошо наступление начали, — продолжает он. — Видели, как артиллеристы оборону фрицев обработали? Пробили дорогу танкистам. А вот вы, молодцы-уральцы, что-то застряли... Медленно двигаетесь, — укоряюще добавляет он. — Не торопитесь, видно, в Германию...»

Он проходит к переправе, останавливается на срезе берега, наблюдает работу саперов. Они бегом волокут куда-то бревна, выкладывают настил моста, укрепляют ненадежный берег.

— Когда же меня уральцы пропустят? — обращается ко всем маршал.

Картина разом меняется. Со всех сторон к переправе бегут солдаты, танковые экипажи и дружно включаются в работу саперов.

Я встречал генералов, занимавших высокие должности, которые любили при случае «покомандовать палкой». Резкие команды, угрозы. Грешил этим и наш генерал Лелюшенко. Сейчас Коневым не было произнесено ни одного резкого слова. Маршал только осведомился, как долго его будут держать у переправы.

В короткое время надежный настил был готов. Майор, командир саперного подразделения, с облегчением доложил командующему фронтом, что можно переправиться.

— Благодарю, уральцы, за службу! — громко сказал Конев. — Надеюсь, что и в этих боях себя прославите! Давайте добивать фашистского зверя, кончать войну. Чем скорее, тем лучше для всего советского народа! — и пошел к своей машине.

Бронетранспортеры и «виллис» командующего фронтом первыми перебрались на другой берег и скрылись за холмами. За ними, торопясь, пошли через речку все «тридцатьчетверки».

«Войска 1-го Украинского фронта, — сообщалось в оперативной сводке Советского Информбюро за 15 января, — развивая стремительное наступление, 15 января овладели крупным административно-хозяйственным центром Польши городом Кельце — важным узлом коммуникаций и опорным пунктом обороны немцев, а также с боями заняли более 400 населенных пунктов...»

Я двигался с танкистами-уральцами разных батальонов. В эти дни они вели непрерывные трудные встречные бои с подразделениями 16-й и 17-й танковых дивизий противника, перекрывавших дороги в лесах на подступах к Кельце. Они пытались задержать развитие прорыва. Но не выдержали удара наших бронированных сил и, теряя технику, неся большие потери в пехоте, отошли.

Один из дней январского наступления запомнился вот чем.

Шел бой за маленький городок, очень чистенький, уютный. Там было много красивых особняков с палисадниками. Ползучие, сейчас коричневые, плети заросших роз вились по балконам и карнизам. На главных улицах и на небольших площадях, в ухоженных садочках, росли высокие каштаны, много кустов сирени.

Танкисты пробивались к центру города. Там стоял большой серый костел, похожий на каменный куб, превращенный немцами в главный узел обороны. Узкие оконца костела служили им амбразурами. Вокруг артиллерийские и пулеметные гнезда. Вся площадь пересекалась плотным огнем. От снарядов летела каменная крошка, пули звенели, рикошетируя о брусчатку.

Уже темнело, а бой, начавшийся днем, не утихал. Танкисты нервничали, опасаясь подхода свежих сил немцев.

На одном из зданий вблизи площади, где не-

давно размещалась немецкая комендатура, с уцелевшим еще фашистским стягом, на стене виднелась крупная надпись: «Да здравствует национальное государство польского народа! Долой тюрьмы и концлагеря! Свободу человеку! Долой виновников второй мировой войны!»

Националистические лозунги, написанные порусски, предназначенные для советских солдат, мы все чаще встречали на пути своего наступления в польских городах. Это действовали все более активно подпольные реакционные группы, руководимые польским эмиграционным центром Миколайчика из Лондона...

Только что подбили нашу «тридцатьчетверку». Она горела на углу площади. Трех танкистов из экипажа этой машины внесли в особняк на тихой боковой улочке, окруженной палисадником с фигурной металлической решеткой. Танкисты были из нового пополнения, еще не обстрелянные, только начали воевать. В их «тридцатьчетверку» попали две болванки. Ранения у всех ребят оказались тяжелыми, все они были иссечены осколками брони. Но держались молодцами.

Капитан Бутырин, который устраивал раненых, попросил меня:

— Побудь за санитаром. Где-то вся наша медицина застряла. Наверное, немцы опять дорогу тылам перерезали... Если обстановка ухудшится — вас не забудем...

Танкистов перевязали и положили в маленькой угловой комнате, где стояли две деревянные кровати, накрытые пуховиками, а в изголовье на стене висела скорбная бронзовая фигура распятого Христа.

Дом казался пустынным. Мы видели только молодую польку, всю в темном, словно в трауре. У нее было бледное изможденное лицо и большие запавшие черные глаза. Она помогала нам уложить раненых, потом принесла большой таз, кувшин с водой и полотенце. Вместе с ней мы умыли танкистов.

В дом доносились звуки уличного боя. Я достаточно разбирался в шумах войны, разбирался почти безошибочно в калибрах орудий и минометов. Отчетливо били наши танковые пушки и легкие минометы, доносились сухие очереди автоматной стрельбы, бухающие гулко разрывы противотанковых гранат. Но по шуму боя, искаженному улицами, нельзя было определить огневого преимущества той или другой стороны.

Горело какое-то высокое здание, в окно виднелись зловещие багровые языки, они росли, становились ярче и все выше поднимались над крышами домов, развеваясь и разметываясь. А в нашем доме стояла тишина.

Женщина внесла крошечную лампу-коптилку без стекла. Мы зашторили большие окна плотной бумагой, засветили слабый огонечек, и полька ушла в немоту дома.

Шли часы... Признаюсь, мне стало не по себе в этом пустынном доме на глухой улице с тремя беспомощными танкистами. Я знал, как в ночном бою порой неожиданно меняется обстановка. Кварталы, дома переходят из рук в руки. Бывает, что действуют и кочующие группы противника. Вот так, запросто, мы можем оказаться одни среди врагов, как в мышеловке.

Я прилег возле кровати на полу и положил сбоку автомат. Прислушался. Стрельба не затихала, казалось даже, что она приближается к нашему дому.

Вдруг в коридоре раздались тяжелые шаги. Раненый мгновенно приподнялся и поднял пистолет, я подтянул автомат.

Человек шагнул в комнату и тотчас отпрянул в коридор.

— Кто? — крикнул я.

Он ответил что-то по-польски.

В комнату проскользнула женщина.

— Пан офицер, — торопливо сказала она. — Казик... брат...

Неожиданно танкист, державший пистолет, что-то крикнул по-польски. Мужчина ответил и вошел уверенно в комнату. Танкист и поляк быстро заговорили. Я почти не понимал их, но тон разговора был дружеский. Несколько раз было произнесено слово Варшавы.

— Ты знаешь польский? — вмешался я в разговор.

— Научился, — сказал танкист. — Поляки у нас в Северном Казахстане в станице жили. Те, что в тридцать девятом году от Гитлера бежали. Ну, мы, ребяташки, и научились у них...

Танкист снова спросил о чем-то поляка, тот ему ответил.

— О чем вы говорите? — спросил я.

— Он — брат этой женщины, — пояснил танкист. — Рассказывает, как немцы Варшаву уничтожали. Зажали повстанцев в кольцо, никого не выпускали и заставили капитулировать. Ему чудом удалось через канализационные трубы вырваться... Тут в доме еще двое, его товарищи. Опасаются, справимся ли мы с немцами? спрашивают, много ли наших в городе?

— Сомневаются? Скажи — победим... Узнай, кто на домах по-русски лозунги против нас пишет?

Они опять заговорили. Поляк в чем-то энергично убеждал танкиста.

Мне показалось, что на улице идет какое-то подозрительное движение.

— Тихо! — вполголоса приказал я.

Подхватив автомат, я вышел в коридор, открыл дверь, стараясь не шуметь, и ступил на крыльцо. Поляк, который было двинулся за мной, остался в коридоре.

По улице мимо дома двигались люди. Они держались у самой решетки. Кто? Наши? Немцы? Я мучительно всматривался, боясь как-нибудь выдать себя.

— О черт! — тихо выругался один, споткнувшись. — Не отставать! — прикрикнул он.

Свой! Я облегченно вздохнул и двинулся к калитке.

— Стой! — резко крикнули мне. — Кто?

— Свой.

Против меня стоял рослый солдат, пылливо всматриваясь.

— Какой это свой?

Подошел старший лейтенант. Я все объяснил ему. Спросил, куда они направляются.

— К ним, танкистам. Немца из города вышибать. Хотим с тыла дать ему огонька.

Он двинулся дальше, солдаты за ним.

Я, успокоенный, вернулся в дом. На крыльце меня ждал поляк. Вместе мы вошли в спальню.

Танкист сидел на кровати, все так же держа в руке пистолет. Он вскинул мне навстречу.

— Что там?

— Наши автоматчики, — успокоил я. — К площади подтягиваются. Хотя с тыла немцев обойти... Так кто, все-таки, пишет эти громкие лозунги? — напомнил я.

— Не знает он, — сказал танкист. — Может, врет... Но спрашивает, почему мы не признаем правительства Миколайчика?

— Сказал ему, что на нашем фронте сражается польская армия? Вместе с советскими солдатами бьет немцев.

— Слышал о ней... Говорит, что не надо дробить силы. Есть польское правительство в Лон-

СЫНОВЬЯ ПОЛКА.

доне. Ему надо подчиняться. Зачем создавать новое?

— Поинтересуйтесь, — посоветовал я танкисту, — они все трое с оружием?

Они опять заговорили.

— Что?

— Вроде нет...

— Что же, если немцы вернутся — будут сдаваться?

— С нами собираются отходить. Тут не остаются.

Поляк постоял немного в комнате и тихо вышел.

...К утру танкисты закончили бой, выбив немцев из костела, овладели центром города. Противник в беспорядке отступал.

Капитан Бутырин часом позже подъехал на машине. С ним были санитары медсанбата. Они забрали раненых.

К вечеру мы были от этого городка километрах в двадцати.

Столкнулись с танковой частью противника.

Строго прямая, без малейшей кривизны, асфальтированная дорога рассекает лес. Стройные сосны, ровные, вершина к вершине, все одного возраста. Они стоят на равном расстоянии друг от друга, ни одна не выделяется из строя, ряд за рядом, образуя длинные, просматриваемые коридоры. Этот лес выращен человеком.

Колонна танков огибает неожиданное препятствие — подбитый и сгоревший «тигр». Борта его в жирно-черных опалинах, толстая пушка скобочена, словно ее выворачивали, а на броне возле люка черно-бесформенные, в разных позах, лежат пятеро сгоревших танкистов.

Падает легкий снежок, покрывает, словно тулевою накидкой, холодный металл «тигра», трупы.

Я еду на броне с автоматчиками. При виде этого «тигра», сгоревших немецких танкистов, среди солдат смолкают разговоры. Они всматриваются, стараясь разобраться, как тут проходил бой, как сумели подобраться наши ребята к этому зверю, обложить его и уничтожить.

— И броня не помогла, — роняет кто-то...

Пятый день наступления, пятый день непрерывных коротких или затягивающихся боев.

Танкисты действуют в прорыве. Так они воевали прошлой весной, когда выходили стремительным броском к Днестру, перекрыв в Каме-нец-Подольске пути отхода немцам. Такими же были их действия и прошлым летом, когда, разгромив противника подо Львовом, они вышли к Бугу. И сейчас танковая армия на польской земле рассекает гитлеровские соединения, отрываясь на десятки километров от пехотных армий, довершающих разгром врага.

Танковый батальон, с которым я проделал часть пути, останавливается в небольшом селе. Оно стоит на возвышенности, в садах. Жителей почти не видно. В это село подтягиваются все подразделения Пермской бригады. Надо привести в порядок машины, произвести необходимый мелкий ремонт, заправиться горючим, пополнить боеприпасы. Подтягиваются сюда и все тылы.

Передышка короткая.

Я сижу на крыльце, отдыхаю. За домом начинается большой фруктовый сад, а голых по-зимнему ветвях его гомонят какие-то птицы, устраиваются на ночлег. Гаснет закат, темнеет небо.

Так устал, что отказался идти ужинать. Хочется поскорее где-то прилечь, снять сапоги, вытянуть ноги и выспаться. Все эти дни провел с автоматчиками на броне. Спали урывками, пользуясь короткими передышками. Сегодня во время марша я задремал, да так крепко, что от толчка едва не свалился под гусеницу.

Мне, журналисту, можно находиться при оперативной группе бригады или корпуса, где относительно легче, спокойнее, чем в боевых порядках. Но тянет ближе к тем, кто ведет бои. Хочется быть рядом с ними, ближе видеть солдата.

Вчера я оказался в расположении ИПТАП — истребительно-противотанкового артиллерийского полка. Командует им импозантный подполковник Шульженко — высокий, плечистый, знаменитый среди добровольцев окладистой, до половины груди, черной бородой, словно сошедший со старинных гравюр генерал. Артиллеристы его полка отличились во многих боях. На их счету немало разбитых немецких танков.

Получив задачу перерезать дорогу танковой части противника, которая шла на выручку к своим в районе Кельца, артиллеристы оборудовали оборону на высоте. Местность отсюда просматривалась на глубину в 5—10 километров. Всего в полутора километрах виднелись белые дома деревушки, занятой немцами, а кругом тянулись поля, прикрытые снегом, прорезанные темными дорогами, обсаженными ветлами.

На нашей высоте стояла ветряная мельница. Кто-то посоветовал оборудовать на ней полковое КП, но подполковник Шульженко только усмехнулся:

— Лучше для немцев цели не сыскать. Да они обязательно по ней огонь дадут, вдребезги разнесут. Хороша для пристрелки! Подальше от нее — целее будем.

Немцы готовились к серьезной атаке. Шестерка «юнкерсов» кинулась на высоту, основательно пробомбила ее. Наши зенитные орудия встретили самолеты плотным огнем.

Меня этот воздушный налет застиг в чистом поле. Я ткнулся в ложбинку, прижавшись лицом к земле, жарко дыша в нее, слушая нарастающий свист бомб. Унижающее чувство полной беспомощности. Ты — слепая цель... Нервы напряжены, учащенно бьется сердце. А бомбы свистят и свистят... Потом раздается глухой удар, толчок земли передается и тебе. В горло лезет пороховой дым...

Я поднялся обессиленный, когда все стихло, слышался только удаляющийся гнусавый хрип моторов немецких самолетов.

И тут же открыли огонь наши противотанковые пушки: тяжелые танки противника вышли из села и устремились к высоте. Впереди бежали немецкие солдаты. Я увидел, как болванка, пушенная немецким танком, свистя, пропахала, словно плугом, землю, подняв ее острым черным гребешком.

Сидя в укрытии на скате высоты вместе с телефонистами, я прислушивался к звукам близкого боя.

Отсюда хорошо виднелась ветряная мельница, на которой предлагали оборудовать полковое КП. Она вдруг осела на бок, оцетинилась ребрами, а крылья ее зашевелились. Потом снаряд ударил в самое основание, обламывая крылья. Мельница вздрогнула и еще больше покосилась. Она словно не хотела умирать. А спу-

стя минуту — ярко вспыхнула огнем. Подполковник Шульженко оказался прав: немцы не пожалели снарядов на старый ветряк.

Рев орудий, пороховая гарь. Шульженко не выпускает телефонной трубки, держит связь с батареями. Появляются и исчезают офицеры.

Атаку немцев отбили с тяжелыми для них потерями. Артиллеристы в эти два часа расстреляли 9 танков, 3 бронемашин, побили много пехоты.

Сразу же наши «тридцатьчетверки», как только почувствовали, что немцы выдохлись, левее высоты двинулись на село и выбили из него противника.

Истребители танков тоже понесли потери: две пушки были совершенно разбиты.

Тут же на поле боя я записывал рассказ парторга взвода сержанта Лебедева о том, как воевал в этот день их расчет. Шинель Лебедева темнела пятнами крови, серая кожа обтягивала острые скулы. Он оглядывался вокруг себя, словно все еще не верил, что тяжелый бой кончился. Конечно, в своем рассказе Лебедев не мог передать всего того, что он испытал, излагал только самую суть событий.

— Десять танков перли на батарею, да еще две бронемашин, — хрипло рассказывал он, сильно затягиваясь дымом папиросы. — Наводчик Сергеев хорошо держался. Ну, как на стрельбище... Сергеев — лучший наводчик. Как только танки подошли, он сразу же двумя снарядами один поджег, да две бронемашин в пух разбил. Поубавил немцу энтузиазма...

В плечо и грудь осколками его ранило. Мы ему говорим — уходи! А он молчит, держится у пушки, брови сдвинул, ловит немца в прицел, стрелять не торопится.

Тут еще снаряд рядом разорвался. Упал Сергеев. Я подвинулся к нему, помочь думал. Он шевельнулся, посмотрел на меня, словно хотел что-то спросить, и замер: мертвый.

На его место встал Инчусигин — кореец, самый маленький в нашем расчете артиллерист. Немцы все ближе, снаряды кругом плотнее и плотнее ложатся. Минут пятнадцать Инчусигин у пушки продержался. Его осколком в живот ранило. Встал к панораме замковой Мясников. Он в нашем расчете по годам старше всех был, у него двое детей росло. И его скоро убило. Остался еще Туганов и я. Мы вдвоем и продолжали немца бить. За весь расчет работали. Тут немцы по нас и саданули напоследок сразу двумя снарядами. Пушку разнесло и Туганова крепко ранило. А я вот уцелел. Скажи, даже царапины нет. Только двое нас и осталось в живых. Я Туганова на себе в медсанбат притащил...

Он вздыхает. Был расчет, были товарищи. Пушку потеряли, товарищи погибли. Вот только со мной он и может поделиться пережитым.

Мы долго оба молчим.

Лебедев поднимается.

— Надо пойти, — говорит он, — сдать документы ребят. Отвоевались...

Это было вчера. То село, возле которого шел бой, теперь осталось километрах в двадцати. Утром сегодня был еще один бой, но закончился он быстро. Противник потерял три средних танка, десяток грузовых машин. Отступил. Но наши танкисты настигли колонну на шоссе и с ходу разнесли ее вдребезги.

Эта ночь танкистам дана на отдых.

Ночью я в соседнем доме, сплю на ворохе

ГВАРДИЙ СТАРШИНА А. К. КУЛИК.

ржаной соломы, рассыпанной по всему полу. Спать, спать... Ночью я изредка просыпаюсь. За окнами темно. Радуюсь, что ночь еще не кончилась, и тут же снова погружаюсь в сон.

Будят нас рано. По сигналу тревоги...

В двух километрах движется колонна немецких танков. Возле комбата — командиры машин. Он излагает обстановку, ставит задачи ротам. Водители уже заводят машины.

Новый бой...

Танкисты по радио поймали сообщение, что нашими войсками освобожден Краков.

А днем услышали очередную сводку Советского Информбюро, из которой узнали, что войсками 1-го Украинского фронта, вступившими в пределы Германии, на фашистской земле захвачены города Розенберг, Витшек, Ленсберг, Гутенберг...

Мы на земле врага!

Пришел долгожданный час!

Германия

Легкий снег лежал на земле.

На земле Германии он был точно такой, как и на земле Польши — легкий, чистый.

У обочины шоссе солдат заколачивал в землю дорожную указку. Обыкновенный русский

солдат. Пожилой, в заношенной шапке, в шинели, выдавшей виды, в ботинках и обмотках. А совершал он необыкновенное.

На синем фоне дощечки, аккуратно обструганной, белыми буквами было указано:

Берлин — 415 клм.

Мы вышли из машины и постояли молча.

Германия!..

Кто-то из нас спросил солдата, продолжавшего свою работу:

— Это точно — до Берлина 415 километров?

— Наш старший лейтенант никогда не ошибается, — строго сказал солдат.

— Рад, что в Германию пришел?

— А чему радоваться? Нужно, вот и пришли... —

— Издалека?

— С Вологды. Наше село называется Озерки... Я до этой проклятой Германии три с половиною года иду. Три брата нас пошли, да только мне вот одному удалось... Теперь за все фашист ответит.

«За десять дней наступательных боев — с 12 по 21 января — войска 1-го Украинского фронта, — сообщила оперативная сводка Советского Информбюро 22 января, — нанесли противнику следующие потери в живой силе и технике: уничтожено танков и самоходных орудий — 480, орудий — более 900, бронетранспортеров — 420, автомашин — свыше 15.000. Противник потерял только убитыми свыше 60.000 солдат и офицеров.»

За это же время войска фронта захватили следующие трофеи: танков и самоходных орудий — 254, орудий — 1580, минометов — свыше 2500, бронетранспортеров — 224, автомашин — 6500, паровозов — 22, железнодорожных вагонов — 1200 и большое количество разных складов с продовольствием и военным имуществом и крупные артиллерийские склады. Взято в плен более 21.000 солдат и офицеров...»

Эти потери немцы теперь несли на своей земле.

Чувство гордости преобладало над другими в те первые минуты, когда мы стояли на немецкой земле рядом с русским солдатом из Вологды. Гордость за великий подвиг всего нашего советского народа, гордость за русских солдат. К этому примешивалось любопытство. Что же это за страна, Германия, начавшая с нами войну?

Белые флаги

— Можно ехать в Берлин? — спросили мы солдата.

— Валяйте, — понял он шутку. — Только учтите, что там еще немец.

Машина шла по асфальтированному немецкому шоссе, которое стало теперь нашей военной дорогой. Я жадно всматривался в открывавшееся лицо Германии. Поразителен был внешний контраст: в Польше, которую мы только что оставили, убогие крестьянские дома, кое-как кры-

тые соломой, в Германии — каменные крестьянские особняки, крытые красной черепицей. Нищета и богатство!

Приграничная с Польшей Германия, которую мы пересекали хмурым январским утром, встала на колени перед русским солдатом. Во всех сельских домах, в пивных и гостиницах, которые встречались в каждом селе, из окон, слуховых окошек чердаков свешивались большие и малые капитулянтские флаги. Некоторые из них были явно простынного происхождения. И ни одного жителя. Они заранее покинули дома, предупрежденные о нашем наступлении. Боялись встречи с нами. Покидая села, выбрасывали, словно моля о пощаде, белые тряпки.

Брошенный скот бродит по зимним полям. Племенные черно-белые коровы, отягощенные молоком. Они внимательно и печально смотрят большими глазами на дорогу, по которой движутся воинские машины.

В одном из сел мы останавливаемся. Заходим в дом, занятый нашими солдатами. На столе жареная гусятина, банки с компотом, консервированными ягодами и фруктами.

— Где хозяева? — спрашиваем солдат.

Отвечает старший сержант. Он тут за главного.

— Никого нет. Сбежали... —

— И весь скот бросили?

— Зачем? Коней, например, всех увели. Ни одного коня в селе сыскать не могли. А как бы нам они сейчас помогли. Свои-то копыта посбивали.

Сержант показывает нам дом. Три комнаты обставлены лакированной мебелью, мягкие кресла, диван, деревянные кровати. Бельевые и одежные шкафы. Изразцовые печи. В шкафах много всякой стеклянной посуды, хрустальные рюмки, фужеры, фарфоровые сентиментальные фигурки. Мещанский уют.

Выходим со старшим сержантом на просторный скотный двор. Он весь зацементирован. Большие помещения, приспособленные для стойлового содержания скота. Сделаны желоба для стока навозной жидкости в компостную яму. Насосный колодец. Все выглядит добротно, прочно.

— Неплохо жили, — одобрительно замечает старший сержант. — Хорошо хозяйство вели. Не поймешь кто кулак, кто крестьянин. Двенадцать коров держал, да овец, свиней. Вон копильня у него в том углу... И чего им еще надо было? Своего добра полно, да еще и чужое к рукам прибирали. Мои хлопцы тут украинские рушники нашли — десять штук. Конечно, грабленные... —

Пусто в скотном сарае. Где же скот?

— Хозяиновать пришлось, — поясняет старший сержант. — Ревет скот — не кормлен и не поен. Ну и отпустили, пусть по воле побродит. На жнитве подкормится, да и лужу найдет.

Мы выходим на улицу.

— Германия... — задумчиво говорит старший сержант. — Пришли. Но еще не познакомились — какие у фашистских солдат матери и отцы? Сбежали! А куда? Все равно придется домой возвращаться, знакомиться... —

Мы останавливаемся у пивного дома. В низеньком зале длинный деревянный стол, стойка с медным пивным насосом, на полках ряды кружек. Тут тоже наши солдаты. Обедают.

— Хотели немецкого пивка попробовать, — говорит старшина. — Да не нашли.

Заходим в небольшую гостиницу. На двух

этажах восемь небольших комнат. Кровати все застланы, словно готовы принять гостей. Внизу в комнатах хозяев та же чистота. Солдаты бродят по комнатам, но ничего не трогают. Только сорвали со стены портрет Гитлера и он валяется на полу, истоптанный сапогами.

Розенберг — первый немецкий город, который я увидел на пути к Одеру.

На центральной площади его — памятник немецким солдатам, погибшим в первой мировой войне. Тяжелый массивный крест с именами солдат на цоколе. Потом подобные памятники мы видели не только во всех городах, но и во многих селах.

Возле памятника стоит наша военная регулировщица, хрупкая девчушка в мешковатой шинели, тяжелых кирзовых сапогах, с покрасневшим от знобкого ветра носишком. Флажками она указывает шоферам проходящих через площадь машин поворот на шоссе к Одеру.

Оставив машину на площади, мы пошли знакомиться с немецким городом.

Тут, как и во всех селах, через которые мы проехали в этот день, нет ни одного жителя. Пустой город! Брошенный! С теми же, во множестве, белыми флагами капитуляции.

Был и одновременно не был немецкий город Розенберг. Стоял он мрачный, брошенный своими людьми. Но жизнь в нем шла. Наша жизнь! Через него катилась лавина советских войск, поспешая к тем, кто сейчас сражался на Одере. И те солдаты, что проезжали через Розенберг, с любопытством вглядывались в первый немецкий город на их пути. Но им некогда было получше всмотреться в него. Война торопила их вперед и вперед.

Все солдаты думали об одном: дошли до Германии! А сколько же теперь осталось до Берлина?

Хотя все они, вероятно, видели указку, вбитую русским солдатом на немецкой земле, — до Берлина 415 километров.

«Войска 1-го Украинского фронта, продолжая наступление, — сообщалось в оперативной сводке Советского Информбюро 6 февраля, — форсировали реку Одер юго-восточнее г. Бреслау (Бреславль), прорвали сильно укрепленную долговременную оборону немцев на западном берегу реки и за три дня наступательных боев продвинулись вперед до 20 километров, расширив плацдарм до 80 километров по фронту».

Расплата

По хрупкому льду я перехожу Одер. День стоит хмурый и сырой, с неба то сеет дождь, то начинает густо валить снег. Правее, по бревенчатому настилу поверх ненадежного льда, переправляется на плацдарм артиллерийская часть. Для маскировки на длинные пушечные лафеты и стволы наброшены тюлевые полотнища. Тянется прямо по льду рядом с переправой длинная цепочка автоматчиков. Почти все солдаты ведут за ручки велосипеды самых разных марок и фасонов. Среди них попадаются туристские на двух

ГВАРДИИ СТАРШИНА Ф. П. СУРКОВ.

и трех седоков, гоночные, даже изящные дамские. Многие пехотинцы в эти дни перешли на такую механизированную тягу, благо войска теперь движутся по многочисленным асфальтовым дорогам, а брошенных жителями велосипедов полно в каждом селе. Попадались и воинские склады с велосипедами.

Артиллеристы торопятся с пушками на другой берег. Их подпирают «тридцатьчетверки», ожидая, когда артиллеристы освободят переправу. Танки тоже в тюлевых накидках. Трофейный тюль взят прямо с фабричного склада.

Такую картину я наблюдал в февральские дни 1945 года на Одере. Мы врвались в глубину Германии.

За Одером на высоком холме, окруженном столетними дубами, виднеется темный старинный замок, с угловатыми зубчатыми башнями — массивный, внушительный. Замок-крепость. На одной из башен на легком ветру плещется красное знамя.

Дорога идет правым берегом широко разлившегося в весеннем половодье Одера. Стоит яркий солнечный день. В низинах, в канавах вдоль шоссе, в бороздках на полях весело сверкает талая вода.

Вдали показываются красные черепичные крыши и костел деревни.

На вязких полях около деревни много местных жителей. У обочины шоссе стоят трое наших старых солдат и наблюдают за непонятной для нас работой немцев.

Наша машина останавливается возле солдат и в лицо нам ударяет сильный тошнотворный трупный запах.

— Что у вас тут? — спрашиваем солдат.

— Немцы своих убирают, — отвечает один из них.

Мы едем дальше.

Я вспоминаю многочисленные немецкие кладбища на русской земле под Старой Руссой, возле сел Подмосковья, на Орловщине. Немцы словно кичились своими порядками во всем. Аккуратные рядки могильных холмиков, выложенные по шнуру, одинаково аккуратно сделанные кресты из русской березы, на каждом дощечка, где указаны имя, воинское звание, даты рождения и смерти. Орднунг!

Теперь другой орднунг! Теперь бросают погибших или хоронят наспех, в общих могилах, безымянно. И это на своей, на немецкой земле.

Пусть же видит это вся Германия! Пусть запомнит на долгие времена!

Подарки

Бой, тяжелый бой... Отвоёван у немцев еще один немецкий город. В оперативных сводках Советского Информбюро теперь сообщают не столько о взятых населенных пунктах, сколько о городах.

...Утром раздался последний выстрел. Бой шел всю ночь. Особенно упорным он был на западной окраине, где стояли прочные, словно для войны и сложенные, корпуса шелко-ткацкого комбината. Там немцы, стянув все наличные силы, вели круговую оборону. Кирпичные стены плохо поддавались артиллерийским снарядам. Решающую роль выполнили «катюши». В темноте, подойдя на возможно близкую дистанцию, они дали огненный залп реактивными снарядами, лишили немцев самообладания, сломили их волю. Танкисты, обрушив стальные глухие ворота, ворвались через каменный сводчатый проход на заводскую площадь. Автоматчики ринулись к подъездам цехов, блокируя все выходы.

Ночной бой завершился, немцы выходили, бросая на асфальт оружие и высоко вытягивая руки.

В этот день к танкистам приехали гости Урала и привезли подарки от рабочих коллективов и колхозников.

Но встретить дорогих гостей с армейским гостеприимством не было возможности. «Тридцатьчетверки», несколько часов назад вышедшие из боя, занимают всю узкую городскую улицу. Экипажи заняты сборами. Им предстоит марш, точнее — энергичный бросок к другому узлу сопротивления гитлеровцев.

Члены делегации, пожилые мужчина и женщина, обходят машину за машиной и вручают воинам пакеты. В них — папиросы, флаконы одеколона, носовые платки, бритвенные приборы, расчески, всякая другая мелочь. Танкистам дары эти дороги.

У худенькой женщины, повязанной простым платком, грустное лицо. Она мечтала повидаться с сыном, башенным стрелком, а он оказался в другом батальоне, который сейчас ведет бой где-то километрах в восьмидесяти от этого города. Так и придется уехать матери домой, не повидав сына.

На соседней улице грузовики, идущие в тыл за боеприпасами, продовольствием и всяким военным имуществом, загружаются медными длинными стреляными снарядами гильзами. Там, на далеких заводах, по количеству этих гильз смогут наглядно представить, как много нужно боеприпасов даже для одного боя.

Возле машин идет непривычная веселая суэта. Танкисты, обычно равнодушно и беспечно относившиеся к сбору и отправке в тыл гильз, в этот раз сами таскают их охапками, торопя и подгоняя друг друга.

Дело в том, что члены делегации везли танкистам и иные подарки — несколько вагонов с боеприпасами, изготовленными на заводах сверхзадания. Теперь эти вагоны будут загружены гильзами. Кому-то в голову пришла счастливая мысль: послать свои подарки в тыл. Ответить уральцам.

После боя, обходя корпуса шелко-ткацкого комбината, солдаты обнаружили три склада готовой продукции. Разве танкисты не имеют права распорядиться малой частью этих трофеев, которые уцелели случайно, не погибли в огне. Надо снарядить пестрым трикотажем пустые снаряженные гильзы. Они попадут в руки девчат и женщин, работающих на снаряжных заводах. Какие это будут для них нужные подарки! Ведь трудно сейчас на Родине с вещами. Все выдается строго ограничено, по карточкам. А эти трофеи — для детей, девушек, женщин.

— Передадите? — спрашивают танкисты члены делегации. — Понимаете, какие это гильзы? Проследите за ними?

Те улыбаются, обещают.

И на лице женщины, которая, видимо, примирилась с тем, что не увидит сына, тоже появляется слабая улыбка.

Пишутся короткие записки и закладываются в тугие матерчатые свертки: «Шлите больше снарядов — скорее добьем Гитлера!», «Шлем гвардейский привет из фашистской Германии!», «Добьем Гитлера!», «Помогайте взять Берлин!»

...Грузовики загружены, трогаются в путь.

Мы стоим и смотрим, как колонна машин удаляется по шоссе. Снарядные гильзы несут привет далекому тылу от уральских солдат, которые пришли в Германию и торопятся окончательно разгромить врага.

«Войска 1-го Украинского фронта с боями овладели, — сообщается в оперативной сводке Советского Информбюро от 31 марта, — городами Ратибор и Бискау — важными узлами дорог и сильными опорными пунктами обороны немцев на левом берегу Одера, а также с боями заняли более 50 населенных пунктов и среди них Братш, Тюрмитц, Хохкретшам, Катшер, Тром, Заудинц, Вейяндорф, Хоенбиркен, Пшув, Рыдзюль-тау...»

Идем по Германии

Мне не спится.

Сегодня, после длительного пребывания в танковых войсках, я вернулся в редакцию с запасом материалов в блокнотах. Теперь надо быстрее рассказать, как воюют наши танкисты в Германии. Но мне хочется поскорее сдать в газету все материалы и вернуться в войска.

Редакция расположилась на высоком берегу Одера в просторном двухэтажном богатом доме сбежавшего владельца кирпичного завода Ганса Цомака. У реки на берегу видны длинные штабеля красного и белого кирпича, красной черепицы, низкие сушильные сараи, здание обжи-

гового цеха и черные бараки, обнесенные колючей проволокой, в которых жили украинские девушки, привезенные сюда для рабского труда.

Я поселился не в роскошном особняке заводчика, где жило большинство офицеров редакции, а в крошечном — на две комнаты — домишке садовника в дальнем углу обширного яблоневого сада.

Как много я увидел за прошедшие дни!
Ошеломленная Германия!

Немцы до этих месяцев все еще на что-то надеялись, верили в силу немецкого солдата, не ожидали, что русские придут в их дом. Фюрер и его подручные продолжали заверять в непобедимости вооруженных сил рейха.

А русские солдаты с берегов Оки и Волги, Дона и Днепра, с Урала и Кавказа пришли в Германию и перешагнули за Одер. Пришли уральцы и сибиряки, орловцы и волжане, донцы и кубанцы, грузины и армяне, казахи и узбеки. Пришли солдаты даже маленьких народов Крайнего Севера. Все народы огромного социалистического государства, на которое смертоносной войной замахнулась клика Гитлера.

Наступил час возмездия!

Мелькают в памяти картины, сцены, встречи, вспоминаются разговоры, беседы...

Не моя задача описывать блестящие операции танковых войск 1-го Украинского фронта в Силезии и на Одере. Это задача военных историков. В этих записках я хотел передать читателю только те подробности, свидетелями которых стал.

...Вечерний марш танковой колонны проходит спокойно. На нашем пути — три городка. По данным разведки, войска противника находятся юго-западнее, за сильными узлами сопротивления, подготовленными ими на пересечении шоссейных и железных дорог. Танкистам предстоит обойти с тыла эти узлы и ударить по немцам, отрезая им пути отхода. Устроить небольшой «котел».

Сеет мелкий дождь. Смутными тенями мимо проплывают деревья, которыми обсажено шоссе. Переднюю машину мы видим только по двум крошечным красным бортовым фонарикам. Около десяти вечера, в сырой тьме, без единого выстрела, не встретив противника, танки втягиваются в город. Он стоит сумрачный, тихий, без огонька. Только слышится скрежет гусениц о брусчатку, да на повороте грохнулся вдруг чугунный фонарь, поваленный нерасторопным водителем «тридцатьчетверки». Гул прокатился по улицам. Гусеницы танков с хрустом дробили осколки чугуна.

Обманной и коварной кажется эта тишина вражеского города. Автоматчики, плотно прижавшись к броне, держатся настороженно, готовые при малейшей опасности открыть огонь, вступить в бой.

На центральной площади, окруженной зданиями повыше, с обязательной киркой, угадываемой по ровным высоким стенам, узким щелям окон, внезапно распахиваются две широкие двери, ослепляют нас полосами электрического света. Он отражается в лужах, мокрому асфальту, выхватывает из тьмы густую сетку дождя. На фасаде отчетливо блестит вывеска кинотеатра, хорошо видны цветные рекламные афиши. Из распахнутых дверей густо плывут на улицу зонтики, заполняют собой тротуар. Немцы, увидев

обстоятельства. Толпа растет, безмолвно наблюдает, как танки проходят мимо.

Для нас появление толпы в ночном городе было такой же неожиданностью, как для немцев прохождение танков.

Из толпы звучный мужской голос кричит что-то ободряющее.

Тут только до нас доходит, что советские танки горожане приняли за немецкие.

Тогда с одной из машин, из темноты раздается могучий русский бас:

— Гитлеру капут!.. — и через секунду тишины: — Пролетари аллер лендер, берейтех ой! — Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Среди раскрытых зонтиков раздается истерический женский вопль. Застучали по тротуару десятки каблучков. Толпу, словно ветром, выметает с площади. Несколько зонтиков катятся по мостовой. А в полосах электрического света все продолжается шествие наших машин.

Не замедляя движения, не выстрелив, уральцы выходят на другую окраину, продолжая свой марш.

Было так. Но было и другое...

Бой в Хеберсдорфе начался до рассвета и закончился к полудню. Но какой! Когда он закончился, подполковник Василий Иванович Зайцев, командир Пермской танковой бригады, человек вообще сдержанный, сказал:

— За один такой бой я всех бы орденами наградил.

ГВАРДИИ СЕРЖАНТ С. П. ИЗВЕКОВ.

Немцы в Хеберсдорфе потеряли 7 тяжелых танков, 9 самоходок, 8 орудий, 63 автомашины, 20 бронетранспортеров. Все это валялось горами искореженного и сгоревшего металла в самом Хеберсдорфе и на подступах к нему. Тут нашли свою смерть более семисот гитлеровских солдат и офицеров, 3 тяжелых танка, 21 орудие, 12 тяжелых орудий, 810 автомашин, более 2000 винтовок и 200 пулеметов достались исправными.

Но понесли потери и уральцы. Несколько «тридцатьчетверок» напоролось на замаскированные позиции тяжелых самоходок, на прямые, смертельные залпы. В уличном бою погибла еще одна «тридцатьчетверка». Сгоревшая машина стояла на углу двух улиц, броневые бока в оплавленных дырах, словно прожигали металл автогенном. Из экипажа двое были убиты, рядом с танком лежали трое наших мертвых автоматчиков.

Это сделали немецкие фаустпатронщики из группы фолькштурмистов, сидевшие в засаде. Их, охотников за нашими танками, собранными из гражданского населения, все больше появлялось на пути наступления. Притаившись, они били из окон домов, с чердаков, из-за угла.

Город за городом

«За последние три дня в районе центральной группы наших войск, — сообщалось в оперативной сводке Советского Информбюро от 19 апреля, — велась силовая разведка, которая переросла в бой по захвату и расширению плацдармов на реке Одер и Нейсе.

В результате этих боев наши войска на Дрезденском направлении форсировали реку Нейсе и овладели городами Форст, Мускау, Вейсвассер».

Дороги затянуты дымом лесных пожаров. Иногда стена огня подступает к самому краю шоссе, пересекающего густые леса Форста и Пфертена. От жара и гари трудно дышать. За огненной стеной, которой немцы думали перегородить нам дорогу, начинаются лесные завалы, траншеи, земляные укрепления, проволочные заграждения. Наша артиллерия разбила эту полосу обороны противника, и войска подошли к Нейсе.

Старший лейтенант Филиппов рассказывает мне, как ночью он со своими бойцами переправился на западный берег и, скрываясь в лесной чаще, неожиданно вышел на южную окраину города. Немцы решили, видимо, что советские войска начали генеральный штурм Форста. Заговорила чуть ли не вся артиллерия Форста. Снаряды падали в воду, в глубину горящего леса. И пока смельчаки роты Филиппова вели разведку боем, наши артиллерийские наблюдатели в последний раз проверяли сложную огневую систему врага, засекли все новые и новые цели.

На рассвете при сильной поддержке артиллерии многие подразделения начали одновременно переправляться через Нейсе. В роте лейтенанта Панферова вместе служат два брата Зарубич — Николай и Федор. Для переправы были отысканы лодки, но лейтенант решил, что рота перейдет реку вброд. Николай Зарубич брод нашел скоро, и рота быстро переправилась на западный берег. Николай вернулся обратно и пе-

ревел вторую роту, затем третью, минометчиков... Восемь раз под огнем врага переходил он Нейсе, переправляя все новые и новые подразделения.

Под бешеным огнем вышли наши солдаты на западный берег, штурмом, бросками пробрили первую, вторую и третью линии береговых траншей. В минуту, когда несколько стих огонь, солдат Павел Стэч, из западных украинцев, сказал своим товарищам по отделению:

— Вот, значит, мой обратный путь...

Его товарищ, Данилюк, хорошо понял Павла. Немцы угнали Стэча на запад Германии в лагерь. Он бежал, шел ночами, голодал сутками, пока не наткнулся на группу советских людей, которой командовал человек по имени Клим. По Германии, потом по Польше этот отряд пробил себе дорогу к своим. Теперь обратный путь — путь мести через проклятую фашистскую страну.

...Ожесточенный бой продолжался после форсирования Нейсе и на улицах Форста.

Куда ни взглянешь — заводские трубы. Только что очищен от немцев огромный завод. Он занимает сорок гектаров. И под землей целый город — казематы, цехи, переходы, силовые станции. Через кирпичные стены, пробивая своеобразный тоннель, наши солдаты занимают цех за цехом, дом за домом, квартал за кварталом, прочесывая все уголки.

Канал Мюль Грабен, ответвляясь от Нейсе на южной окраине Форста, тянется вдоль реки с юга на север. Батальон капитана Климентьева освобождает это заводское междуречье. В это же время солдаты капитанов Палеха и Влащенко железно окружают центр города. Занимая южные и юго-западные кварталы, они захватили электростанцию. Немцы теперь зажаты в клещи.

Братья Зарубич с первыми солдатами ворвались в здание электростанции и выбили из нее немцев. В этом бою Николая ранило в правую руку. Но он продолжал стрелять левой, пока командир роты Панфилов не приказал ему отправиться в госпиталь.

— Иди, иди, Коля, только побыстрее возвращайся, — сказал ему Федор.

Ночью в группе смельчаков — по-другому не назовешь этих солдат — Федор пошел на штурм многоэтажного дома. Солдаты выбили немцев гранатами и заняли оборону. Федор сидел с пулеметом у окна на третьем этаже. Несколько раз в эту ночь немцы пытались ворваться в дом. И всякий раз маленькая группка, среди которой были и раненые, отбивала атаки немцев.

Наутро солдаты продолжали наступление. Очищая дом за домом, захватывали они районы Форста. Борьба на всех участках шла трудная и ожесточенная. Минометчики во многих случаях вели огонь на предельном угле возвышения, посылая мины буквально через стены домов.

Все туже петля затягивалась и вокруг стадиона, окруженного каменными зрительными трибунами, где скопились гитлеровцы. Наконец, ликвидировали и эту группировку немцев. Подавили последние очаги сопротивления — в здании крематория и на городском кладбище.

Наши солдаты заканчивают очистку Форста. В боях за этот город они разгромили два фашистских пехотных полка, с приданными ему самыми различными артиллерийскими подразделениями, захватили большие военные и заводские склады с самым разнообразным имуществом. Красные победные знамена реют над Форстом.

...Эти хроникальные записи я делал в самом Форсте, перебегая вместе с солдатами из цеха в цех. Бесперывно сыпалась жесткая щебеночная крошка, пахло мазутной гарью, рушились стены каменных укрытий, а бои все продолжались за следующее заводское здание, за следующий квартал жилых домов.

Идет широкое наступление. Все знают, что это не просто наше очередное наступление — это и битва за Берлин. Это последние километры к столице фашистской Германии. Последние бои, последние залпы артиллерии...

На марше я встречаю батальон танкистов, который ведет двадцатипятилетний майор Курцев. Молодой офицер начал воевать под Москвой, командуя ротой легких танков. Потом он пересел на «тридцатьчетверки». В его послужном списке десятки танковых сражений и боев. Вот каким он приходит к Берлину! За последние шесть дней этот батальон прошел с боями по немецкой земле более трехсот километров. По пятьдесят километров в сутки. Как танкисты выдерживают подобную нагрузку? Майор показывает мне на карте извилистый путь батальона, с рядом петелек, которыми они надежно захлестывали дезорганизованные немецкие части и ликвидировали их.

— Торопятся ребята к Берлину, — говорит Курцев. — Хотят первыми войти в него.

Еще встреча в пути. Танковый батальон, которым командует майор Павел Чирков. Мы с ним знакомы еще с боев под Орлом. Таких офицеров-ветеранов в Уральском корпусе сохранилось не так уж много.

— Бьются стойко, — сдержанно говорит он о последних встречах с немцами. — На Орловщине они тоже были храбрыми. Но тогда их вдохновляла уверенность в победе, а сейчас — отчаяние смертников.

Он рассказывает о последнем нелегком бое. Продолжался он четверо суток. Наши танкисты наткнулись на группировку, в которой было много танков, поддерживаемых значительными силами пехоты, артиллерии. Противник занял выгодные городские рубежи, и атака в лоб привела бы к значительным потерям. Чирков решил попытаться обмануть противника. Взвод «тридцатьчетверок» вышел в огневую разведку. Приняв короткий бой, эти машины, вместе со всем батальоном, отошли. Гитлеровцы попались на эту хитрость. Они решили, что русские танки теперь попытаются атаковать их на юго-восточной окраине и направили туда свои главные силы. Тут их и встретили в засаде уральцы. Начался ночной бой...

Четверо суток немцы пытались вырваться из города. Но капитулировать не соглашались. Уральцы плотно перекрыли им все дороги. На исходе четвертых суток гитлеровцы все же сложили оружие, потеряв 32 танка.

С начала военных действий в Германии батальон прошел по немецкой земле по прямой шестьсот с лишним километров, а с отклонениями — более полутора тысяч. Им взято штурмом — шесть немецких городов.

Об одном этом батальоне может быть написана документальная повесть, полная подвигов. Только за бои на Западной Украине, за освобождение Каменец-Подольска и Львова

МИНА.

четверым танкистам присвоено звание Героя Советского Союза.

Я еду с Павлом Чирковым на его командирской машине. Ведет ее гвардии старшина Федор Сурков, Герой Советского Союза. Этого парня, прекрасного водителя, бесстрашного и умелого солдата, любят в батальоне. Его, как и Павла Чиркова, я знаю тоже еще с Орловщины и не раз писал о нем.

Иногда ребята шутили, что есть заговоренные от смерти. К таким можно смело отнести Федю Суркова. Шесть машин успел он потерять за многие месяцы войны, а вот сам продолжает воевать. Чудом можно считать, что он остался жив во Львове. Его машину, вырвавшуюся в уличных боях впереди других, выследили и подбили фаустники. Танк запылал. Ежесекундно он мог взорваться от детонации снарядов. Федя Сурков, не покинувший гибнущей машины, продолжал бой. Он увидел «пантеру» и встал к пушке. Первым снарядом он промазал, вторым смертельно ранил вражескую машину. Но в то мгновение, когда Сурков выпустил второй снаряд, его «тридцатьчетверка» взорвалась. Воздушной волной с нее сорвало и отбросило в сторону башню, а Федю выбросило на тротуар. Его, раненого и оглушенного, подобрала и укрыли жители Львова — свидетели этого боя. В этот район города танкисты прорвались только через сутки. Жители и передали раненого Суркова, которого они прятали от немцев.

В этот же день я снова встретился с подполковником Василием Ивановичем Зайцевым.

Он измотан. Обстановка все время меняется, противник неожиданно появляется то на пути движения бригады, то на флангах, в тылу.

Зайцев старается не задерживаться на промежуточных рубежах. Бригаду торопят к Берлину. Генерал сердито выговаривает ему по радиосвязи за каждое промедление, за каждую задержку.

А Зайцеву надо не только воевать, но и к Берлину подойти боеспособным. Надо беречь людей и машины.

У последней реки

Вот строки из записной книжки тех последних дней войны:

«...Грозной стеной вставало на пути наших войск междуречье Нейсе — Шпрее. А преодолели его за двое суток. Два дня сражений, не утихавших ни днем ни ночью. Два дня упорного неудержимого движения на запад — к последней реке, за которую уцепились немцы, защищая каждый клочок земли.

В головном отряде вместе с пехотой шло подразделение противотанковых орудий капитана Соловьева. Двигаться приходилось через горящие леса, прорываясь сквозь стену огня. У канала немцы попытались задержать наши подразделения. Самоходка противника открыла сильный огонь. Тогда артиллеристы, не ожидая саперов, сами навели переправу и, очутившись на западном берегу, с фланга, прямой наводкой ударили по гитлеровцам. Этим был открыт путь для пехоты.

В селе Гросс-Бахшедорф немцы организовали круговую оборону. Их взяли в клещи. Огонь врага ослабел. Артиллеристы беглой стрельбой

ударили по бегущим расчетам, по отступающей немецкой пехоте. Наши солдаты ворвались в село и захватили шесть исправных 88-миллиметровых орудий. К ним нашлись и снаряды, так что трофеи сразу были пущены в дело.

Все междуречье Нейсе — Шпрее превратилось в огромное кладбище немецкой техники. На проселках, опушках лесов, на шоссе стоят подбитые и сожженные «тигры» и «пантеры», грузовые машины самых разных марок. Только на улицах Ладбедорфа я увидел четыре уничтоженных танка.

Скорее! Скорее завершить последний бой!.. Эта мысль владеет каждым солдатом, каждым офицером. Днем с ходу ворвались в Нейхаузен. Берег Шпрее отсюда в трехстах-четырехстах метрах. Вон за тем леском синее быстрая, в низких берегах река.

Шпрее. Последний водный рубеж перед Берлином!

Немцы сделали все, чтобы в сильно укрепленном поселке Нейхаузен задержать наше наступление, не дать форсировать реку. Танки подерживали сильный пехотный гарнизон. Всюду — артиллерийские расчеты.

Капитан Жилинский двое суток назад в числе первых форсировал Нейсе. Теперь он вел своих солдат к Шпрее.

Веером на лесной поляне расположились наши артиллерийские позиции. Грянул залп, и берег Шпрее заволокло дымом. Пехота вырвалась вперед. Немецкие танки и бронетранспортеры притаились в засадах. У бойцов Жилинского были противотанковые ружья. В руках смелых это грозное оружие.

Немецкий танк показался из засады. Сержант Виктор Касаткин хладнокровно дождался, пока танк повернулся к нему боком, затем выстрелил. Танк загорелся.

Виктор Касаткин — уралец, до войны он был председателем одного из лучших колхозов, прошел большую путь войны. Из снайперской винтовки Касаткин застрелил 44 немца. Теперь он на подступах к Берлину открыл счет танкам.

Немцы отступают. Пехотинцы преследуют их буквально по пятам, не давая закрепиться. На этом участке русло реки перегораживала плотина мельницы. Немцы взорвали мост и плотину. Но это не могло остановить наших солдат. По обломкам досок, по кускам взорванного бетона, не отставая от немцев, они переправились на правый берег.

Первыми на левый берег Шпрее на этом участке переправились солдаты батальона, который вел капитан Делибалтаян. Отважные поступки его солдат не перечислить.

Здесь, на левом берегу, проходило три ряда вражеских траншей. Немцы вели сильный пулеметный огонь. Тогда младшие лейтенанты Белоусов и Бакуновец повели своих солдат в обход. Они зашли глубоко в тыл врага и оттуда ударили по нему.

Смелый и быстрый маневр решил успех захвата плацдарма на Шпрее. Немцы отошли.

Шпрее тут была форсирована.

Еще продолжался сильный бой, а саперы уже наводили прочные переправы. К шести часам вечера они свою работу закончили. В это время пехотинцы расширили захваченный плацдарм, продолжали теснить немцев. На завоеванный пехотинцами плацдарм лавиной хлынули по переправам артиллеристы и танкисты.

Через Шпрее на западный берег движется грозный поток советских войск. Час за часом, день и ночь.

«Вперед на Берлин!»

Все ближе и ближе к победе движутся советские войска».

«Войска 1-го Украинского фронта, — сообщалось в оперативной сводке Советского Информбюро 23 апреля, — перейдя в наступление, прорвали при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации сильно укрепленную и глубоко эшелонированную оборону немцев на реке Нейсе, продвинулись вперед от 80 до 160 километров, овладели городами Коттбус, Люббен, Цоссен, Беелитц, Лукенвальде, Троекенбрицен, Цана, Мариенфельде, Треббин, Рангсдорф, Дидерсдорф, Тельтов и ворвались в столицу германии Берлин».

В этот же день из сводки Советского Информбюро мы узнали, что наши соседи — войска 1-го Белорусского фронта тоже ворвались в Берлин.

Я записывал в дневнике:

20 апреля.

Никогда еще не выглядела так военная дорога. На каждой пушке, на танках, самоходках праздничные надписи. К пехотной пушке Алексея Сугрובה привязана лента, на которой всего три коротких слова: «Вперед на Берлин!» Эти же слова на стволах пушек. Огромную, «убедительную», как говорят солдаты, самоходку украшает транспарант: «Через Берлин путь к окончательной победе!»

День сегодня хмурый. Кругом хвойные леса, перелески, сожженные лесным пожаром, обугленная черная земля, горький запах гари. Дождь то перестает, то снова льется с холодного неуютного берлинского неба. А на душе у людей праздник. Низко, под тучами, проносятся штурмовики, даже в эту непогоду продолжающие свою работу. Три минуты лета до Берлина! Шутка сказать — последние километры, конец великого и грозного пути!

Вот движутся самоходчики подполковника Шапарь. Только что в бою они зажгли немецкий танк, разбили два орудия, немецкий транспортер. В тяжелом бою ранен командир машины Колосов. Его хотели отправить в госпиталь.

Он резко отказался:

— Сдурели! До Берлина никуда не уйду. Перестаньте...

Старшина Николай Карпенко начал войну в 1941 году в Мариамполе в 13-й пограничной заставе, там принимал первый бой, оттуда отходил, теснимый немцами.

— Знаете, — говорит он, — с первого дня войны на фронте. С того времени семью не видел. Трижды ранен. И было такое чувство, что страшно устал, просто иногда казалось: сил больше нет. А теперь вот скажи мне: пойди, Карпенко, отдохнуть — это было бы для меня хуже всякого наказания. Хочу войти в Берлин!

Командир орудия сержант сибиряк Николай Рябинин прошел со своей пушкой от самого Сталинграда. Он готовится встать на последнюю огневую позицию у Берлина.

Днем и ночью продолжается наше стремительное наступление. Разведчики углубились в

лес справа от шоссе в сторону Огрозена. Они взволнованно докладывают подполковнику:

— Обнаружен лагерь советских военнопленных.

Сразу снаряжаются два танка. С ходу они разрушают колючую проволоку. Тысячи наших людей очутились на свободе.

21 апреля

Теперь мы под Берлином...

С танкистами смотрим карту. С юга и юго-востока Берлин окружает цепь озер. Это очень сильный естественный водный рубеж. Между озерами Гроссерцешзее и Гроссермгелинзее узенький перешеек. Тут немцы построили систему обороны столицы, противотанковые рвы, проволочные заграждения. Перешеек — как бы ворота в Берлин. Его надо брать штурмом.

На штурм перешейка первыми пошли гвардейцы батальона майора Литовских. Немцы несли огромные потери, но не отходили. Да и куда им отходить? Каждый дом в поселке приходилось брать с боем. Особенно упорно защищались гитлеровцы в трех последних строениях. Подошли наши самоходки и танки, ударили по амбразурам, по окнам, где стояли пулеметы, — дома запылали. Автоматчики ворвались в эти горящие здания и завершили штурм.

Более двухсот трупов немецких солдат валялись на узком клочке земли. На юг повели длинную колонну пленных.

Гвардейцы двинулись дальше на северо-запад — на Берлин, и в раскрытые ими «ворота» столицы хлынул поток наших войск.

22 апреля

Отсюда все дороги ведут только в Берлин. Все, что мешает движению, сметается прочь. Вот, завалившись в кювет, стоит двухэтажный берлинский автобус, похожий на пузатый комод, весь обклеенный рекламными плакатами. Автобус курсировал между Берлином и Цоссеном.

В лесу, юго-восточнее Цоссена, я видел большой дачный поселок, где помещался генеральный штаб немецкой армии. Немецкие генералы бежали сюда из Берлина от бомбежек. Под каждой дачей имелись многоэтажные бомбоубежища. Американские и английские самолеты накрыли штаб. «Дачный» поселок разбит. Вся его площадь покрыта глубокими воронками.

«ИЛы» стремительно пронеслись в воздухе. Истребители кружат в небе Берлина, прикрывая наши наступающие части от воздушных сил противника. В колонне танков движется крытая полторка. Это станция наведения.

— Вы надо мной, — говорит в микрофон майор в летной форме. — Прикрывайте этот район. Движемся вперед!

«Мессершмитты» редко рискуют появляться в небе. Наши самолеты вытеснили с берлинского неба немцев. В коротких воздушных боях победа остается за нашими летчиками. Офицер Лобов, командир авиачасти, прикрепленной к танкистам, сейчас все время в воздухе. Им лично сбит «Ю-87» во вчерашнем бою. Летчик Калашников записал на свой счет немецкий самолет, сбитый им над центром Берлина.

Вечером танкисты гвардии майора Клименко ворвались в пригород Берлина — Тельтов.

23 апреля.

Украина Берлина. Тут у канала Тельтов самый южный район города. Вначале видны дач-

ные улицы, коттеджи в сирени и цветущей вишни, щеголеватые веранды с цветными стеклами, а дальше за каналом хмуро сереют рабочие дома, разрушенные и полуразрушенные бомбежками.

Танкисты батальона, которым командует майор Курист, разместились в уютных домиках Тельтова. В палисадниках — масса цветущих тюльпанов.

Берлинская электростанция продолжает отдавать ток в этот район, работает водопровод. Берлинская телефонная барышня соединяет Тельтов с центральными районами города. Так фрау Эльза Шмидт с Мелевенштрассе, как успели подслушать наши офицеры, смогла позвонить в Берлин родственнице Марте Шмидт и передать:

— У нас русские.... Но вовсе ничего страшного. Все в порядке. И, слава богу, скоро кончится война...

На этом их разговор прервали.

Теперь только канал Тельтов отделяет наши войска от центральных районов города. Канал не широк, но с крутыми бетонными стенами, глубокий. К самому каналу выходят прочные многоэтажные здания. Форсировать его вброд невозможно, надо строить переправы. Но как? Немцы сосредоточили на северном берегу всю свою артиллерию. Столицу не собираются сдавать. Поглядишь в бинокль — и кажется, шевелятся серые развалины. В каждой каменной щели — немец. В каждом разбитом окне — фаустпатрончик.

У южного берега, готовясь к штурму, накапливается наша пехота. Саперы готовятся к наведению переправ. Артиллеристы устлавливают орудия. Мощным, более мощным, чем на Сандомирском плацдарме, будет артиллерийское наступление.

Вот грянула одна батарея, другая, и пошло грохотать. Мощная артиллерийская перекличка. По северному берегу бьют орудия всех калибров, разнося в прах каменные крепости за каналом.

24 апреля.

Я возвращаюсь из-под Берлина в редакцию. Надо сдать материалы о начале битвы за столицу Германии.

Машина едва продвигается. Шоссе сейчас похоже на бурную стремительную реку. Два потока движутся один навстречу другому. Из-под

Берлина едут и идут освобожденные нами военнопленные всех национальностей — русские, итальянцы, французы, англичане, греки, бельгийцы. На арбах, на тракторах, на велосипедах, даже на старомодном берлинском автобусе «Саламандра» (вот уж, наверное, не думали никогда берлинцы, что эта «Саламандра» повезет иностранных рабочих). Больше всего русских и украинцев. Какие счастливые лица у всех! Многие на дышлах повозок, на рулях велосипедов укрепили флаги своих государств.

Наши девушки жадно расспрашивают о том, что делается на Родине. Вот на высокой телеге, в окружении девчат, едет старуха Василиса Маркова. Не захотелось ей, как девчатам, надеть ничего немецкого. Старая кожаная свитка на ней, а самая, в какой она ходила дома, в какой уехала на чужбину, в рабство, цветастый русский платок на голове. Скорее бы забыть о неметчине! Скорее бы домой!..

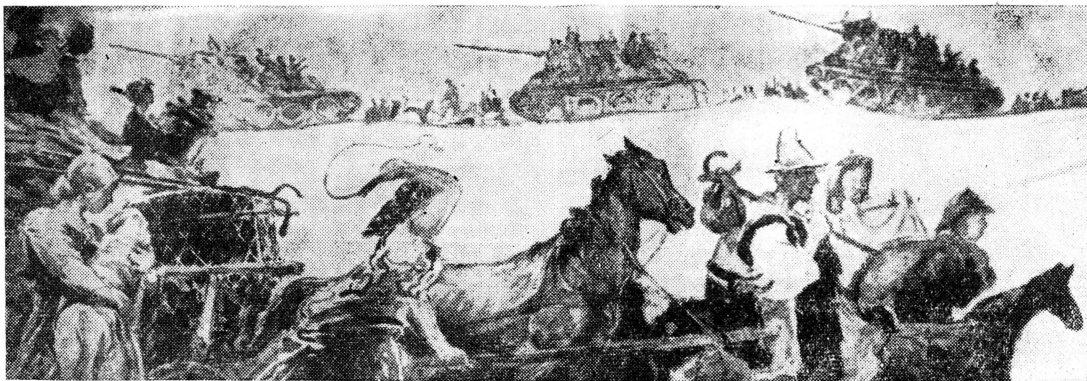
Так и движутся навстречу друг другу два потока — армия освободителей от фашизма и люди, которым эта армия завоевала освобождение...

«Войска 1-го Белорусского фронта, — сообщалось 2 мая в оперативной сводке Советского Информбюро, — под командованием маршала Советского Союза Жукова, при содействии войск 1-го Украинского фронта под командованием маршала Советского Союза Конева, после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлином — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии».

Поверженный Берлин

Я брожу по разбитому Берлину среди толп наших солдат и офицеров. Особенно много их возле рейхстага, где на колоннах появляются все новые и новые надписи победителей фашистской Германии, у здания личной канцелярии Гитлера.

Смотрю на штатских немцев. Их становится все больше. Они попадают и группами, изредка семьями. Проходят не поднимая глаз. Выглядят неряшливо, в помятых костюмах, небритые.

ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

Проводят большую колонну пленных немецких солдат. Идут понурые, медленно переставляя ноги, с усталыми, серыми лицами. Останавливаются немцы, тоскливо смотрят на своих солдат.

Проходит высокий, в черном пальто, в черной шляпе, в темных очках, слепой, постукивая палкой. Его ведет рослая собака, обходя каменные обломки, торчащий на тротуаре сгоревший танк.

Слепой застревает среди обломков. неподвижно стоит собака, потерявшая дорогу. Он о чем-то громко спрашивает прохожих, видимо, просит о помощи. Двое немцев что-то объясняют ему, помогают выбраться из развалин. Куда он идет? Даже зрячему трудно разобраться в хаосе бывших улиц.

Обыкновенная солдатская кухня. К ней тянется длинная очередь детишек всех возрастов, с самой разнообразной посудой в руках, даже с чайными блюдцами, а то и просто где-то подобранными консервными банками.

Не очень-то весело на все это смотреть.

Я почему-то думаю не о тех, кто дошел до Берлина, а о тех, которых нет с нами.

Их больше, их во много раз больше.

И среди многих и многих вспоминаю высокого и горластого старшего лейтенанта — командира роты автоматчиков стрелкового батальона, приданного Свердловской танковой бригаде. Но как его фамилия?

Ну и характерец у него был! С подчиненными офицерами особенно не ладил, открыто порицая их проступки, нарушения воинской дисциплины. К солдатам относился сурово. Программа подготовки была физически тяжелой, он ее увеличивал, не щадя солдат. О том, что при этом он и себя не жалеет — не думали. Всегда в роте, с подъема и до отбоя, успевая побывать во всех взводах и отделениях, придирчиво следя за подготовкой каждого бойца, выматывая и солдат и офицеров.

Ничего не упускал в роте. Какие скандалы закатывал, если замечал, что кладовщики стараются урвать что-то от солдатского, нетороватого в то время, пайка, не стесняясь в таких случаях доходить и до командира бригады. А ведь известно, что в то голодное время бывали офицеры, которые не считали предосудительным попользоваться за счет солдатского котла, рассуждая, что солдат много, а он, офицер, один.

Казалось, что ему, находившемуся в сложных отношениях с офицерами и не популярному среди солдат, будет трудно на фронте.

А он готовил солдат для большого боя.

На Орловско-Курской дуге его рота оказалась особенно стойкой в схватках с противником. Солдаты храбро дрались с немцами, смело вступали в единоборство, даже будучи в меньшинстве. Они отличались высоким боевым духом, сплоченностью. Нет, оказалось, что старшему лейтенанту не было трудно с солдатами на фронте.

Его ранило на седьмой день ожесточенных боев. Перебило обе ноги, задело грудь. Шел дождь. По размякшей земле, спасая своего командира, солдаты почти два километра под огнем вытаскивали его на плащ-палатке.

К уральцам старший лейтенант так и не вернулся. Не знаю, остался ли он жив, не знаю ничего о его судьбе. Но в роте долго помнили своего сурового командира, хотя и недолго он воевал. Он тоже готовился к Берлину, к этому

СОЛОВЬИ. СОЛОВЬИ, НЕ ТРЕВОЖЬТЕ СОЛДАТ...

готовил и своих солдат. Хотя почти никто из той роты автоматчиков не дошел до столицы Германии, но они начали этот далекий путь. Эта победа принадлежит и им. Может быть, даже больше чем нам.

Но не для всех война завершилась в Берлине.

В те памятные майские дни, когда народы всего мира праздновали победу над фашистскими армиями Гитлера, когда красные знамена реяли в поверженном Берлине, уральские танкисты продолжали сражаться.

Танковые армии Рыбалко и Лелюшенко, преодолевая горные кряжи Рудных гор, спешно двигались к Праге.

Восставшая Прага по радио звала на помощь русские войска.

Я попал в Прагу уже после боев.

Последние интервью

Майское ясное утро. Роса сверкает на молодой траве, на лепестках цветущей вишни. Дом в лиловой кипени сирени. Вишневый сад, словно туманная река, спускается в долину. В глубине, среди мягких зеленых холмов, видна Влтава, в отдалении четкими многочисленными башнями и сверкающими куполами виднеется Прага.

Спокойное чистое небо.

Открыто, прямо на площади, по улицам села, стоят танки, пушки, автомашины.

Война кончилась.

Не будет больше стрельбы. Ничем не угрожает голубое небо. Можно слушать шорох ветра и вдыхать запах сирени.

Но еще позавчера на улицах Праги шли сражения, грохотали орудия, свистела каменная крошка, пылали здания, лилась кровь.

Это мои последние интервью, последние записи о войне.

— По канату в цирке ходить, наверное, легче, — говорит Гриша Чесак. — Дорога узкая — то подъем, то крутой спуск. В одном месте встретился в горах такой крутой поворот, что и на телеге трудно развернуться. Мы жмемся к скале, а машину к обрыву сносит. Думал — сейчас загремим, потеряем машину. Но одолели. Такой марш не забудешь...

Гриша Чесак, мастер танковых дуэлей, завывавший смелые бои с немецкими танками в Фридриховке, в Каменец-Подольске, дошел от Орловщины до Берлина. Последними выстрелами он завершал войну в Праге, разнося баррикады гитлеровцев, прорываясь к мосту через Влтаву. Он и тут уничтожил две вражеские самоходки.

Гриша лежит на траве, скинув ребристый танковый шлем, подставив лицо солнцу, щуря глаза. Ресницы густые и светлые. На гимнастерке у Гриши сверкает звездочка Героя. Я вспоминаю его дерзкие слова, что воевать он будет на Героя. «Уж коли воевать, то воевать». И стал он Героем. По праву!..

Я слушаю рассказы о самых последних часах войны. Кругом много знакомых. Я встречался с ними на Орловщине, в Западной Украине, в Польше, в Германии. Это — ветераны корпуса, испытанные во многих боях солдаты. Но есть и незнакомые. Они пришли позже, заменив павших.

— Гончаренко в разведку первым шел, — рассказывает незнакомый мне чернявый лейтенант. — Моя машина двигалась за ним левой стороной улицы. Вышли к набережной. Кремль видим. Впереди, перед мостом, какой-то завал: мешки, доски, куски рельс. Двинулись... А тут — жители. Машут руками, приветствуют, цветы бросают. Иван вылез из башни. В него — цветы, он ловит их и обратно в толпу бросает. И тут какая-то сволочь — фаустпатроном. В секунду произошло. Иван так и повалился... Тут мы уж дали огня по баррикаде. Разнесли ее.

Иван Гончаренко погиб за несколько часов до окончания войны. Он погиб в нескольких шагах от победы. А ведь мог быть среди нас, любоваться этим небом, цветущим садом, смотреть на близкую Прагу.

— Завтра — новая жизнь. Трудовая...

Эти простые, но значительные слова говорит автоматчик, прокатчик по мирной профессии, Григорий Белых, пришедший в корпус из старинного уральского города Первоуральска.

Добровольческий танковый корпус создавал весь Урал. Он послал в него своих лучших сынов, одел их, дал оружие.

Уральцы-воины оправдали доверие народа. Их подвиги вписаны в страницы бессмертной летописи Великой Отечественной войны.

Самая лаконичная сводка Советского Информбюро была опубликована 15 мая 1945 года. Она содержала одну фразу:

«Прием пленных немецких солдат и офицеров на всех фронтах закончен».

Война с фашистской Германией завершилась.

Октябрь 1967 г. — ноябрь 1969 г.

20

Свердловск — Москва

БАЛЛАДА О ВОЗВРАЩЕНИИ ПОГИБШЕГО СЫНА

А в доме снова тишина,

Ночная тишина.

Лишь сердце ловит каждый звук:

«Тик-так, тик-так, тик-так,

Тук-тук!»

Тук-тук! — с войны вернулся сын,
Красавец и герой.

Как будто в дверь, стучится в сон:

— Открой! Открой! Открой!

Открой скорей, старушка-мать!

Солдата в дом впусти.

Что я заставил столько ждать,

Прости меня, прости!

Зато тебе не скажут «трус»

Про сына твоего.

Он так же молча встал за Русь,

Как прадеды его.

О, сколько нас, рванувшись в бой,

На поле полегло.

Но я вернулся! Я с тобой,

Седой весне назло.

Встречай, как будто наяву,

И стол накрой скорей.

Не плачь, ты видишь: я живу!

Я в памяти твоей!

Не стать ни мужем, ни отцом,

Вовек не постареть.

Лишь с фотокарточки юнцом

В глаза твои смотреть.

Но пусть другие за меня

Долюбят, доживут.

Пускай другие за меня

Россию берегут!

Ночная в доме тишина, —

Святая тишина.

Лишь сердце ловит каждый звук:

«Тик-так! Тик-так! Тик-так!

Тук-тук!»

В. ШУМИЛИН

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

Древняя площадь Минина и Пожарского в Горьком. В годы минувшей войны отсюда провожали первых добровольцев на фронт. С этой площади начали свой автопоход по дорогам боевой славы горьковчан и мы, следопыты, комсомольцы и бывшие воины. И вот уже остались позади башни древнего Нижегородского кремля, красавица Волга. Наш маршрут лежал через белорусские леса, через поля Украины, по которым шли с боями в годы Великой Отечественной войны сотни земляков. Мы встретились с героическими защитниками Одессы, Севастополя, Николаева, Харькова, Курска, Киева.

Позади около шести тысяч километров пути. Добрую память оставили наши земляки всюду, куда посылала их Родина. Молодое поколение вправе гордиться подвигами отцов. О некоторых из них мы рассказываем читателям «Уральского следопыта».

Славный путь прошли гвардейцы-кантемировцы от берегов Волги до стен Праги. И среди них Герой Советского Союза младший сержант Василий Пешехонов, повторивший подвиг Александра Матросова.

Это случилось в январе 1945 года. Шел девятый день боев за Вислой. Танковая рота с десантом вырвалась далеко вперед. У селения Боленцин путь ей преградили засевшие в дзотах фашисты. Обходных путей не было. Глубоко зарываясь в снег, бойцы ползли под огнем врага. До природного дзота оставалось с полсотни метров. Кажется, пулеметы умолкли. Но стоило десантникам начать перебежку, как они снова оживали. Брошенные Василием последние две гранаты хотя и разорвались у амбразуры, но не смогли подавить дзот.

«Не имея больше гранат и патронов, — говорится в наградном листе, — товарищ Пешехонов совершил героический поступок: подбежал к амбразуре дзота и своим телом закрыл пулемет противника. Пулемет замолк, захлебнувшись кровью героя. Пешехонов дал возможность нашим танкам с десантом продвинуться вперед и выполнить поставленную боевую задачу».

Свято чтут кантемировцы подвиг героя. Над его койкой в казарме висит приказ Министра обороны, в котором выделены слова: «...Героя Советского Союза В. И. Пешехонова зачислить навечно

в списки 1-й танковой роты». И каждый вечер, на традиционной поверке, когда называют фамилию нашего земляка, правофланговый четко отвечает: «Герой Советского Союза гвардии младший сержант Василий Пешехонов пал смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины».

* * *

Когда мы прибыли в Белоруссию, то прежде всего остановились в небольшом городе Кричеве. Здесь, на реке Сож, дрались насмерть бойцы одного из подразделений, сформированных из горьковчан. До последнего патрона сражались воины. А когда в живых осталось пятьдесят человек, командование взял на себя наш земляк Павел Иванович Шмонин. Он вывел группу из окружения, с помощью местных жителей связался с секретарем подпольного райкома партии Кузьмой Андреевичем Реутским. Так Шмонин и его товарищи оказались в партизанском отряде.

Через несколько дней партизанская группа Майорова (подпольная кличка Шмонина) приступила к боевым действиям. Взрывались вражеские склады с боеприпасами, летели под откос фашистские поезда, горели на дорогах машины. Одна из известных операций — уничтожение мостов через реки Лобжу, Удогу и Волчас. Озлобленные фашисты пытались разгромить партизанский отряд, поймать его командира. Сколько раз гитлеровское

командование сообщало о «поимке главаря». Но народные мстители вовремя выходили из окружения и снова били фашистов.

Позже Павел Иванович и его товарищи перешли линию фронта. Часть группы влилась в состав воинских подразделений, остальные снова вернулись в район действий партизанской армии.

Когда едешь из Кричева по Гомельской области, вдоль шоссе, по обеим его сторонам — братские могилы и монументы. Еще больше их мы увидели на Украине, в Черниговской области. Вот солдат, склонивший голову. Рядом солдат и замершая в глубокой скорби женщина. Снова солдат. И имена, имена, имена...

Задумчиво смотрит в окно автобуса генерал-майор запаса А. К. Щур. Что вспоминается ветерану? Как отбивал в ожесточенном бою с гитлеровцами вот этот неказистый мост? Или вспомнил своего побратима, старшего лейтенанта И. З. Сидорова, который одним из первых форсировал Днепр под огнем противника?

Наша группа делает остановку на берегу Днепра. Здесь совершил свой беспримерный подвиг нижегородский паренек А. Окунев, удостоенный впоследствии звания Героя Советского Союза. Жители близлежащих сел никогда не забудут советских бойцов, отстоявших первый отвоеванный у фашистов днепровский плацдарм. А командовал ими сормович комсомолец Александр Руднев, работающий ныне на Горьковской железной дороге.

На Красном знамени Одессы — имена наших земляков: полкового комиссара И. П. Рудницкого, солдат-сормовичей Е. Н. Фунина и К. А. Заколкина, бывших военврачей А. П. Прохоренко и Я. В. Лаврова.

А в городском музее мы узнали имя еще одного горьковчанина, повторившего бессмертный

подвиг Героя Советского Союза Александра Матросова.

— Поезжайте в село Затоку, поговорите со следопытами местной школы. Они собирают материалы о подвиге Хафиса Зарипова, — посоветовали нам.

...Случилось это при форсировании Царьгородского устья Днепровского лимана. Командир пулеметного расчета гвардии сержант Зарипов получил приказ ночью переправиться на противоположный берег, открыть стрельбу в тылу врага и обеспечить высадку нашего десанта. Хафис блестяще выполнил задачу. Вместе со своими товарищами он забросал гранатами вражескую траншею и начал преследовать фашистов. В это время из немецкого дота ударили пулеметы. Зарипов мог обойти их стороной. Но ведь сзади, от берегов лимана, уже шли советские десантники, и, чтобы предотвратить их гибель, отважный сержант бросился на амбразуру дота и закрыл ее своим телом.

Следопыты Затокской школы — Валентина Егорова, Анатолий Емельченко, Ирина Трач и Валентина Сердюк нашли могилу героя. Сейчас на одной из улиц, носящей имя Хафиса Зарипова, установлен памятник. На мемориальной доске надписи: «Вечная слава гвардии сержанту Х. З. Зарипову, повторившему подвиг Александра Матросова».

Горьковчанам еще не было известно имя этого воина-коммуниста. Вернувшись домой, мы узнали, что до войны Хафис Зарипович работал в нашем городе милиционером. А в первые дни войны ушел добровольцем на фронт.

Из Одессы наш путь лежал в Николаев. ...Группа десантников под командованием старшего лейтенанта Ольшанского получила задание незаметно высадиться в районе порта Николаева, посеять в тылу противника панику, оттянуть на себя гитлеровские войска и этим оказать помощь наступающим частям Советской Армии.

Шестьдесят семь человек — моряки, среди которых был наш земляк Николай Хлебов, и солдаты гвардейской части — в назначенный час погрузились в лодки. Их проводником был двадцатилетний рыбак Андрей Андреев. Двинулись ночью вверх по Южному Бугу.

Когда подошли к причалу, Ольшанский приказал разведчикам осмотреть местность. Гитлеровцев на берегу не было видно.

Стало светать. У дороки десантники заметили двух часовых. Их бесшумно сняли.

Скрипнули ворота элеватора. Командир отряда решил закрепить здесь. Толстые стены здания служили надежным укрытием, в распо-

Памятник морякам-десанникам в Николаеве

ложенных рядом каменных постройках можно было разместить огневые точки. Отряд занял круговую оборону.

Вскоре тишину нарушили отрывистые команды гитлеровских офицеров. По дороге шла колонна фашистов. Подпустив ее на близкое расстояние, десантники открыли огонь. Одна за другой были отбиты две атаки. Тогда гитлеровцы подтянули артиллерию, стали обстреливать смельчаков из шестиствольных минометов.

Из полуразрушенного подвала элеватора была передана радиogramма: «Мы, бойцы и офицеры, моряки отряда Ольшанского клянемся Родине, что задачу, стоящую перед нами, будем выполнять до последней капли крови, не жалея жизни».

Гитлеровцы снова перешли в атаку, но героически сражались наши бойцы. Раненые оставались в строю.

Фашисты бросили на десантников танки, снабженные огнеметами, крупное пехотное подразделение.

Рано утром 28 марта наши войска заняли Николаев. Одним из первых ворвался в город батальон Котанова. Когда бойцы подошли к месту, где оборонялся отряд Ольшанского, навстречу им вышло несколько человек, оставшихся в живых — в истлевшей одежде, с окровавленными повязками. Вся улица вокруг была усеяна трупами гитлеровских солдат и офицеров. Фашисты потеряли здесь более 700 человек.

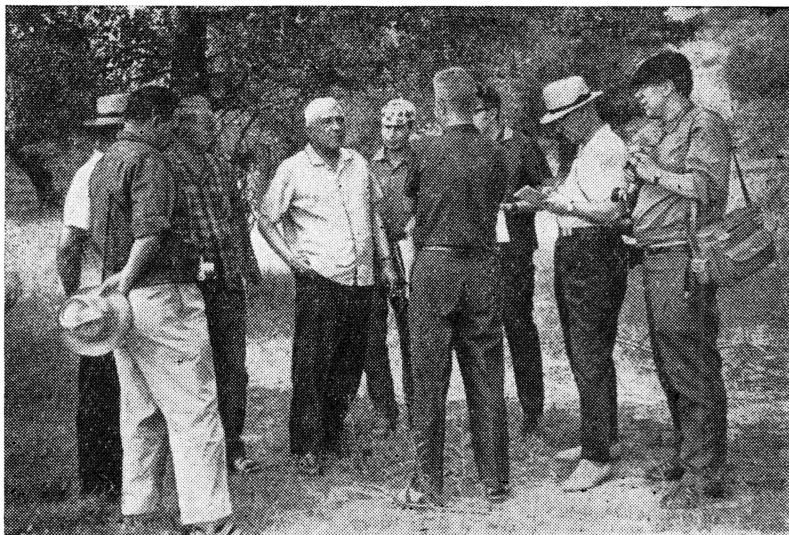
Смертью героев погибли пятьдесят шесть отважных десантников, среди них и горьковчанин Николай Хлебов. Всем участникам операции было присвоено звание Героя Советского Союза.

Следующая остановка участников автопохода — в Севастополе. Сюда на встречу с нами из Москвы приехал наш земляк — генерал-лейтенант запаса Е. И. Жидилов. В годы войны он, командир 7-й морской бригады, 250 дней оборонял Севастополь. Вместе со своим бывшим комиссаром Н. Е. Ехлаковым он показывает нам те места, где сражалась его часть.

В декабре 1941 года гитлеровцы начали второй штурм черноморской твердыни.

...Ползут по почерневшему от взрывов снега фашисты. Моряки забрасывают их гранатами, ведут огонь из пулеметов. Отбита одна, вторая, третья атаки. Заместитель политрука роты, бывший подводник Иван Личкатый поднимает бойцов в контратаку. С винтовками наперевес, с могучим матросским «ура» бросились вперед севастопольцы. Враг был смят и отброшен.

— Дорогой ценой отстояли мы тогда свои рубежи, — вспоминает Евгений Иванович. — Пали смертью храбрых горьковчане капитан Валентин Харитонов, старший лейтенант Н. И. Хоренко и многие другие.

Герой Советского Союза К. П. Чернов рассказывает о форсировании Днепра

В Севастополе нам стали известны и другие имена земляков. Это Александр Николаевич Ушаков, Алексей Николаевич Филиппов, Трофим Ефимович Дофнов, Владимир Михайлович Красильников, Федор Иванович Гусев.

Бывший комиссар седьмой бригады Николай Евдокимович Ехлаков привел нас на братскую могилу пятерых героев-краснофлотцев — Николая Фильченкова, Василия Цибулько, Юрия Паршина, Ивана Красносельского и Даниила Одинцова. На мемориальной доске слова: «...Ценой своей жизни 7 ноября 1941 года они остановили фашистские танки на подступах к Севастополю».

Как же это произошло?

Наиболее опасным участком обороны была дорога, ведущая к шоссе, — только по ней могли пройти танки врага. Преградить им путь — такую задачу поставил комиссар батальона перед политруком Николаем Фильченковым и матросами Цибулько, Красносельским, Паршиным и Одинцовым.

7 ноября 1941 года. Рано утром загрохотала немецкая артиллерия. На дорогу вылезли семь танков. Моряки подпустили их на близкое расстояние, а затем по сигналу Фильченкова стали бросать гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Бой длился около двух часов. Гитлеровцы не смогли прорваться через рубеж, который обороняла отважная пятерка. Пылали четыре танка. Остальные три повернули назад. Спустя несколько часов появилось еще пятнадцать танков. Один за другим выходили они из строя. Вот Василий Цибулько бросил связку гранат прямо под гусеницу: машина остановилась, но упал и тяжело раненный моряк. Погиб Иван Красносельский, успев уничтожить вражеский танк. Политрук Николай Фильченков прикрепил связку гранат к поясу и бросился под головную машину. Его подвиг повторили Юрий Паршин и Даниил Одинцов.

На том месте, где сражались герои, теперь стоит памятник — высокий обелиск из белого инкерманского камня.

Мы на братском кладбище воинов Великой Отечественной войны. Кладем горсть земли, при-

Курган бессмертных в Киеве

везенной от стен Нижегородского кремля на могилы героев.

С Украины наш путь лежал на Курскую землю. Июльскими днями 1943 года здесь шли ожесточенные бои. Мы останавливаемся у памятного места, где сражался наш земляк гвардии старшина Алексей Власов, командир орудия. Шестого июля, в районе Яковлево, на его расчет ринулись двенадцать фашистских танков. Сорок пять минут длилась смертельная схватка. Девять машин врага было уничтожено огнем смельчаков.

Седьмого июля орудие Власова атаковали двадцать три танка. Через полчаса десять из них были объаты пламенем. В этом бою погиб весь расчет Алексея Власова. Командиру орудия посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Газета Н-ского соединения «В решающий бой» от 12 июля 1943 года рассказала о подвиге еще одного нашего земляка.

«В течение двух суток батарея капитана Агевнина отбивала яростные атаки вражеских танков. На одном из соседних участков обороны против-

ник бросил в атаку 10 «тигров». За ними шла пехота. Немецкие автоматчики уже стали окружать батарею. Капитан Агевнин послал один огневой взвод на помощь соседям.

В этом бою отважные артиллеристы подбили 9 немецких танков, уничтожили 2 станковых пулемета и один трактор-тягач.

За два дня батарея капитана Агевнина уничтожила 12 танков противника, из них три «тигра», два тягача и истребила 150 гитлеровцев».

В боях на Курской дуге героически сражались летчики-горьковчане капитан Михаил Малов и командир звена 82-го гвардейского бомбардировочного авиационного полка Борис Панин. Им посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

И вот последний на нашем маршруте город — Орел.

В краеведческом музее нам показали документы, рассказывающие об Александре Николаевиче Комарове — Жоресе. В суровые дни фашистской оккупации он был одним из руководителей местного подполья.

В 1918 году девятнадцатилетний сормовский рабочий Саша Комаров ушел добровольцем защищать молодую республику Советов. На многих фронтах довелось ему воевать. При штурме Перекопа он был тяжело ранен.

После гражданской учился в Петроградском коммуниверситете, был на партработе, потом преподавал историю в средней школе № 26 города Орла. В сорок первом году А. Н. Комаров заочно окончил исторический факультет Курского пединститута.

По состоянию здоровья он был снят с воинского учета, но отказался от эвакуации — остался в подполье под именем Жореса.

Жизнь нашего земляка оборвалась в фашистском застенке.

Жители Орловщины рассказали нам о подвигах других воинов с берегов Волги. Вот их имена: сержант Иван Максимович Сурихин, рядовые братья Петр и Иван Ильин, Тихон Сергеевич Герасюта и Осип Леонидович Трубников.

А. КАЗАНЦЕВ, А. ЧЕБУРАШКИН

РАЗВЕДЧИК ГРОМ

Иван КОЛОС

Рисунки В. Васильева

Письмо из Праги

Рассказ о разведчике Громе начну с письма, которое я послал в Прагу, в чехословацкую газету «Руде Право».

«Дорогие чехословацкие друзья!

В годы Великой Отечественной войны мне, военному разведчику, пришлось действовать в глубоком тылу врага вместе с отважным боевым другом-словаком Михаилом Михайловичем Павловичем. Я его знал как человека горячо любящего свою родину и как бесстрашного воина.

Первая моя встреча с Павловичем произошла в 1943 году под городом Мозырем, на юге Белоруссии. В начале 1944 года мы снова встретились с Михаилом Павловичем и выполняли ответственные задания советского командования в городах Молодечно, Вильнюсе, Барановичах. Потом Михаил Павлович был направлен в Брест, затем в Варшаву, в Прагу и далее — к себе на родину, в Словакию. В общем, дорогие друзья, такими сынами, как Михаил Павлович, ваша социалистическая страна может гордиться. Прошу вас помочь разыскать моего боевого друга».

Месяца через два я получил из Праги ответ.

«Уважаемый товарищ Колос! Мы долго искали вашего друга и вот, наконец, имеем возможность сообщить Вам весьма печальную весть. К великому нашему огорчению, Ваш друг, герой словацкого национального восстания, майор Михаил

Михайлович Павлович героически погиб в бою против гитлеровских оккупантов в городе Братиславе. Его прах покоится на кладбище в Капинцах, округ Нитра. На могиле воздвигнут памятник погибшему герою».

Это известие меня потрясло: нет в живых Михаила, человека острого ума, сильной воли, храброго воина и патриота, люто ненавидевшего фашистских оккупантов. Ведь все послевоенные годы я мечтал встретиться с ним на его родной земле в Словакии или в моей родной Белоруссии.

«Михаил Павлович, «Гром»,— сообщали друзья,— прибыл в Словакию в конце июля 1944 года. Под этим именем он был известен еще до восстания. На собрании офицеров словацких партизан в Банской Быстрице 29 августа 1944 года командир, представляя его, сообщил, что Павлович является офицером связи СССР. Только в августе Павлович направил советскому командованию и чехословацкому корпусу 68 радиogramм разведывательного характера.

...О Михаиле Павловиче чехословацкая общественность знает немного, несмотря на то, что он является одним из героев Словацкого национального восстания. До сих пор, например, нам неизвестно, как Павлович попал в Словакию, кто его туда направлял. Детство он провел в Марешницах возле Глоговца. Учился в гимназии в Нитре, затем окончил военную академию в чине поручика, служил в автобатальоне в Нитре. В 1943 году немцы направили его в составе прикрывающей

дивизии на территорию Белоруссии, и там, в Козинках, он установил связь с советским подпольем».

Приказ Москвы

Весной 1943 года я с группой военных разведчиков находился под Мозырем. Мы собирали и передавали в Москву сведения о передвижении вражеских войск, о сооружаемых ими укреплениях второй линии обороны и о том, как они используют большую, широкую реку Припять.

Днем и ночью мы ходили на задания. И вот однажды я узнал, что на железнодорожную станцию Козинки, в шести километрах от Мозыря, прибыло соединение словацких солдат. Вместе со словаками в Козинках были расквартированы также гитлеровцы. Мы знали, что словаки были настроены против фашистов, их силой направили на территорию Советского Союза. И при удобном случае словаки переходили на сторону советских партизан.

Получив эти сведения, я тут же принял необходимые меры, чтобы поближе подобраться к Козинкам и заняться этим гарнизоном. Об этом передал шифровку в Москву. И вскоре получил приказ: ор-

ганизовать хорошую и всестороннюю разведку.

С группой товарищей я направился к деревне Прудок, что в трех километрах от Козинки. Укрылись в лесу и по радиации сообщили в Москву о том, что помимо словацких формирований ближе к городу Мозырю находится большая группа гитлеровцев из зондеркоманды № 2.

Гитлеровцы устраивали в городе облавы, вешали, расстреливали людей, угоняли в Германию молодежь. Кроме того, нам стало известно, что гитлеровское командование по реке Припяти намерено перебрасывать свои войска. Но куда?

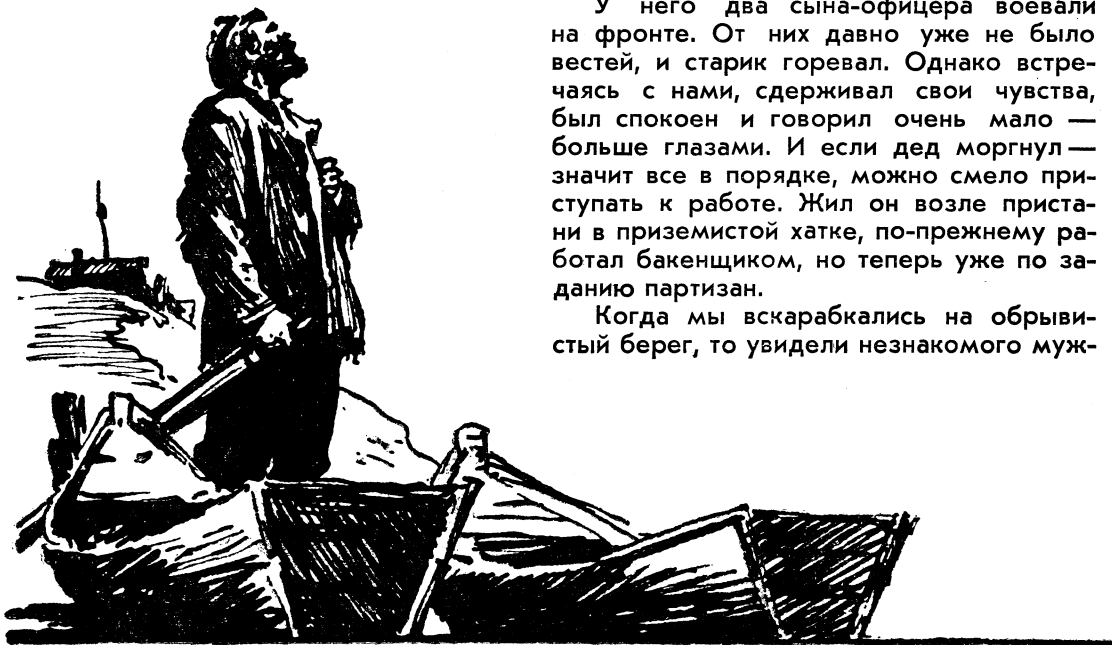
Чтобы выяснить это, мы, найдя плот, переправились через Припять и причалили к пристани Пхов.

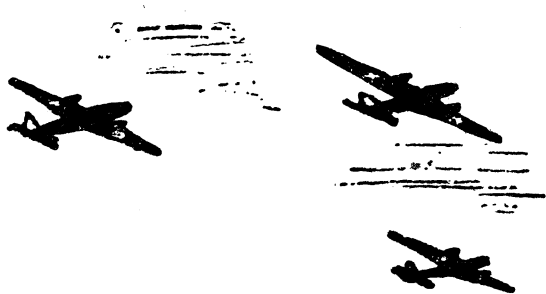
Дед Ахремчик

В Пхове нам нужно было ночью встретиться с нашим связным, дедом Ахремчиком. До войны он работал на реке Припяти бакенщиком, а потом сторожем на пристани, охранял склад. Денис Ахремчик — старик неприметный, но смекалистый. Еще при первой встрече я пытался рассмотреть его лицо, но это оказалось невозможным: все оно заросло от ушей до носа густой щетиной. Только глаза с трудом проглядывали.

У него два сына-офицера воевали на фронте. От них давно уже не было вестей, и старик горевал. Однако встречаясь с нами, сдерживал свои чувства, был спокоен и говорил очень мало — больше глазами. И если дед моргнул — значит все в порядке, можно смело приступать к работе. Жил он возле пристани в приземистой хатке, по-прежнему работал бакенщиком, но теперь уже по заданию партизан.

Когда мы вскарабкались на обрывистый берег, то увидели незнакомого муж-

чину, который ловил сетью рыбу. Он так перепугался, что когда я его спросил, есть ли в Пхове гитлеровцы, с дрожью в голосе проговорил:

— Есть на свете только бог...

— А причем тут бог? Тебя спрашиваю: есть ли гитлеровцы на пристани?

— Есть, есть! Ждут по воде подкрепление. А вы не к деду Ахремчику?

Неожиданный вопрос заставил нас насторожиться.

— Дед Ахремчик — кто такой?

— Рыбак наш. К нему сегодня должны прийти покупатели за рыбой.

— А что за покупатели?

— Есть на свете добрые люди.

Это был пароль.

Дед Ахремчик сообщил, что на пристань прибыло четыре машины словаков и немцев. Они несут охрану причалов и в Пхов никого не пропускают. Сообщил дед и о том, что он познакомился дня три назад с одним словацким офицером — поручником Павловичем, от которого уз-

нал, что сюда, в район Мозыря, гитлеровское командование перебросит по рекам Днепр и Припять целую эсэсовскую часть.

К утру мы вернулись на правый берег реки, в лес, и я тут же дал шифровку в Москву и получил приказ принять меры к полной информации об этой части. Я сообщил в Москву и о том, что эти сведения передал словацкий поручник.

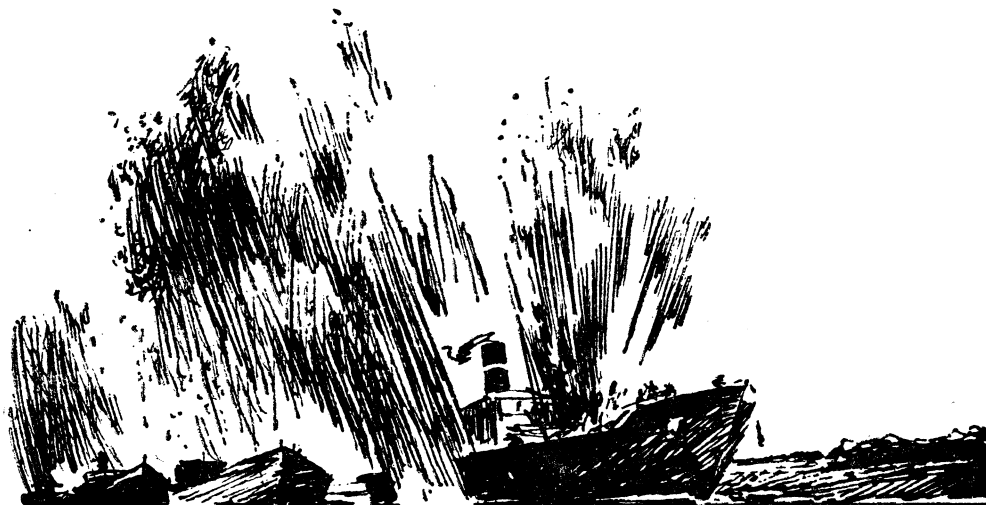
Через два дня, ночью, мы снова переправились через реку на плоту и встретились с дедом Ахремчиком. Тут-то я попросил его устроить свидание с Павловичем. Ахремчик посмотрел на меня из-под мохнатых бровей:

— Отважусь,— и вышел из хатки.

Мы тоже вышли на улицу, приготовили автоматы и стали ждать Ахремчика с Павловичем. Я боялся, что Ахремчик может попасть прямо в руки врага, так как около дома, где жил Павлович, стояли на часах словак и эсэсовец. Минут через пятнадцать я увидел, что к нам приближаются двое, и вскоре передо мной предстал высокий подтянутый офицер в кожаном пальто.

Когда мы вошли в хату и сели за стол, Ахремчик вопросительно посмотрел на меня и, поняв, что разговор будет доверительный, вышел в сени.

Михаил Павлович командовал отдельным автобатальоном. Из разговора с ним я понял, что он, как и многие другие словацкие офицеры и солдаты, давно хотел встретиться с советскими партизанами и оказывать им посильную помощь.

Он подтвердил, что в Козинках размещается вторая пехотная дивизия, а также два полка эсэсовцев.

Встреча наша затянулась до трех часов ночи. Стало светать, и нам нужно было уходить. Мы договорились с Павловичем, что он будет собирать необходимые нам сведения и передавать через деда Ахремчика.

— Ну, Михаил Михайлович, до следующей встречи!

Он задержал мою руку в своей руке и проговорил:

— Мне бы хотелось с группой своих солдат перейти к вам немедленно и действовать вместе.

Я ответил, что понимаю его желание, но добавил:

— Вы нам пока нужнее здесь, среди гитлеровцев. Делайте вид, что верно им служите. На вас не должно пасть подозрение.

Павлович не возражал.

В течение июня и июля двенадцать раз встречался я с Михаилом Павловичем. Однажды он сообщил, что на баржах из Киева по Припяти плывет карательный отряд с танкетками и другой техникой.

Тогда же Павлович сказал, что хорошо знает командиров словацких батальонов, что они только и ждут момента, чтобы перейти на сторону советских партизан. Благодаря Павловичу мы точно установили, как был вооружен отряд карателей, сколько у них танкеток, пушек, пулеметов, с какой целью он перебрасывается на пристань Пхов — гитлеровцы не оставили надежды разгромить полесских партизан. Они решили блокировать все заприпятское Полесье, загнать партизан в Пинские болота и там уничтожить их. Для подготовки причалов и пристани Пхов к приему барж и были присланы на автомашинах Павлович с тридцатью словацкими солдатами и три эсэсовских офицера с двадцатью рядовыми.

«Гороховое пюре»

При помощи деда Ахремчика и Михаила Павловича мы захватили гитлеровского офицера и двух солдат. Офицер дал много дополнительных сведений об отряде карателей, прибывающем в район Мозыря.

Мы передали эти сведения партизанскому командованию. И вот во второй

половине июня, когда караван барж с фашистами стал приближаться к Пхову, в небе неожиданно появились двенадцать краснозвездных самолетов. Летчики отчетливо видели на реке длинный караван гитлеровских судов с живой силой и техникой. И какова же была наша радость, когда точными бомбовыми ударами они потопили несколько барж и один катер. А рота партизан Мозырской бригады, которой командовал В. Жильский, устроив засаду на берегу реки, открыла огонь по барахтающимся в воде эсэсовцам. Гитлеровцы оказали сильное сопротивление, но почти сто пятьдесят эсэсовцев, как передал Павлович, нашли себе могилу на дне реки.

Всякий раз, когда мы встречались с Павловичем, он передавал новые важные сведения. Например, в середине июня он сообщил, что в городе Петрикове начали работать курсы немецких шпионов для засылки в партизанскую зону. Вскоре мы выяснили, что в подготовке агентов принимает участие начальник полиции города Петрикова некий Невровский, а также бургомистр Белокуров.

Курсы находились в здании бывшей районной милиции. Туда мы направили разведчика Горохова, который по документам числился инспектором мозырской управы. Он все разузнал подробно и помог партизанам разгромить шпионское гнездо. Оставшихся в живых агентов немцы успели переправить в Пинск.

В те летние дни 1943 года среди населения Полесья неожиданно вспыхнул тиф. Целые семьи вымирали. Перед партизанскими командирами и медиками встала серьезная проблема. Попытались по возможности изолировать больных от партизан. Но это не помогало. И вдруг при очередной встрече Павлович сообщил, что в деревне Астражанка гитлеровцы ни с того ни с сего стали делать населению какие-то прививки. Поговаривали, что против тифа. Когда проверили — оказалось все наоборот: каратели прививали населению тиф! Почти семьдесят процентов населения деревни заболело тифом, многие погибли. Вскоре партизаны оповестили об этом население близлежащих сел, и гитлеровцы не смогли больше делать прививки. Их зверские опыты на этом кончились.

А однажды Павлович мне передал, что гитлеровцы привезли полбаржи банок с красивыми этикетками, на которых

было написано: «Гороховое пюре». А это были мины. Банки развозились эсэсовцами по лесам, где скрывалось население. Мы срочно сообщили об этом в Москву, а оттуда Центральный партизанский штаб разослал всем соединениям, бригадам и отрядам радиogramмы, в которых разъяснялось, что это за «гороховое пюре».

Во время одной из встреч, передав мне очередные сведения, Михаил снова заговорил о том, что словацкие солдаты не хотят служить немцам и что он сам бы хотел перейти в партизанский отряд и бить гитлеровцев по-настоящему.

— Если нужно,— утверждал Павлович,— то к партизанам перейдет не одна рота словацких солдат. Даже тяжелое оружие будет вывезено.

Я передал просьбу Павловича в Москву. Получил ответ: «Павловича в партизаны не брать, он должен находиться на своем месте». Мне пришлось снова огорчить Михаила.

Я часто вспоминаю последнюю встречу в Полесье. Это было недалеко от Козинок. Михаил много рассказывал о Словакии, о своих мечтах, которым не суждено было сбыться из-за войны.

В конце июля я получил приказ из Москвы: Павловича подготовить для более глубокой разведки. До этого Михаил думал, что он имеет дело лишь с партизанской разведкой. Но когда узнал, что его сведения поступают нашему военному командованию, несказанно обрадовался. Подобрали ему кличку «Гром».

Я спросил у Павловича, где предположительно должен находиться его батальон в ближайшее время.

— В Козинках мы не останемся,— ответил он,— потому что операции гитлеровцев против партизан не увенчались успехом. Гитлеровцы сейчас дают отбой. Они оттягивают силы, ибо потеряли много солдат и технику. Думаю, что нас перебросят на какой-то другой участок военных действий, здесь же, на территории Белоруссии.

Под конец нашей встречи я сказал ему, что о нем, как о разведчике Громе, будет сообщено всем командирам и комиссарам партизанских бригад и отрядов, а также подпольным организациям. Он очень обрадовался. Я передал Павловичу шесть тысяч немецких марок, а также несколько сотен американских долларов. Мы договорились о пароле для предстоящих встреч и на этом расстались.

В последующие месяцы наша группа военных разведчиков действовала в районе города Турова, затем Пинска, Луненца, Давыд-городка. С этими местами связано много событий, о которых я рассказывал в других своих книгах. Потом, в январе 1944 года, когда уже наши войска пришли в Полесье, я был вызван срочно в штаб с отчетом.

И вот, наконец, уже в начале марта 1944 года я с четырьмя немецкими антифашистами Хуго Барсом, Феликсом Шефлером, Хербертом Генчке, Карлом Ринагелем вылетел в тыл врага, под Барановичи, в Налибокскую пушчу.

Антифашисты распространяли листовки среди гитлеровских гарнизонов. Это возымело свое действие: немецкие солдаты стали переходить на сторону партизан. А мне было приказано заняться городом Молодечно и железнодорожным узлом. Наша группа тогда находилась в партизанской бригаде имени Чкалова.

Я решил посоветоваться с комиссаром этой бригады Иваном Петровичем Казаком, кого из партизанских разведчиков подключить к нашей работе. Он назвал Петра Минина и Анатолия Мягких. Это были молодые парни, боевые и хорошо знавшие местность. Анатолий Мягких — москвич, в первые дни войны попал в плен, затем бежал и присоединился к партизанам. Петр Минин — ленинградец, тоже попал в плен и бежал из концлагеря. Люди они проверенные, с начала срока второго года находились в партизанах.

Петр Минин был связан с рабочим железнодорожной станции Красное Василием Матвеевичем Соусом по кличке Сокол. В те дни Василий Матвеевич часто бывал в Молодечно у своего родственника. Во время одной из поездок он узнал, что в город прибыли словацкие солдаты. Я тут же подумал о Михаиле Михайловиче Павловиче: может быть и он попал в Молодечно? Как узнать?

Я попросил Василия Матвеевича при первой же возможности выяснить у словаков: может, кто-нибудь из них знает Павловича.

Через несколько дней Василий Матвеевич сообщил мне, что, действительно, Михаил Михайлович Павлович прибыл вместе со своим батальоном в Молодечно и живет в казармах, на окраине города.

На связь с Павловичем я отправил Василия Соуса и Петра Минина. Они нашли

Вилейскую улицу, дом, где жил Павлович. Под вечер они увидели, как по улице прошел офицер в сопровождении двух словацких солдат. Минин узнал Павловича по фотокарточке, которую я ему показывал. Когда Павлович поравнялся с ним, Минин протянул ему руку и сказал:

— Здравствуйте, Михаил Михайлович. Что же забываете старых друзей?

Павлович остановился в нерешительности, сделал шаг назад и пристально посмотрел на Минина. Солдаты тоже остановились и взяли оружие наизготовку.

— И погодка как раз хорошая. Грома не будет. И встреча приятная,— продолжал Минин.

Услышав пароль «Грома не будет», Павлович сразу понял, кто перед ним.

— Ах да, прошу в дом, прошу...

Через неделю и я встретился с Павловичем в доме Василия Матвеевича Соуса. Сколько было радости!

— Ай-яй! Ото дружбе добре. Ото дружбе добре,— все приговаривал Михаил.— Никогда не думал, что мы снова встретимся.

Он сообщил мне, какие части дислоцируются в Молодечно, как охраняется железнодорожный узел. Повадал и о том, что недалеко от города расположен концлагерь советских военнопленных. Гитлеровцы выгоняли их на строительство аэродрома в районе деревни Хожево.

Но самую важную новость Гром передал позже: аэродром «Хожево» готовился к специальной посадке самолетов «Фокке-Вульф». Это известная марка самолетов. Но оказалось, что на машинах были установлены ускорители для взлета.

Москва, наконец, дала согласие на

переход Павловича к партизанам. Правда, в приказе из Москвы говорилось, чтобы в последующем Гром выехал в Словакию.

Как-то Михаил Михайлович, когда к нему зашел Соус, сказал:

— Василий, ты знаешь, я был в Красном. Туда на машинах ездили. В четырех километрах от станции есть запретная зона. Там гитлеровцы устроили полигон для испытания на советских танках новых пушек. Мы растаскивали при помощи наших тягачей советские танки.

Услышав об этом, я попросил Павловича произвести разведку и по возможности раздобыть документы. Вскоре Павлович передал нам несколько документов, из которых следовало, что гитлеровцы испытывали новые пушки на степень пробиваемости танков «Т-34».

Мы направили к Павловичу разведчиков Василия Матвеевича Соуса и Петра Ивановича Минина. Комиссар бригады Иван Петрович Казак в условленном месте устроил с группой партизан засаду недалеко от станции Красное. Утром Павлович выехал из поселка на трех машинах и направился прямо в партизанский край. Гитлеровцы всполошились, послали погоню, но та нарвалась на засаду.

В начале июня 1944 года я с группой разведчиков и Михаилом Павловичем выехал под Молодечно для встречи с Василием Соусом. Когда в районе железнодорожной станции Красное мы пытались перейти шоссейную дорогу Минск—Вильнюс, нас обстреляли гитлеровцы. Пришлось залечь на опушке и ждать темноты. И вдруг со стороны Минска показались две легковые машины. Они мчались на большой скорости. Я хотел было пропустить их, но затем мгновенно пришлось решение: устроить засаду!

Машины приближались. Когда они поравнялись с нами, я поднял руку: «Внимание!» Разведчики приготовились к бою. Взмах руки — и заработали наши автоматы. Первая машина рванулась вправо и свалилась в кювет. Вторая же, закружившись на месте, перевернулась вверх колесами. Нужно было действовать. Подползли к машинам, с трудом открыли дверцы. В первой лежали два эсэсовского офицера и какой-то тип в гражданской одежде за рулем. Во второй — четыре мертвых эсэсовца. В машинах оказалось большое количество немецких марок, документов.

Захваченные документы позволили установить, что в одной из машин находился представитель немецкого концерна «Фарбениндустри», некий доктор Тиген. В концлагере Тростенец, под Минском, этот господин с группой специалистов выполнял особое секретное задание. Но какое именно, оставалось неясным.

Среди документов было письмо на имя полковника Майзеля, начальника тыла 16-й гитлеровской армии. Помню, с каким вниманием вчитывался Михаил Павлович в строчки письма. В нем сообщалось, что доктор Тиген закончил свою миссию и должен к 28 мая 1944 года прибыть в Берлин для доклада о работе его группы в концлагере Тростенец.

Я срочно послал радиogramму в Москву и попросил разрешения по документам доктора Тигена послать в Вильнюс разведчика Грома.

В Вильнюсе «доктор Тиген» пробыл пять дней и за это время разведгал гарнизон гитлеровцев в Вильнюсе, а, главное, раздобыл разоблачающие документы, в которых были описаны опыты, проводившиеся в концлагере фашистскими «врачами-исследователями» под руководством настоящего доктора Тигена.

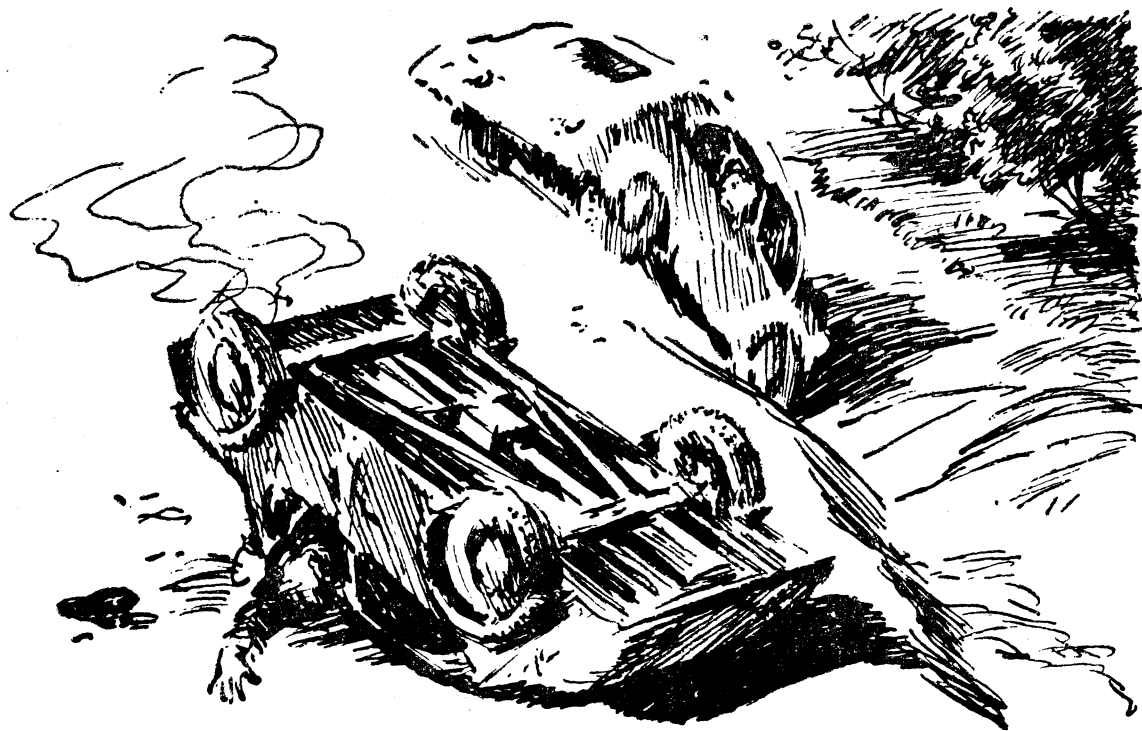
После возвращения Павловича из Вильнюса на партизанскую базу мы жили с ним некоторое время в одной землянке. Партизаны успешно громили гитлеровцев, а наши войска приближались к местам действий партизан Барановичского соединения.

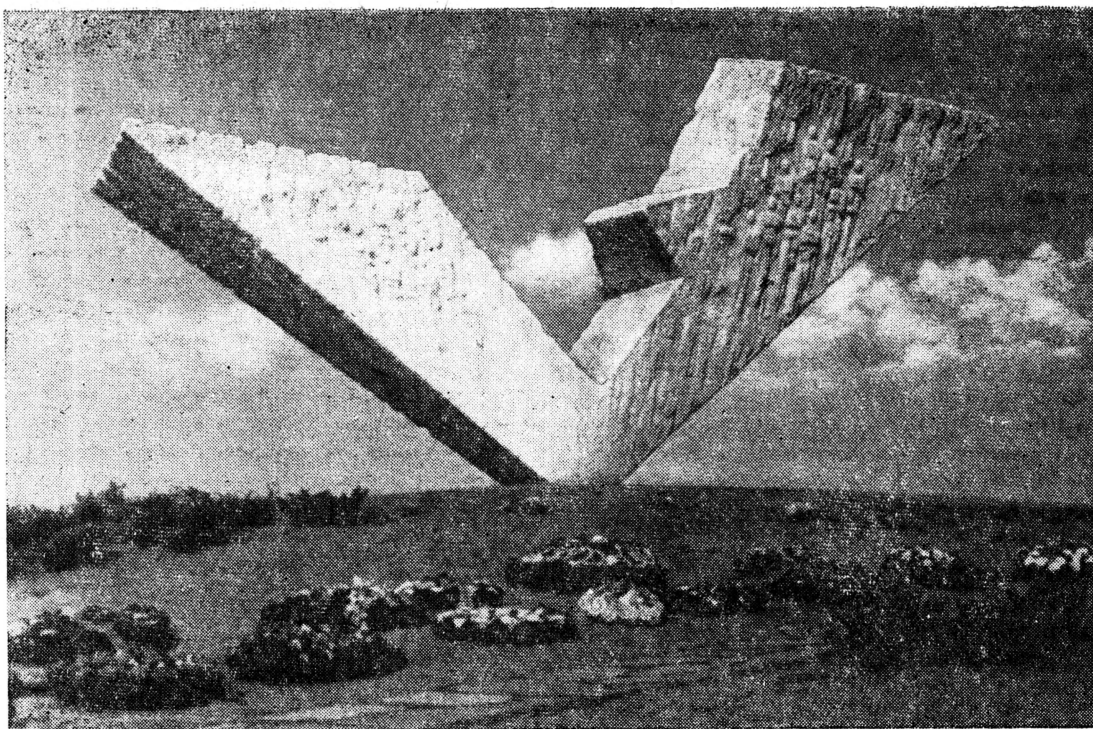
Но вот наступил день разлуки. Москва повторила приказ о направлении Грома для дальнейшей работы в Словакию. Готовились документы на Павловича, «больного туберкулезом». Михаил тщательно изучал свой будущий маршрут. Сначала он должен был попасть в Брест, из Бреста — в Варшаву, а из Варшавы уже в Прагу, где найдет своих и развернет работу. В Словакии он должен будет принять советских разведчиков и оказать им помощь.

Перед расставанием мы посидели с Михаилом на косогоре. Высокие сосны источали смолистый запах.

Мы обнялись, поцеловались. Я крепко пожал руку своему другу. Сели на коней. Я проводил Михаила до следующей партизанской бригады, откуда его путь лежал дальше, на запад.

Это было 28 июня 1944 года.

БЕЛОКАМЕННАЯ ЧАЙКА

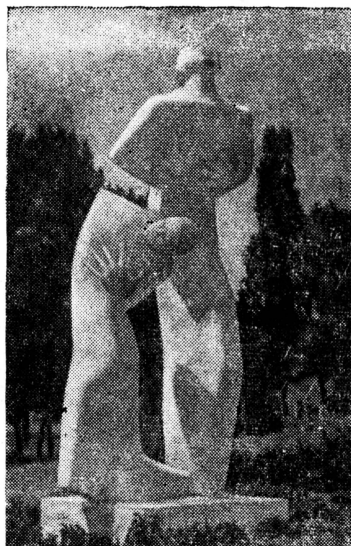
В ОКТЯБРЕ 1941 года, после поражения в боях с сербскими партизанами, фашисты ворвались в Крагуевец. Случилось страшное. То, о чем и сейчас помнят в каждом, даже в самом отдаленном уголке Югославии. 21 октября 1941 года немецкие оккупанты расстреляли около 7000 мужчин. Среди них триста юношей, учащихся Крагуевецкой гимназии.

В 1961 году Сербское литературное общество издало книгу «Крагуевец, 21 октября 1941», в которой собраны показания очевидцев. Вот свидетельства Оливеры Симич, которой было в то время 18 лет.

«...Тогда я прибежала домой к маме и спросила, не пришел ли брат из гимназии. Мы немедленно пошли к первой гимназии, но она была заперта. Служитель сказал, что пришел

приказ никого не пускать. Вокруг было много матерей и сестер, которые умоляли пус-

тить их во внутрь... Тут пришли немцы... Очень хорошо помню, что сначала из здания вывели учителей, затем ребят, которых построили рядами... Дети были веселы. На наши тревожные вопросы, куда их ведут, бросали: «На проверку документов». Немцы были страшны. Отогнали нас, не разрешили идти за ними. Вид немцев не предвещал ничего хорошего. Мама сопровождала и дальше колонну, а я пошла за отцом... сказала, что брата увели из гимназии... Парк был полон немцев и пулеметов, больше мы ничего не видели. Те несколько человек, которые сумели выжить, рассказали, что отец никак не хотел расстаться с сыном. Зная хорошо язык, он обратился к немецкому офицеру с просьбой отпустить сына, но его больно ударили. Тогда он стал

Памятник отважной партизанке Наде Наумович

Опустевший класс.
Рисунок Зорьки Марковича

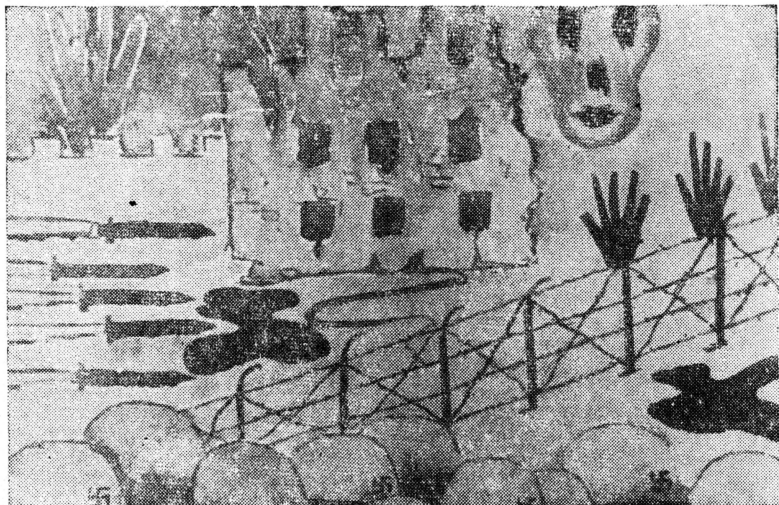
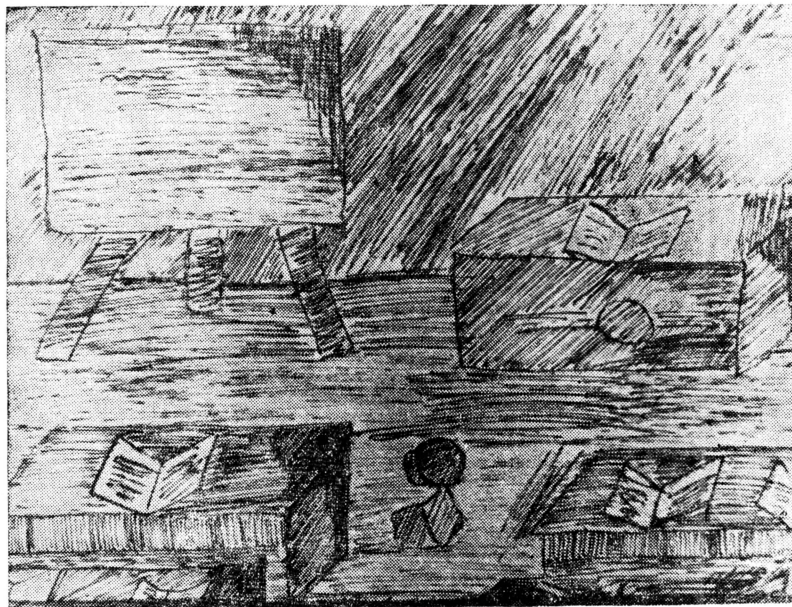

Рисунок Ленько Бувевича

просить расстрелять его вместо сына, его снова больно ударили. Тогда мой отец, уже не зная счета ударам, пошел в колонну, крепко обнял сына, и уже никакое избиение не смогло разомкнуть его рук. Так они и умерли вместе. Отец был изрешечен пулями: он прикрывал своего мальчика. Мальчику размозжили голову, когда обнаружили, что он жив... Мы с мамой пошли ра-

зыхивать холм, где были зарыты отец и брат. Мы шли между свежими могилами, разбросанной одеждой и разными предметами. На могиле ребят трава была вся в крови. Всюду валялись тетради, кепки, книги, зеркальца, расчески. Среди них я нашла словарь своего брата. Закопали их так спешно и так неглубоко, что кровь просачивалась сквозь землю...»

На месте расстрела сейчас тридцать три братских могилы и рядом с ними белокаменная чайка с неокрепшими подрубленными крыльями — памятник погибшим ученикам.

С того страшного дня прошло почти три десятилетия. Но и сегодня ученики Крагувечкой гимназии знают о нем и рассказывают о своих сверстниках в рисунках.

Э. АЛИСКИНА

ДЕВЧАТА С ЛУКОШКАМИ

Н. ДУБИНИН

Рисунки В. Яколевца

Гарнизон города Дятлово был в состоянии боевой готовности. По улицам ходили немецкие патрули. У въезда в город выставлены посты.

И все же командование отряда «Звезда» из партизанской бригады имени Кастуся Калиновского решило взорвать в Дятлове немецкие склады.

Эту операцию поручили девчатам — Гале Дейнеко, Жене Мазеиной, Дуне Ляховой и Зине Рудзевич. Диверсантки должны были проникнуть в город под видом крестьянок.

До «большой земли» было далеко, боеприпасов и мин в отряде не хватало. Взрывные устройства партизанские мастера изготовляли сами. Девчатам выдали самодельный подрывной патрон, который действовал неплохо, но имел один недостаток: нужно было спичкой поджигать трут.

В деревне Гезгалы, под Дятловым, связные приготовили партизанкам крестьянскую одежду, корзины с крупой, яйцами и живыми курами. В воскресное утро бывший председатель Гезгальского сельсовета Иван Антонович Гришанович повез «торговок» на базар.

У въезда в город солдаты заставили всех сойти с повозки, ощупали сено, заглянули в корзины:

— Яйка! Курка! Карашо!

— Господину коменданту, — строго сказал Иван Антонович. — По его приказанию.

Немцы махнули: поезжайте.

Иван Антонович остановил подводу квартала за два до рынка. Зина Рудзевич до войны бывала в Дятлове. Она уверенно повела девчат к базару. Неподалеку от него виднелось большое мрачное здание с заколоченными окнами — склад.

Зина села у базарной ограды. Торговать и

наблюдать. Галя, Женя, Евдокия стали присматриваться к обстановке.

Сперва девчата ходили по рынку, изучая склад издали.

Попытались войти в столовую, которая стояла ближе, всего дома за два. Немец в дверях не пустил.

Время приближалось к обеду. Как бы прогуливаясь, девчата прошли по тротуару мимо склада. Возле здания, по улице, прохаживался часовой с автоматом. Во дворе лаяли сторожевые собаки. Возможно, там было и караульное помещение.

Девчата прошли мимо склада раз, другой. Ни одного открытого окна или, на худой конец, какого-нибудь люка для вентиляции, куда можно было бы кинуть подрывной патрон. Но вон, кажется, доска прибита наискось, неплотно. Патрон в щель, пожалуй, пройдет. А рядом — штабель бревен.

Надо выждать, чтобы часовой повернулся спиной, забежать за бревна и просунуть патрон в щель. Зашли в стоявшую неподалеку туалетную будку, зажгли трут. Быстро вышли на улицу. Галя Дейнеко патрон под полкой держит. Фитиль тлеет. А навстречу — группа немецких солдат. Болтают, хохочут. Увидели русских девчат — хотели было остановиться:

— О, ви... ципка!.. Немного туда-сюда... Шпацирен...

А Галя Дейнеко красавица была. В отряде по ней вздыхал не один боец. У девчат кровь в жилах застыла. Броситься снова в туалет? Немцы заподозрят неладное. Зина на своем наблюдательном пункте от волнения дышать перестала, про торговлю забыла.

Но старший команды прикрикнул на солдат.

Немцы подстроились друг к другу, затопали быстрее.

Тут и часовой отвернулся. Он зашагал к дальнему углу склада, и в это время подрывной патрон скользнул в щель.

Сколько же протлеет фитиль?

К подводу так и хотелось припустить бегом. Но нельзя привлекать к себе внимание.

Уходили девочки кратчайшей дорогой — через лесок, начинавшийся метрах в пятидесяти. До лесочка, чтобы не привлечь внимания, шли. А там — только давай бог ноги!

В условленном месте уж и Иван Антонович ждал. Тут и Зина Рудзевич подбежала. Помчались на лошади к шоссе, в обход заставы. Следом докатился тяжелый грохот и гул. С дороги видно было, как взметнулся вверх огромный черный куст.

От самодельного партизанского подрывного патрона сдетонировали немецкие боеприпасы. Взрывом повывивало окна во многих домах, разрушило несколько соседних зданий. Широко забушевало пламя пожара.

Немцы перекрыли выходы из города. Оцепили рынок. Хватали мужчин на улицах. Им и в голову не могло прийти, что все сделали простоватые на вид девчонки...

Уходят годы. Все дальше отодвигаются события Великой Отечественной войны. Но никакое быстротекущее время не может стереть из памяти работницы станции Шарташ Евдокии Илларионовны Поваляевой (Ляховой) то, что довелось пережить за годы партизанской борьбы. Диверсия в Дятлове. Взрывы на железной дороге. Разведка в занятых гитлеровцами селах и городах. Много было всего!

Евдокия Илларионовна — уроженка села Нико-

лаевка, Брянской области. Когда началась война, ей было семнадцать лет, сестре Марии — пятнадцать. Вместе со взрослыми они строили укрепления между Брянском и Унечей. После занятия Николаевки немцами Евдокия Илларионовна установила связь с партизанами. Ходила в соседние деревни на разведку, разносила листовки со сводками Информбюро и призывами к населению вступить в партизанские отряды.

Немцы бросили в брянские леса карателей. В Николаевке они согнали в одно место мужчин, женщин, детей, стариков и расстреляли. А деревню подожгли.

— Все погорело! — с судорожным вздохом вспоминает Евдокия Илларионовна. — Была большая, шумная деревня, а остались одни пепелища. И трупы, сложенные немцами в кучу...

Евдокия Илларионовна, Мария и их мать Прасковья Тимофеевна накануне прихода карателей скрылись в лесу. С ними были младший братишка Саша шести лет и трехлетняя племянница Таня. Больше месяца скитались по чащобам и болотам. Потом решили, что немцы уже не придут в сожженную деревню, и вернулись домой. От их хаты осталась только печь. Да еще огород — можно было копать картошку.

Таких горьких беженцев набралось десятка три. Готовили в печах, на пепелищах рыли землянки, приспособляли под жилье погребя.

Тут пришла новая беда. Бывший учитель николаевской школы предатель Безруков, желая выслужиться перед врагом, донес немцам о возвратившихся беженцах. Ночью нагрянули солдаты и полиция, оцепили сожженное село. Прасковью Тимофеевну увезли в имение помещика под городом Лида, младших детей у нее отобрали, а Евдокию и Марию отправили в Лидицкий концентрационный лагерь.

Русские крестьянки не покорились врагу. Прасковья Тимофеевна, пожилая уже женщина, отказалась работать на помещика. Ее расстреляли. Евдокии с Марией удалось бежать. После скитаний по оккупированным деревням они встретились с белорусскими партизанами и сражались с врагом до соединения отряда с частями Советской Армии, 7 августа 1944 года, на границе с Польшей.

Непроходящей болью осталась дума о детях. Так и затерялись с тех пор Саша и Таня. Погибли? Или живут где-нибудь, не зная, кто они, откуда и что их до сих пор разыскивают родные?

Евдокия Илларионовна после войны вышла замуж. В 1947 году ее мужа направили работать на Свердловскую железную дорогу. Так с тех пор и живут в Свердловске.

В мае позапрошлого года бывшее командование партизанского отряда «Звезда» организовало в городе Гродно встречу своих бойцов. Пригласили и сестер Ляховых. Своих подруг, с которыми совершила дятловскую диверсию, Евдокия Илларионовна узнала сразу. Зина Рудзевич вышла замуж за одного из командиров отряда, живет в Вильнюсе. Женя Мазепина — в городе Порхове, фельдшерница. Бесстрашная красавица Галя Дейнеко, которая несла под полой зажженный подрывной патрон, учительствует в первой школе города Гродно.

Евдокия Илларионовна и ее сестра привезли на радостную встречу своих младших дочерей. С детьми были и многие другие партизаны и партизанки. Чтоб дети посмотрели на героев и чтоб знали, как надо служить Родине.

В конце 1969 года в Москве, в Военном издательстве, вышла книга «Через фиорды». Ее авторы — генералы, адмиралы и офицеры разных родов войск, воевавшие в Заполярье во время Отечественной войны.

В одном из очерков, «Добрые крылья», написанном подполковником В. Игнатьевым, есть такие строки:

«Высокий, подтянутый, с открытым взглядом улыбающихся глаз, спокойный и неторопливый на земле, Павел Степанович Кутахов преобразался в воздухе. Неистовы были его атаки, изумительно мастерство маневра.

— Если Кутахов в воздухе — фашист будет на земле, — говорили гвардейцы.

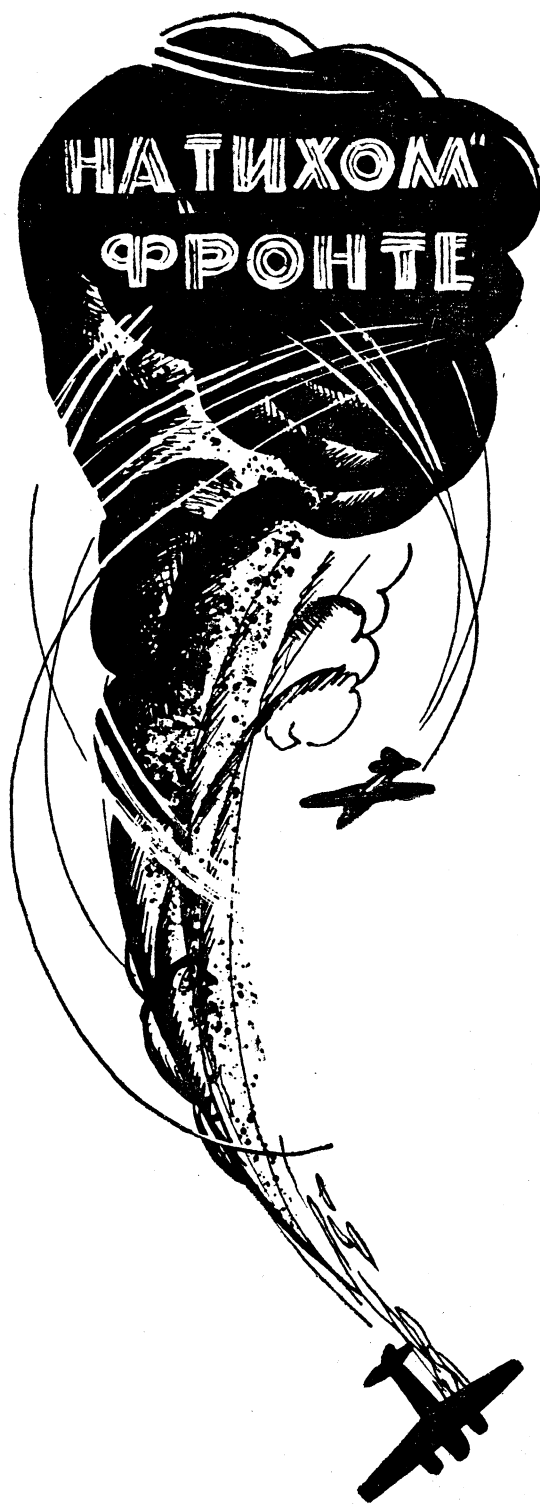
Под стать командиру полка был и его воспитанник — замполит эскадрильи гвардии капитан П. З. Кочегин. Никогда не унывающий, энергичный, с характерным уральским говорком, Павел Захарович действительно являлся душой подразделения.

В дни наступления он летал, не зная усталости. Бои, патрулирование, поиски аэродромов в тылу противника. Снова бои...

Однажды Павел Кочегин не вернулся с боевого задания. Он потерялся где-то над норвежской территорией...»

Павел Степанович Кутахов — Герой Советского Союза, ныне маршал авиации, Главнокомандующий ВВС Советской Армии, заместитель Министра обороны СССР. Павел Захарович Кочегин — гвардии майор запаса, автор предлагаемых записок. Всю войну он провел на Карельском фронте, который часто называли «тихим».

Сейчас Павел Захарович живет в небольшом зауральском городке Куртамыше. Десять лет назад он с помощью общественности и школьников-следопытов создал народный краеведческий музей имени Н. Д. Томина и с тех пор — его бессменный директор. Перу Павла Захаровича принадлежит несколько книг, в том числе документальная повесть «Человек-огонь» — о герое гражданской войны Николае Дмитриевиче Томине, земляке Павла Захаровича.

П. КОЧЕГИН

Рисунки С. Киприна

Пришла почта. На одном из конвертов читаю: «Куртамыш, Курганской области, гвардии майору запаса Кочегину Павлу Захаровичу. Прошу почтальона найти обязательно».

Быстро разрываю конверт. «Здравствуй, Павел! Помнишь ли ты бой 15 сентября 1942 года, когда я, положив свою машину на крыло, пролетел между тобой и немцем, который целился в тебя из пистолета? А потом я сопровождал тебя до земли, отбивая атаки фрицев...»

Димочка Гончаренко! Да разве такое забывают! Помню, все детали этого боя помню.

...Над командным пунктом полка взвилась зеленая ракета. Не успели погаснуть последние ее искры, а шестерка истребителей «Хаукер-Харриейн» — «харитоши», как их называли летчики, — уже была на взлете.

Только мы подошли к нижней кромке облаков, с командного пункта передали:

— Будьте внимательны!

Предупреждение опоздало: мы уже и сами чувствовали врага за спиной. Вскоре из облаков парами и четверками обрушились на нас «мессершмитты». На их стороне — явный численный перевес. А главное, у нас не было ни скорости, ни высоты. Немцы — над нами. А кто хозяин высоты, тот и хозяин боя.

Мы вынуждены были принять оборонительный бой. Выстроились «каруселью» и стали отбивать атаки «мессеров». Впереди меня летел в выраже старший сержант Александр Кутаков.

Пара истребителей противника навалилась на Семена Компанейченко. Александр Кутаков бросил свою машину на перехват и открыл огонь. Один «мессер» загорелся.

И тут же на горящем самолете вышел из боя старший сержант Николай Егоров. Он решил посадить свою машину на аэродром, но, не дотянув несколько метров, врезался в сопку...

А немцы стремительно атакуют. Вот опять двое напали на Александра Кутакова. Бросаю своего «харитошу» в правый боевой разворот. Немец прекращает атаку, выводит самолет из пикирования. В моем прицеле — желтое брюхо врага. Нажимаю на кнопку электроспуска. Машина вздрогнула. Это слетели с ползьев реактивные снаряды. Перед глазами — разлетающиеся во все стороны куски «мессершмитта». И в тот же миг на левую плоскость моего самолета обрушился страшный удар. Машина загорелась, но еще управляема. Пытаюсь сбить огонь скольжением, но костер начал пластать еще сильнее. Пришлось выброситься с парашютом. Метрах в пятидесяти от меня, чуть ниже, спускался на цветном парашюте немецкий летчик. Я потянулся рукой за пистолетом, но его не оказалось, оторвался при ударе. Спускался я быстрее немца, и вскоре мы

оказались с ним на одном уровне. Немец навел на меня маузер. Сердце сжалось.

Но в этот момент над головой раздался рев мотора. Между мной и немцем пронесся истребитель с красной звездой. Немецкого парашютиста отнесло далеко в сторону. Но тут новая опасность, пострашнее: два «мессершмитта», как коршуны, набросились на меня. И вот уже вновь, откуда ни возьми, на пересекающихся курсах, к немцам несется знакомый «ястребок». В ушах — треск пулеметной и пушечной стрельбы. Это — неизвестный друг открыл огонь. Один немец скрылся в тучах, второй — сбит.

Краснозвездный «ястребок» виражировал вокруг меня до тех пор, пока я не «присоснился» (сел на сосну), а затем боевым разворотом ушел к облакам.

В конце 1942 года меня перевели в 19-й гвардейский истребительный авиационный полк на должность заместителя командира эскадрильи по политчасти.

Здесь-то я и встретился с Дмитрием Гончаренком: он оказался тем самым летчиком, который спас мне жизнь. Нас так и прозвали в полку — побратимы.

Сейчас Дмитрий Семенович Гончаренко, гвардии полковник запаса, живет в Одессе.

Звезды на фюзеляже

«Кулигин Николай Афанасьевич. Род. 1912 г. Рабочий. Член ВКП(б) с 1932 г. В РККА — с 32 г. В ВВС — с 35 г. Образование среднее. Школа командиров звеньев. Борисоглебск. Жена Заикина Валентина Ивановна, г. Мичуринск, Тамбовской области, Социалистическая, дом 54». В моей записной книжке — скупые, наспех нацарапанные карандашом строки, а за ними — многое...

Май 1942 года. Заполярье. Над фронтовым аэродромом — густая темно-коричневая дымка. В воздухе послышался гул моторов. Через несколько минут из транспортного самолета по трапу сошли двое — Герой Советского Союза капитан Локтионов и капитан Кулигин, с орденом Красного Знамени на груди. Первый прибыл на должность командира полка, второй — командира эскадрильи. Здесь, у самолета, и произошла моя первая встреча с Николаем Афанасьевичем Кулигиным, человеком отважного и отзывчивого сердца.

Мы попали в одну эскадрилью, он — командиром, я — комиссаром. Нам отвели отдельную землянку, которая стояла на границе аэродрома. Мы сразу крепко подружились, радости и горечи делили пополам.

Лето сорок второго года в Заполярье выдалось на редкость сухим и жарким. Командование приказало в кратчайший срок подготовить полк к выполнению боевой задачи. Отдыхать приходилось по три-четыре часа в сутки. Полеты, наземная подготовка и опять — полеты.

Николай Афанасьевич первым в совершенстве освоил новые самолеты и по нескольку часов не вылезал из кабины — «вывозил» молодых летчиков.

Трудно давалась новая техника сержанту Егорову, но командир эскадрильи терпеливо учил его. Наконец, сержант был подготовлен к самостоятельному вылету. Дела у него как будто пошли на лад. Но вдруг он допустил грубую ошибку: забыл переключить подачу горючего из верхнего бака на основной, и посадил машину в лес. Командование решило отчислить Егорова из истребительной авиации.

— Сержант Егоров будет летать! — возразил Кулигин командиру полка.

Впоследствии сержант Егоров храбро сражался с врагом и героически погиб в воздушном бою.

* * *

В боях и тревогах летело время.

Однажды, это было 9 сентября 1942 года, мы поднялись в воздух по сигналу с командного пункта полка. Кулигин командовал ударной группой, я — группой прикрытия. На Мурманск шли немецкие бомбардировщики под прикрытием истребителей. Завязался ожесточенный бой.

Самолет комэска то падал к земле, то стрелой уходил ввысь. Вот от меткой очереди командира вспыхнул один «мессершмитт», за ним второй, получив солидную очередь, задымил, вышел из боя. Но и Николай Афанасьевич, тяжело раненный в ногу, повел поврежденную машину на вынужденную посадку. Он мастерски приземлился на аэродроме соседнего полка. А оттуда его отправили в госпиталь.

Навестить командира поехали его боевые друзья. Он уже немного поправился и вышел из палатки, опираясь на костыль. Увидев сержанта Малышева, механика моего самолета, шагнул к нему и затормозил:

— Выручай, Вася! Достань какую-нибудь одежку. Мое обмундирование за семью замками, а мне тут осточертело.

— Так вы же ранены, на костылях, — попыталась мы уговорить командира.

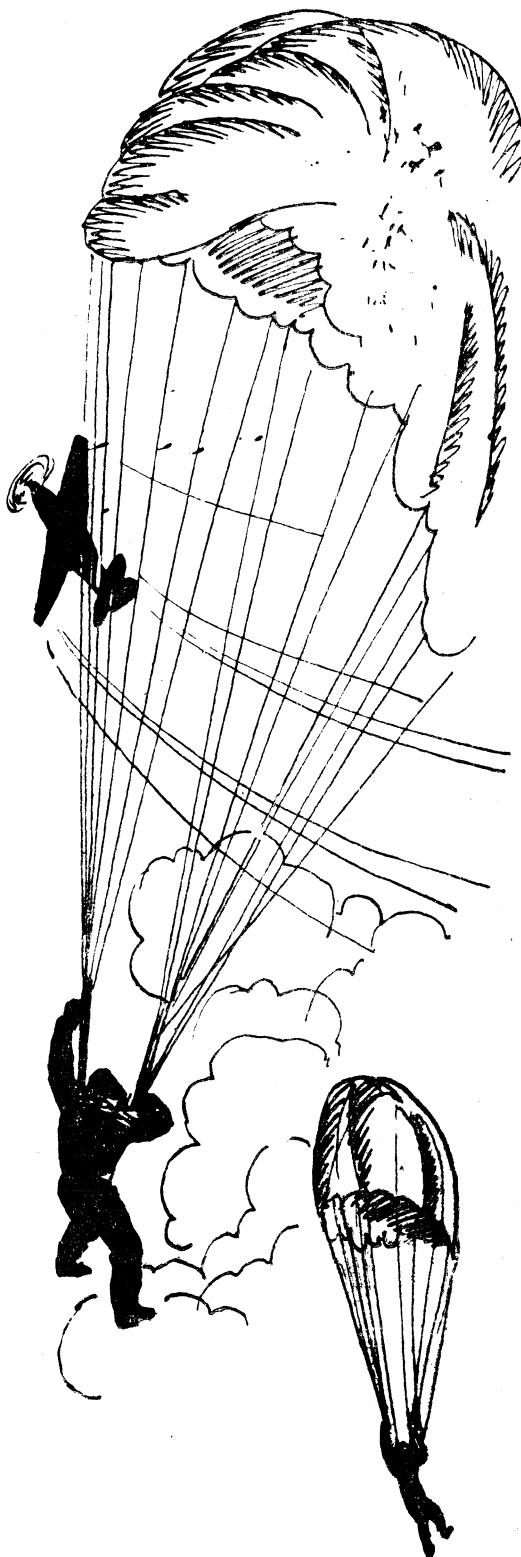
— Ранен!? Это ходить я не могу, а летать — за милую душу. Выручай, Вася!

А надо сказать, что Малышев уже выручал капитана Кулигина подобным же образом. Перед тем как попасть в Заполярье, оба они служили на одном из аэродромов центральной полосы. Однажды Кулигин перегонял самолет с завода на фронт. Малышев встречал его на аэродроме. Летчик вышел из своего самолета в валенках, а кругом стояли лужи талой воды.

— Как же вы пойдете, товарищ капитан? — спросил Малышев.

— А вот уж об этом надо тебя спросить, друг мой, — с улыбкой ответил Кулигин. — Выручай, если можешь.

Сержант Малышев убежал куда-то, а через несколько минут вернулся с новыми сапогами. Теперь пути их сошлись на Крайнем Севере. И снова Малышев выручил капитана Кулиги-

на: достал ему пальто с плеча какого-то солидного дяди. В этом пальто Николай в сопровождении друзей незамеченным вышел из госпиталя. Через несколько часов он был в части, «долечивался» за штурвалом самолета.

В мае 1943 года наши фронтовые пути разошлись: Николай Афанасьевич принял полк, который стоял на другом аэродроме. А некоторое время спустя мы услышали печальную весть: командир истребительного авиационного полка, гвардии майор Кулигин погиб в бою.

Вот как это произошло.

Над аэродромом на большой высоте появился неприятельский разведчик. Командир полка выскочил из землянки. Дежурная пара что-то замешкалась с вылетом на перехват. Кулигин дал знак ведомому, вскочил в самолет, и через минуту был в воздухе. Разведчик стал быстро удаляться. Сбил его Кулигин уже над вражеским аэродромом. Увидев на летном поле скопление бомбардировщиков и истребителей, командир принял дерзкое решение: штурмовать аэродром. Пикируя с высоты, он стал поливать стоящие на земле самолеты пушечным и пулеметным огнем. Несколько машин загорелось. Еще один заход, еще одна стремительная атака. Немцы в панике разбежались по аэродрому в поисках укрытия от смертоносного огня советского аса. В воздухе — тоже море огня: открыли стрельбу зенитные орудия и крупнокалиберные пулеметы. И вот вспыхнул красноразветренный истребитель и на полной скорости врвался в аэродром...

Десять звездочек украшали фюзеляж кулигинского самолета. Это — десять лично им сбитых «стервятников».

Прошли годы. В октябре шестьдесят четвертого, на праздновании двадцатилетия разгрома фашистских войск в Заполярье, я встретился в Мурманске с моим первым механиком, Василием Васильевичем Малышевым. Вспомнили своих друзей и среди них первым — Николая Афанасьевича Кулигина.

Два тарана — в одном бою

Взвилась зеленая ракета. По тревоге взлетела шестерка. Командир группы гвардии капитан Алексей Поздняков по радио получил приказ: отразить налет большой группы бомбардировщиков.

Двадцать восемь «юнкерсов» шли курсом на Мурманск под прикрытием тридцати шести истребителей. Соотношение сил более, чем один к десяти. Но советские летчики пошли в атаку.

Когда у гвардии капитана Алексея Позднякова кончился боезапас, он бросил свой «ястребок» на таран. Перед тем, как ударить, передал по радио заместителю:

— Алеша, смотри за молодыми!

В группе четыре летчика были необстрелянными, только что прибыли в полк. В последний миг герой думал о них.

После гибели капитана Позднякова командование группой принял на себя комсомолец гвардии старший лейтенант Алексей Хлобыстов.

Бой продолжался. Немцы упорно рвались к цели. Еще несколько минут — и фашистские бомбы посыплются на Мурманск.

Вот и у Алексея Хлобыстова кончились патроны, и он, догнав бомбардировщик противника, ударил по его хвостовому оперению плоскостью своего самолета.

Враг рухнул в сопки. Самолет Хлобыстова тоже начал падать. Но Алексей все же вывел покалеченную машину из штопора. Правда, консоль у правой плоскости оторвана, но самолет еще управляем.

Алексей Хлобыстов идет на второй таран. И второй бомбардировщик врага рухнул. Немцы не выдержали натиска советских асов, сбросили весь запас бомб на скалы и на полном газу ушли домой.

— Ну как, Алеша? — спросили друзья, когда летчик вылез из кабины.

— Смотрите, какую розочку привез, — спокойной проговорил герой, показывая на изуродованное крыло.

Через несколько дней Алексей Хлобыстов вновь повел группу в бой. И вновь, когда кончились запасы патронов и снарядов, он таранил самолет врага.

Виртуоз

Помощник командира эскадрильи, гвардии старший лейтенант Фома Иванович Журавлев со своим ведомым возвращался с боевого задания.

Под крылом стремительно плыла пестрая, словно разноцветное одеяло, земля. На горизонте уже выросла гряда сопок, а там рукой подать и до аэродрома.

Вдруг под крылом скользнула небольшая полянка, окруженная вековыми соснами, а на ней — копы сена.

«Что за чертовщина! Летаю здесь каждый день и до сих пор не видел, чтобы кто-нибудь косил сено, — подумал Журавлев. — Надо проверить». — И ввел машину в пикирование.

Он взял в прицел одну из копен и открыл огонь. Раздался взрыв, в воздух взметнулись клубы дыма. Взрывной волной сильно качнуло самолет. На земле забушевало пламя.

— Вот это сено! — воскликнул Журавлев.

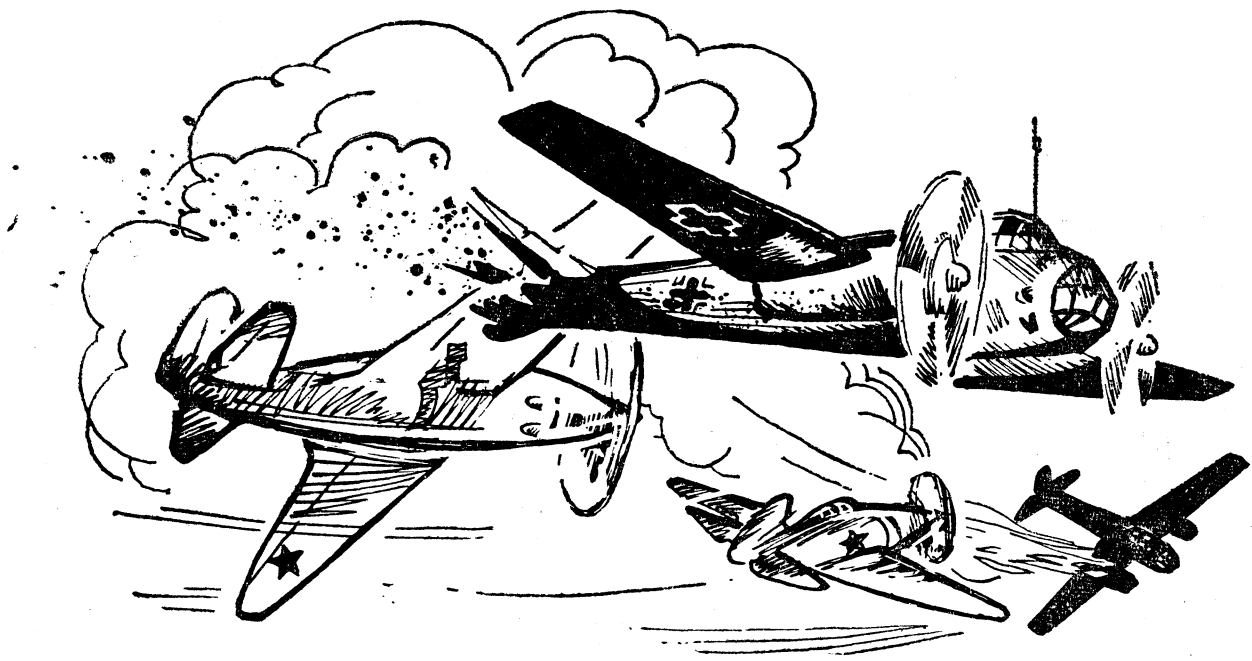
Внизу заплясали огненные языки, и вокруг наших самолетов стали рваться зенитные снаряды.

Истребители сделали новый заход. И в тот момент, когда Журавлев уже хотел нажать на гашетки, самолет его вздрогнул от сильного удара. В фюзеляже, у правой ноги, зазияло большое отверстие, а ручку управления, словно бритвой, срезало осколком у самого основания. Самолет на большой скорости вышел из пикирования и, все больше задирая нос, полез вверх. Катастрофически падала скорость. Еще мгновение, и самолет свалится в штопор.

Журавлев сбавил газ и, одновременно сняв с педали правую ногу, нажал ею на гнездо ручки управления. Машина «клюнула» и пошла на снижение. Журавлев прибавил обороты. Истребитель снова стал задирает нос.

Так, то увеличивая, то уменьшая обороты, Журавлев продолжал полет. Казалось, истребитель не летит, а плывет по волнам. Наконец, летчику удалось так подобрать обороты винта, что самолет пошел ровнее.

Миновали линию фронта. Теперь если уж и

придется прыгать с парашютом, то над своей территорией.

— Летим над ложиной, до земли не меньше двухсот метров, прыгай,— посоветовал Журавлеву ведомый.

Тот отказался.

— Нет уж, пойду до дома.

Вот впереди показался аэродром. Журавлев решил садиться с прямой, не делая круга над аэродромом, как этого требовало наставление. Ведь надо было посадить самолет без ручного управления!

Летчик убрал газ. Самолет под большим углом пошел к земле. Видя, что ему не дотянуть до посадочного знака и чтобы не врезаться в камни, уложенные на границе летного поля, Журавлев опять прибавил обороты. Самолет снова стал задирать нос. Затем летчик резко убрал газ, но машина продолжала лететь над аэродромом.

«Ну, садись же, садись!» — мысленно уговаривал ее Журавлев.

Порывом ветра самолет легонько качнуло. Еще, и вот он уже коснулся земли сначала левым колесом, потом правым и плавно покотился по аэродрому.

За посадкой летчика следил командир полка, гвардии подполковник Алексей Ефимович Новожилов. Он грузной походкой подошел к самолету и скрестил над головой руки:

— Выключай мотор!

Когда винт остановился и наступила тишина, командир полка строго выговорил Журавлеву:

— Ты что это? Старый пилот, а посадил машину, как желторотый птенец!

Журавлев лишь молча показал глазами на то место, где полагалось быть ручке управления.

Друзья из Сванвика

Вечером 19 января 1966 года Москва передала по радио Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении норвежских граждан Сигварда Ларсена, Бьерне Беддари и Харальда Кнудсена советскими орденами.

А в моей памяти отчетливо всплыли давние события.

20 октября 1944 года, в двенадцать ноль-ноль, прозвучал сигнал боевой тревоги. Истребители под моим командованием получили задание сопровождать штурмовики, которые должны были уничтожить артиллерийские склады врага километрах в двадцати южнее Киркенеса. Перелетев линию фронта, мы встретились с «юнкерсами». Четверка из группы прикрытия атаковала их.

При подходе к цели я увидел шесть «мессершмиттов». Заметив опасность, сделал крутой разворот и приготовился атаковать врага на встречном курсе. Завязался бой. Появились еще два «мессера».

Штурмовики выполнили задание. Столбы огня и дыма взметнулись с земли. Но и «мессеры» не прекращали атак. Внезапно появляясь из-за облаков, они, как коршуны, кидались на наши самолеты. Я решил отвлечь врага на себя. Приказав командиру Сергею Слюнину сопровождать штурмовики, я и гвардии лейтенант Роман Середа бросились навстречу «мессершмиттам».

Ведя бой, мы оттягивали врага в сторону. Перед очередной атакой я взглянул на ведомого. Он летел сзади. Вот уже близко фашистский самолет. Я нажал гашетку. Пули прошли через консоль «мессершмитта», и тот нырнул в тучи. Я осмотрелся: ведомого не было... На вызов по

радио лейтенант Середа не ответил. Против меня было четверо. Если уйти в облака, я вскоре буду на аэродроме. А Середа? Где он? Тем временем меня шел очередной фашист.

Сближаемся на встречных курсах. Изю всей силы жму на сектор газа, увеличиваю скорость. Тело «мессершмитта» закрывает все деления прицела. Еще секунда — и мы столкнемся. Но вот желтое брюхо «мессершмитта» поползло кверху: фашист не выдержал лобовой атаки. Я нажал на гашетку. Машина врага стала падать вниз. Машинально я еще некоторое время жал на сектор газа. Во рту пересохло, лицо взмокло от пота. Взглянув на приборную доску, сбавил газ. Сразу стало легче.

Остальные вражеские самолеты пропали из виду. Сделав разворот, я вошел в облака. Серая пелена застлала стекла кабины. Но солнце было очень яркое, и я летел на него, как на ориентир.

Но вот рядом мелькнула тень вражеского истребителя. Я не успел увернуться от удара. Мой самолет вздыбился, потом перевернулся через крыло и отвесно полетел к земле. Беру ручку управления на себя, самолет не реагирует: перебиты тросы управления.

Отстегнув ремни, я дернул аварийный рычаг. Дверца кабины не открывалась, прижатая снаружи потоком воздуха. Я навалился на нее плечом, и тогда вихрь выхватил меня из кабины.

Ветер сносил меня к берегу, где на склоне холма виднелись домики. Я падал все быстрее. Но вот захрустели кусты, задетые ногами. Я несколько раз перевернулся, сильно стукнулся головой о камень и потерял сознание.

Когда открыл глаза, то увидел над собой клочковатые облака. Вскочив на ноги, отстегнул

парашют и бросился бежать, но, вспомнив, что к лямке парашюта привязана плитка шоколада, повернул обратно. Не успел сделать и двух шагов, услышал окрик:

— Хальт! Хенде хох!

Метрах в двадцати от меня с автоматом наизготовку стоял немецкий солдат.

Трудно описать чувство, которое охватило меня в тот миг.

Резко выхватываю пистолет и выпускаю в немца несколько пуль. Он падает.

Подозревая, что немец жив, залег и я, укрывшись за кочкой. Над головой засвистели пули.

Но вот стрельба прекратилась. Солдат поднялся и начал всматриваться в мою сторону. Я прицелился и нажал на спусковой крючок. Взмахнув руками, фашист снова упал.

Я отполз назад. Тишину прорезали автоматные очереди и громкая немецкая ругань. Погоня! Я помчался к большому валуну, чтобы найти за ним укрытие. Пули взвизгивали справа и слева. Болела грудь, дышать было нечем, невыносимо хотелось пить. Вот и валун. Я кинулся на землю, отдышался, стащил с головы мешавший мне шлем.

Передо мной был кустарник. Петляя, побежал туда. Небольшое расстояние показалось нескончаемым. Прыжок, еще прыжок — и я в кустарнике.

Под ногами забулькало. Не останавливаясь, хватал горстью болотную жижу и подносил к распухшим губам. Колючие ветки хлестали по лицу, сучья обдирали кожу. Я выбежал на дорогу. Левее, за камнем, притаился автоматчик.

«Окружают...» — подумал я и метнулся вправо.

Кустарник редел. Ноги вязли в болоте. Я брел по колено в воде. Сил уже не было.

Ухватившись за корни сваленного дерева, присел, готовясь к последнему бою. Нашупал в кармане гимнастерки партийный билет. Вынул фотографию жены и детей, мысленно простился с ними.

Короткий осенний день кончался. Наступали сумерки. Ухо уловило приближавшийся лай собак, немецкую речь и чавканье сапог. Потом шум стал удаляться и стих.

Правая нога замерзла, а левая горела огнем. «Ранен...» — сообразил я. Захотелось курить. Пачка папирос размокла. Махорка в деревянном портсигаре, который мне сунул в карман моторист Шакин перед вылетом, оказалась сухой. Покурился, стал выбираться из болота. Под руку попалась суковатая палка. Оступаясь на кочках, чувствовал боль во всем теле... Во тьме забрел в трясину, но понял это лишь тогда, когда меня стало засасывать.

«Спокойно, спокойно!..» — говорил я себе, пытаясь вырваться из западни.

Липкая жижа поднималась все выше. Я вспомнил о палке. Не выпуская из рук, шарил ею по сторонам. Наконец, она зацепилась сучком за кочку. Напрягая силы, подтянулся и вытащил ноги из трясины. Ухватился за мохнатую кочку, подтянулся и побрел дальше.

В полночь я передохнул, укрывшись от ветра за камнем.

Мелкий дождь промочил меня до нитки. Под утро подморозило. Гимнастерка одеревенела. Хотелось есть. Запас моих «продуктов» составляли шесть витаминных конфеток. Не зная, что меня ожидает впереди, я решил воздержаться от «завтрака».

Днем солнце почти не грело. Незаметно спускалась холодная, ветреная ночь. Повалил мокрый снег. Обмундирование, не успев высохнуть днем, намочило. Раненая нога распухла, онемела и волочилась по земле.

В темноте я вышел, вернее, выполз к озеру Сальми-Ярви. Там, на противоположном берегу, — наши! Ширина озера несколько километров. Не переплыть. Идти по берегу — окончательно выбьешься из сил, замерзнешь или попадешь в плен. Неподалеку от озера заметил шоссе.

По асфальту зашагал бодрее. Вдруг за изгибом шоссе блеснул сквозь редкий березняк луч электрического фонаря. Послышалось шуршание велосипедных шин. Я приготовился.

Из леса выехали двое. Они быстро приближались. Фонари велосипедов освещали землю.

— Хальт! — скомандовал я.

Велосипедисты остановились и, ударя себя в грудь, закричали:

— Норге! Норге! (Норвегия! Норвегия!)

Я обрадовался. Передо мной — мирные граждане, норвежцы. Жестом пригласил их сойти с дороги. Они охотно выполнили мое желание.

— Хлеб, хлеб... — проговорил я, ощупывая рюкзак одного из них.

Норвежцы непонимающе переглянулись.

— Брот, брот... — сказал я по-немецки.

— Брёд, брёд! — оживились норвежцы и быстро заговорили, указывая руками в сторону.

— Брот ист цу хаузе? (Хлеб дома есть?) — спросил я.

— Я, я! (Да, да) — закивали они и, поддерживая меня под руки, повели тропинкой через березовую рощу.

Деревья резко выступали на фоне яркого зарева. Когда мы вышли на опушку, я увидел

в центре небольшого селения догоравший дом. Вокруг ходили немецкие солдаты. До боли в ногах сжал рукоятку пистолета. «Неужели предадут?» — мелькнуло в голове.

Норвежцы свернули вправо. Подошли к дому и поднялись на второй этаж, в маленькую комнату. Норвежец постарше вывернул фитиль едва мерцавшей керосиновой лампы, и я разглядел своих провожатых. Одному было лет тридцать, другой — помоложе. Как потом оказалось, старшего звали Сигвард Ларсен, а младшего — Бьерне Беддари.

Сигвард положил на стол хлеб, вареный картофель, поставил банку с молоком. Я с жадностью стал есть, но Сигвард поспешил убрать еду со стола, знаками объяснив, что много есть сразу нельзя. Затем он помог мне стянуть сапоги и уложил в постель.

Норвежец ушел. В тепле клонило ко сну. Веки слипались. Сжимая пистолет, я приказывал себе: «Не спать! Не спать!»

К утру в комнату вошел мой хозяин. Он был чем-то взволнован и все время приговаривал, беспомощно разводя руками:

— Киркенес... Киркенес...

Лишь много лет спустя я узнал, что его жена, родив дочку, была при смерти в соседней комнате, а он не смог пройти в Киркенес и вызвать врача: оккупанты перекрыли все подходы к городу.

Тревожась о своей жене, Сигвард Ларсен поставил передо мной еду и быстро вышел. Он вернулся не один.

— Здравствуйте! — по-русски сказал высокий норвежец в шляпе и клетчатом пальто. — Инженер из Киркенеса, — представился он. — Как ваша нога?

Я отвернул одеяло. Инженер покачал головой, сказал что-то Ларсену, и тот скрылся за дверью. Мы разговорились. Харальд Кнудтсен много лет работал в Архангельске.

— Раньше я хорошо говорил по-русски. Теперь забывать стал, — сказал он.

Сигвард Ларсен принес бинт и вату, бутылку с какой-то жидкостью. После перевязки, которую сделал Харальд Кнудтсен, я почувствовал себя лучше.

— Ну как, вы сможете идти? — спросил Кнудтсен.

— А что?

— Тут кругом наци... — пояснил Харальд и жестом показал: Сигварду Ларсену будет петля.

— Ясно, — сказал я и, спустив ноги с кровати, взялся за сапоги.

— Куда вы? — с тревогой спросил Харальд Кнудтсен.

— Пойду...

— Нет, нет! Вы неправильно меня поняли. Я перевезу вас к себе, в Фурум. Там безопаснее.

На рассвете в комнату вошел немолодой плечистый мужчина в широкополой шляпе, кожаной куртке и охотничьих сапогах. Грузно опустившись на плетёный стул, он вытащил из-за голенища сапога топографическую карту, подобную той, которую я бросил в болоте, когда она размокла и слиплась в ком, и показал, где мы находимся. «Сванвик», — прочитал я.

Норвежец объяснил мне значение условных знаков на мысе, вдающемся в озеро. Минное поле! На прощание пожал мне руку и подарил пачку сигарет.

Утром меня навестила женщина с ребенком

на руках. Я узнал, что малыша зовут Туре. Он охотно пошел ко мне. Я обнял его, поцеловал, посадил верхом на себя. Мальчик громко смеялся. В свертке, который женщина положила на стол, были хлеб, колбаса, сигареты, спички.

Немного погодя пришли двое — чернобрый мужчина и блондинка.

— Лехто, — откомендовался норвежец. — Я и Милли Беддари живем неподалеку отсюда. Мы работали на огороде и видели, как вы сбили фашистский самолет. Разрешите поблагодарить вас...

Он торжественно преподнес мне пачку махорки. Девушка принесла шоколад.

Вечером Сигвард предложил мне поскорее надеть его пальто и кепку. Вместе с Бьерне Беддари помог сойти вниз. Оба были взволнованы. У подъезда вплотную к двери стоял грузовик. Я взобрался в кабину, оказавшись между Ларсеном, который сел за руль, и матерью Туре. Беддари забрался в кузов.

Выехали на шоссе. Я держал пистолет наготове. Куда едем? Спросить — не поймут. Машина остановилась на берегу озера, у шалаша.

Примерно через час мы вновь куда-то поехали. Только под утро в небольшом перелеске встретили рыбака в шляпе, и он сказал, что нам можно возвращаться домой.

Опасность миновала, Сигвард Ларсен вновь взял меня к себе. Снова лежал я в маленькой комнате. Вдруг дом трянуло. Распахнулись, окна и двери тотчас же с силой захлопнулись. Со звоном вылетели стекла. Раздался треск — из стены около моих ног вырвало щепку, которая сшибла стакан

со стола. Двери и рамы ходили ходуном. Вбежал Ларсен, и мы спустились в укрытие.

Когда все стихло, вернулись в комнату. Вошел норвежец в кожаной куртке и охотничьих сапогах, придвинул стул к кровати, вытащил карту и заговорил, ведя по ней пальцем.

— Наци артиллерии тут, — показал он. — Рюссер артиллерии тут. Наци пуф-пуф! — говорил он, показывая, что немецкая артиллерия стреляла по Сванвику. — Рюссер артиллерии пуф-пуф! — Норвежец показал, что русская артиллерия стреляла по немецкой батарее.

Долго я не мог сомкнуть глаз, прислушиваясь к каждому шороху. Незаметно навалился тяжелый сон. Пробудился я от глухого топота по лестнице.

— Где он? — спросил кто-то по-русски.

Дверь открылась, вошли красноармейцы, Сигвард Ларсен, Харальд Кнудтсен, Бьерне Беддари и норвежец, не расстававшийся с картой.

— Командир разведроты, старший лейтенант Черепанов! — представился офицер с загорелым, монгольского типа лицом.

С обмундирования воинов текло: они только что форсировали озеро Сальми-Ярви. Норвежец, объяснявший действия артиллерии, ухитрился перейти линию фронта, указал им брод и провел по берегу, в обход минного поля.

Два дня спустя я прибыл на аэродром. Товарищи тискали меня в объятиях. В честь моего возвращения дали залп из пистолетов.

А трубка, подаренная мне на прощание норвежцами, и поныне хранится, как экспонат, в Мурманском краеведческом музее.

Нуры

БАЙРАМОВ

ИЗ КНИГИ СТИХОВ
«ПЕСНИ ТЮЛЬПАНОВ»

Тюйдук

— Тюйдук,
мой друг из камыша,
О чем поет твоя душа?
— О всех узорах на песке,
О первом утреннем цветке.

— О чем поешь, Тюйдук, о чем!
— О ветре, спящем за холмом,
О том, как головы дрожат
Новорожденных верблюжат.

— О чем поешь, мой друг, Тюйдук,
Когда роса еще вокруг!
— О том, что путь в жару далек,
Что зори — время для дорог!

Нет, Каракумы без тебя
Замрут, в молчании скорбя.
Живой водою льется звук.
Играй, играй,
Мой друг,
Тюйдук!

Каракумы

Кара — черный,
Кум — пески.
Кто им дал такое имя!
Не от черной ли тоски
Не назвали золотыми!

И обидели.
Они
Так на золото похожи.
А степных цветов огни
Почернели разве тоже!!

Может, нефть глубин темна,
Древней бронзой золотится!!
Раскалены докрасна
У людей пустыни лица.

Сколько света с вышины,
Синевы над краем горным!
Каракумы — не черны.
Не бывает солнце черным!

Вопрос лету

— Знойное лето, скажи нам,
Сделало что ты
с весной!
— Зелень весны по долинам
Зреет в полуденный зной.

— Знойное лето, куда ты
Дело прохлады и дождь!
— Все на бахчах полосатых
В спелых арбузах найдешь!

— Знойное лето,
ты славно
В дальнем зимуешь краю!
— Я улетаю,
когда вам
Всю теплоту отдаю.

Ураган

В Каракумах гудит ураган,
И сдвигает песчаные горы,
И, дрожа, убегает джайран,
И живое все прячется в норы.

В Каракумах гудит ураган,
Саранчею песчинки взлетают.
Ветки выставив, словно рога,
Злую тучу деревья встречают.

В Каракумах гудит ураган,
Так что солнце пробиться не может,
И машин грузовых караван,
Как коней, он песками треножит.

В Каракумах гудит ураган! —
День и ночь он смешал воедино.
Но стоит, не сгибаясь, чабан,
И сазак¹ не сбегает в долины!

Перевел с туркменского
Лев СОРОКИН.

¹) Сазак — самая твердая растительность
в пустыне.

РОДИНОЙ С КАМЫ

Из альбома художника

Не однажды проплывая по Каме мимо Елабуги, я каждый раз с жадностью всматривался в эти места. Город, словно прищиленный высокой колокольной собора, таял в утренней дымке. Пароход ненадолго причаливал в полутора-двух километрах от манившей меня елабужской старины. Я с завистью провожал пассажиров, уезжающих с пристани в Елабугу, и она снова оставалась за кормой. Долго потом смотрел я на город, пока белые колокольни, как прощальные взмахи рук, не скрывались из виду.

Старинный город Елабуга — родина художника Шишкина, и, конечно, мало смотреть на нее только издали. Я мечтал побывать в Елабуге, и вот оказался рядом — в Набережных Челнах. Если посмотреть с высокого челнинского берега за Каму, то где-то за сосновыми борами угадывалась Елабуга.

...Небольшой желтый автобус бойко бежал по мягкой песчаной дороге. Справа и слева разлетался зелеными космами бор. Наконец, с отлогого взгорка открылась Елабуга, и, уже по накатанному шоссе, автобус быстро скатился в город. Сразу бросилось в глаза, что церкви, так впечатляющие с парохода, почти не имеют вида — с реки все выглядит по-другому. Зеркальная гладь воды, прозрачный воздух, голубая дымка — все это облагораживает пейзаж. К тому же вблизи стало заметно, что здания старинной архитектуры безнадежно запущены.

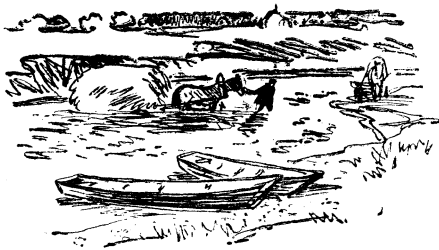
По дороге в музей Шишкина я свернул на луга, к речке Тойме. Слово в шишкинские времена, тут звенели косы, мелькали грабли. Через Тойму вброд везли сено на лошадях. Но в отличие от прошлого века, возили и на грузовиках. А девушки, как и прежде, возвращались домой с букетами полевых цветов.

Шишкин любил Елабугу. Вспомнилось письмо, которое он писал родителям в годы учебы в Московском училище живописи:

«Любезные родители, тятинька и маминька!

...пользуясь свободным временем, начал писать вид Елабуги... Писавши Елабугу, я мысленно переносился туда: сколь-

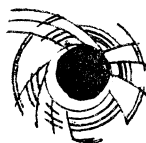
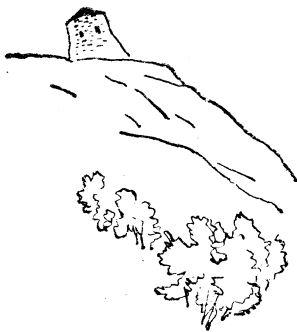
ко впечатлений всяких и воспоминаний! А все-таки очень приятно было писать и в особенности дом и сад наш. Это мне рисовалось ясно и отчетливо, так вот и кажется, что у окна большой спальни сидит маминька, тогда, как бывало, идешь вечерком понизу из гор; за ней видишь кого-то, это, верно, Катинька, или кто-нибудь из сестриц. Да, что говорить: много-много воспоминаний сладких. Потом окна залы напоминают, как бывало, мы с Вами, тятинька, рассуждали о башне Чертово городище... Одним словом, вся Елабуга и обитатели ее у меня перед глазами».

Луговой поймой и огородами я пробрался к заветному дому. Может быть, тут некогда хаживал Иван Иванович.

С волнением вхожу в дом, в котором давно мечтал побывать. В окна, как и прежде, видится Кама, ее широченная пойма. В лугах поблескивает, петляя, речка Тойма, растут ивы, надломленные ветром и временем. А напротив дома Шишкиных, где ивы сбежались в кружок, — озерко. Теперь оно заброшено, заросло. Справа из окон видно крутое взгорье — берег, где пристают пароходы. На самом гребне — башня «Чертово городище». О которой, быть может, именно в этом зале, где я стою, и рассуждали отец с сыном.

Отец художника, Иван Васильевич, слыл культурным человеком, занимался историей Елабуги, реставрировал башню городища. Об этом вспоминал профессор Московского университета К. И. Невоструев: «В конце 1855 года, из любви к отечественной археологии, особенно же к знаменитым памятникам своей родины, от коей и дым, по стиху поэта, нам сладок и приятен, вступили мы в сношения с почтеннейшим соотчичем, купцом Иваном Васильевичем Шишкиным, человеком весьма лобознательным, начитанным и много лет занимавшимся Елабужскими древностями...»

Прощаясь с музеем, я вышел на маленький ветхий балкончик, с которого еще раз полюбовался видом на пойменные луга, речку Тойму, на Каму. По Каме шли великолепные трехпалубные теплоходы, бежал — стремительнее водомерки — «Метеор», шли самоходки, караваны барж, и все это скрадывалось в ослепительных блесках летнего солнышка.

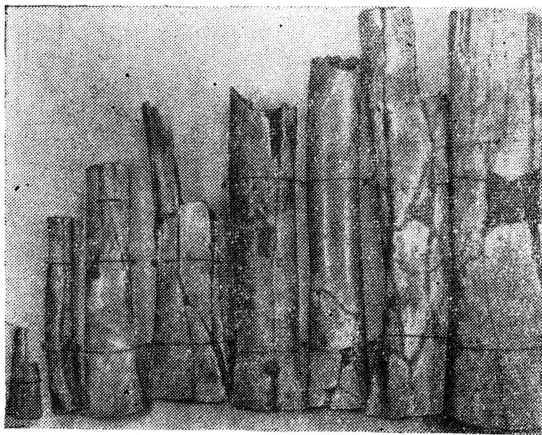

А. ТУМБАСОВ

ФЛЕЙТА ПАНА

ВИСЯТ эти семь костяных трубочек, одна короче другой, в витрине Саратовского краеведческого музея. Экспонат уникальный: древняя флейта! Археологи добыли ее летом 1953 года.

Около небольшого села Скатовки, что раскинулось на берегу Волги, производились раскопки курганов. В одном из них была открыта большая могила. В ней стояли глиняные сосуды с жертвенной пищей, лежал костяк погребенного, густо посыпанный красной краской, считавшейся тогда священной. Около умершего медный нож и кусок кремня с острым режущим краем. Но особенно заинтересовали археологов семь небольших трубочек из птичьих костей. Они оказались древним музыкальным инструментом.

Многие читатели, наверное, знают картину Врубеля «Пан». С лицом старика, добрыми глазами и флейтой в руке Пан изображен на фоне русской северной природы. По верованиям древних греков, Пан — бог, покровитель природы, пастух и хранитель стад. Его изображали человеком с козлиными ногами, рогами и бородой.

Легенда рассказывает, что Пан бродил, сопровождаемый нимфами, по горам и лесам, собирал игрой на свирели и песнями стада животных. Однажды встретил он в лесу прекрасную и гордую нимфу Сирингу. Полюбил ее козлобородый бог, хотел подойти к красавице. Испугалась Пана Сиринга, бросилась бежать. Но не так-то легко спастись от быстрого Пана, а впереди — река. Взмолилась тогда Сиринга, стала просить бога реки спасти ее от страшного преследователя.

Догнал Пан нимфу, протянул к ней руки, хотел обнять. Но обнял... шелестящий тростник. Срезал тогда Пан несколько тростинок, сделал из них сладкозвучную флейту.

Долгое время считалось, что многоствольная флейта появилась в Древней Греции, откуда попала в другие страны. Однако в Древней Руси тоже хорошо знали этот инструмент, который называли кугиклу. Ее делали из камыша, бузины и других растений. Игрой на кугикле сопровождалась девичьи хоры, народные танцы.

Ну, а саратовская флейта? Может быть, она тоже пришла из Греции? Нет, родина ее Поволжье. И не раз в те далекие времена звучал ее сладостный голос.

ДЕВУШКА ИЗ БЕРЕЖНОВКИ

ВЫ С НЕЙ не знакомы? Напрасно. Она много может рассказать интересного.

Давно-давно, три-четыре тысячи лет тому назад, в бескрайних степях юго-востока жили народы, которых археологи условно называют «племена катакомбной культуры». Это название дано по обычаю хоронить умерших в катакомбах. Занимались племена скотоводством. Со стадами животных переходили с одного пастбища на другое. Были знакомы с металлом, из которого изготовляли различные предметы.

И вот у села Бережновка на берегу Волгоградского моря, где некогда обитали эти племена, было вскрыто захоронение девушки. Нам неизвестно ее имя, но мы знаем, что, когда она была маленькой, ей туго перевязали голову, и череп вырос несколько вытянутым кверху — деформировался. Зачем? Вероятно, тогда это считалось красивым.

Череп передали М. М. Герасимову, скульптору-антропологу. Он прислал письмо, в котором спрашивал, какая прическа могла быть у девушки, во что она была одета?

Вопросы сложные. Ведь в таких древних захоронениях ни волосы, ни одежда не сохраняются. Посоветовавшись, решили собрать в пучок на затылке, чтобы лучше была видна деформация черепа.

Ученого интересовали и украшения, которые могла носить девушка. Это нам было известно по раскопкам других

погребений. Поэтому на шею ей надели ожерелье из бронзовых бус-пронизок и костяных подвесок. А ремешок, что стягивает волосы, украсили спиралевидными височными подвесками, сделанными из тонкой бронзовой проволоки.

„БРОНИ ДОЩАТЫЕ“

ЕСТЬ такое село в Западном Казахстане — Джангала. Называют его еще Новой Казанкой, хотя Джангала в переводе с казахского означает «хороший город». В нескольких километрах от села по берегам речки Малый Узень простираются большие передвигающиеся под ветрами барханы. День и ночь шелестит песок, засыпая одно место, освобождая другое. На свободных площадках можно найти черепки древней посуды, орудия труда, а если повезет, то и целое погребение.

В 1948 году побывали здесь саратовские археологи. Они хотели узнать: кто и когда в древности жил на казахской земле. Много интересного нашли исследователи, но самым любопытным было погребение кочевника-воина. Много веков назад погиб он в бою. Недале-

ко от реки, на возвышенном месте вырыли ему товарищи могилу. Постелили на дно ямы кошму и опустили на нее воина, одетого в железный безрукавный панцирь. Слева положили массивный меч, лук со стрелой, а справа — часть коня: голову и ноги, и два железных стремена.

И вот это погребение в дюнах, среди сыпучих бугристых песков, что тянутся вдоль озера Сары-Айдин, обнаружили археологи. Никаких признаков ни курганной насыпи, ни очертаний могилы не сохранилось.

Особое внимание археологи обратили на панцирь. Сделан он из продолговатых железных пластин с выпуклыми полусферами в середине. Пластинки между собой были скреплены тесьмой и ремешками так, что заходили одна на другую и хорошо отражали или смягчали удар меча или стрелы. Редко становятся добычей археологов такие доспехи, потому что не каждый воин мог иметь их. Стоили они дорого, были обычно собственностью состоятельных людей и передавались по наследству. Только необычный случай заставлял класть доспехи в могилу.

Такие пластинчатые доспехи,

состоявшие как бы из маленьких «дощечек», представляли хорошую броню. Поэтому их и называли «брони дощатые», в отличие от простой брони — кольчуги. Изготавливали

их во многих городах Древней Руси. На миниатюрах летописей и житий, на иконах древнерусские живописцы рисовали конных воинов, одетых в «брони дощатые». О таких войнах говорил летописец: «вси в брони, яко в леду».

Пластинчатый доспех занимает почетное место в Саратовском музее.

Но только ли «брони дощатые» попадали к кочевникам-воинам? В Энгельском музее выставлен шлем из железа, обтянутый сверху бронзовым листом, а внутри подбитый подкладкой из грубой ткани и тонкой кожи. Его нашли в случайно разрушенном погребении конного воина-кочевника X—XI веков. К шлему прикреплены две фигурные пластинки

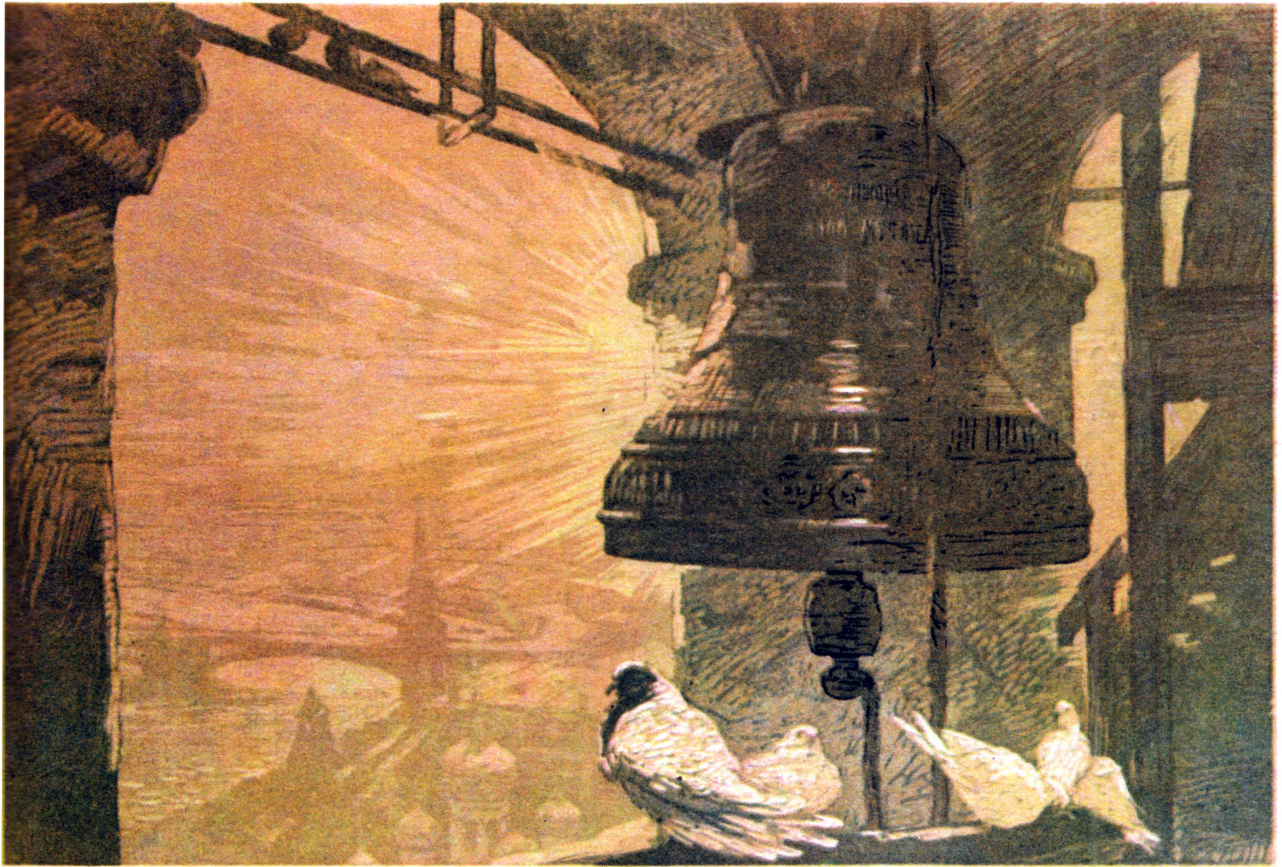

тинки в виде розетки, края которой украшены линиями и выпуклыми точками. Сами пластинки бронзовые, сверху позолоченные. В центре на каждом лепестке розетки отчеканено изображение птицы.

На шлемах древних славян нет изображения птиц. Наверное, мастер сделал шлем по заказу кочевника-половца. Ведь птицы на Востоке — символ счастья.

Трудно сказать, попали ли эти предметы вооружения — и шлем, и пластинчатый панцирь — к кочевникам в результате торговли с Древней Русью или военных столкновений с ней, но они рассказывают о влиянии древнерусских ремесел на своих восточных соседей.

Е. МАКСИМОВ,
старший научный сотрудник

МОСКВА

В. СТАРОВ.

Из серии „1941—1945“

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

КАПИТУЛЯЦИЯ

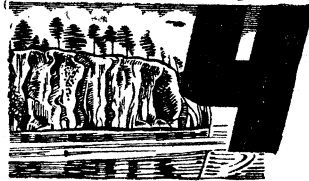

А. ПАНТЕЛЕЕВ

МАРТ.

О «ПЛАВУЧЕМ ДВОРНИКЕ» И ЕГО КЛИЕНТАХ— РАДИВЫХ И НЕРАДИВЫХ

ОПЕРАЦИЯ

В нескольких километрах от Перми, там, где Чусовая сливается с Камой, находится речной порт Левшино. Зона подпора Камской ГЭС образует здесь залив Камского водохранилища.

Широк и безбрежен водный простор Чусовой. В синеватой дымке едва виден противоположный берег, крутые волны упруго бьют в стенки причалов. И чайки, верные спутники моря, кружат над высокими мачтами портовых кранов и многочисленных судов, что приходят сюда с нижней Камы, Волги и Дона. Мощные буксиры-толкачи, огромные самоходные баржи, маленькие юркие катера, стремительные «Ракеты» и «Метеоры» на подводных крыльях. Каких только типов судов не встретишь здесь!

Несколько сотен судов швартуются у причалов порта за навигацию. И почти каждое из них успевает обслужить «плавучий дворник». Так речники называют специальный теплоход — очистное судно (ОС-3) Камского речного пароходства.

Внешний вид этого теплохода необычен: на палубе его установлены какие-то баки, краны, лебедки, в большие бухты уложены длинные резиновые шланги. Все это служит для того, чтобы «плавучий дворник» мог быстро подойти к встречному судну и на ходу принять от него в свои баки отработанные смазочные материалы, выкачать подсканевые воды (так называются загрязненные воды, которые скапливаются в корпусе судна), погрузить на свою палубу металлические ящики с сухим мусором. Задача ОС-3 — этого судна-санитара — уберечь от загрязнений Каму в районе порта Левшино, а также нижнее течение Чусовой и Сылвы.

Еще в 1965 году на Каме появилось первое очистное судно. А сейчас их пять. За навигацию они собирают семь тысяч тонн подсканевых вод и отработанного масла, несколько тысяч тонн мусора. Речники стараются, чтобы ни с одного судна не сыпался за борт мусор, не выливались жидкости и масла.

Казалось, угроза загрязнения Чусовой с речных судов миновала. Но, увы, это не так. Дело в том, что услугами «плавучего дворника» пользуются только суда Камского и других речных пароходств, а многочисленные катера лесосплавных организаций обходят ОС-3 стороной.

Капитан-механик теплохода Виктор Васильевич Симонов с горечью рассказывает о том, что за три года работы не было случая, когда хотя бы одно судно флота сплавщиков воспользовалось их услугами. А ведь только на Чусовой плавает более сотни катеров треста «Камлесосплав» и комбината «Чусовлес», имеется до десятка плавучих кранов. «Вот и получается,— добавляет Виктор Васильевич,— что мы, речники пароходства, стараемся защитить Чусовую, а лесосплавщики пренебрежительно относятся к знаменитой уральской реке, загрязняют и засоряют ее».

И, действительно, только на участке от города Чусового до порта Левшино и в нижнем течении Сылвы от лесосплавных буксирных катеров и плавучих кранов за сутки Чусовая и Сылва принимают не менее 15—20 тонн грязных подсканевых вод. Умножьте это на 150—180 дней, то есть на время работы флота сплавных организаций, и вы получите огромную цифру. К этому нужно добавить еще не один десяток тонн мусора (ветоши, отбросов и т. п.), которые принимает Чусовая в «подарок» от флота сплавщиков.

Мне часто приходится бывать в порту Левшино. Различные суда швартуются у причалов порта, но очень редко здесь можно увидеть теплоход ОС-3 — команда судна-санитара день и ночь несет нелегкую, но почетную и напряженную вахту. На десятки километров протянулись владения ОС-3. Большой двор у «плавучего дворника», но жаль, что не все пользуются его услугами, еще не все стремятся уберечь уральскую реку от загрязнения.

В. ГОЛОВКО

СНЕЖНЫЕ ПРИЗРАКИ

Б. РОЖНЕВ

Рисунки Н. Мооса

I

Сержант Гапонин, цепляясь за стену, поднялся, сполз с кровати, с трудом выпрямился и застегнул ворот гимнастерки. Третий день он чувствовал себя отвратительно: то ему было жарко, и тогда он метался без памяти на кровати, то его знобило, и он никак не мог согреться, хотя солдаты укрывали его своими полушубками. И все же к моменту, когда нужно было отдавать приказ выходящему на границу наряду, он собирал все силы и поднимался с кровати.

— Приказываю...— прохрипел Гапонин,— выступить на охрану государственной границы... Выслушав сержанта, Росляков бодро ответил:

— Вопросов нет. Приказ ясен.

— Выполняйте.

Солдаты четко повернулись и вышли из помещения.

Проводив наряд глазами, Гапонин оглянулся на спящего Гафурова. Сержант решил пока его не будить. Тому предстояло дежурить всю ночь и за часового, и за дневального. На себя сержант уже не надеялся.

Гапонин, опираясь то о стол, то о стенку, подошел к аптечке, висящей на стене, достал таблетку аспирина. Проглотил и поморщился. От кислоты его зазнобило. Нагнувшись к печке, Гапонин открыл дверцу и подбросил полено. Полено сразу вспыхнуло, и он захлопнул дверцу. От ее стука проснулся Гафуров. Потянулся в постели и весело сказал:

— Такой сон видел, товарищ сержант, вах-вах-вах! Иду по своему городу, а на каждом перекрестке шашлычная. Стоит шашлычник и зовывает к себе покупателей: «Ай, свежий шашлык! Ай, румяный шашлык! Подходи, пожалуйста!» У меня, конечно, аппетит, как у волка. Но, понимаешь, чувствую, в кармане маловато денег. Заходить в шашлычную или не надо? Ай-яй-яй... Все-таки решился. Подхожу, и вдруг — бац! Открываю глаза, а я здесь.

Прищелкивая языком, Гафуров поднялся с койки, налил в кружку чая. Попил, оделся и, взяв автомат, доложил:

— Рядовой Гафуров к службе готов!

— Добро, Чары! Поглядывай на двор. Вернутся Росляков и Паландин — разбуди.

— Хорошо, сержант, хорошо. Не беспокойся. Все будет сделано очень хорошо. Ай-яй, почему, дурак, не зашел сразу в шашлычную?

— Да, можешь взять себе еще один кусочек сахара,— сказал сержант, укладываясь на кровать.— Следи за телефоном.

О телефоне Гафурову он сказал на всякий случай. Но он был уверен, что на заставе сейчас предпринимают все возможное, чтобы восстановить связь с постом и сменить их.

Начальник заставы, словно чувствовал, что они попадут в мышеловку. Перед тем, как отправить их, долго инструктировал сержанта: как дви-

гаться к посту, в каких местах можно ожидать обвалов, лавин. Они прошли нормально, а ночью поднялась метель. Связь с заставой прервалась. Занесло все тропы и ущелья. В горах начались обвалы. О смене нечего было и думать. Вот тогда-то Гапонин и приказал Гафурову, исполнявшему роль повара, строго учесть все продукты. Сержант понимал: метель может продлиться неделю и даже больше. И все это время им, четверем пограничникам, придется довольствоваться тем, что они принесли с собой с заставы.

Из продуктов у них оставалась буханка хлеба, пшенная крупа, которую обычно недолюбливали солдаты, три банки рыбных консервов, пачка сахара и чай.

— Да, не густо, — помрачнел сержант, глядя на продукты. — С этого дня есть будем только один раз в сутки: суп пшенный. Чай — неограниченно. Ясно?

Все молчали.

— Ясно? — переспросил сержант.

— Ясней ясного, — угрюмо ответил за всех Росляков.

На четвертый день Гапонин заболел. Вначале он старался скрыть это от своих подчиненных, но вездесущий Гафуров, проснувшись однажды, услышал, что сержант с кем-то разговаривает. Гафуров приподнялся на локте и удивился: «С кем это сержант беседует?» И тут Чары понял, что командир бредит.

Утром Гафуров настоял, чтобы сержант принял несколько таблеток. Но они не помогли. Температура не спадала. Гапонин метался на койке в бреду, а приходя в себя, неизменно спрашивал:

— Связь есть?

И слышал одно и то же:

— Никак нет, товарищ сержант.

— А где остальные?

— На границе, — с удивлением отвечал очередной дневальный: «Неужели забыл? Сам отдавал приказ...»

— Вернуться — разбудить.

— Хорошо. Все будет сделано.

Отдав приказание, сержант опять проваливался в пустоту и начинал бредить: «Товарищ капитан... товарищ капитан... нарушения на границе... Не хочу!.. Не хочу!.. Приказываю выступить...»

II

Ночь. Росляков шел впереди, прокладывая тропу в глубоком снегу. До поворота, куда обычно наряды доходили за двадцать минут, они потратили тридцать пять. Под козырьком скалы присели отдохнуть.

— Да, погодка, хуже не придумаешь, — заговорил Паландин. Он дышал тяжело, а ведь шел сзади. — Интересно, сколько еще дней продлится метель?

— Неделью, как минимум, — отозвался Росляков. Он знал это по прошлым зимам, когда метель длилась неделями, а то и больше. Метели вызывали снежные обвалы, которые засыпали дороги и тропы. В ущелья посылали большие группы людей с бульдозерами и тракторами. Но когда пробьются к ним?

— Пробьются, — отгоняя невеселые мысли, сказал Росляков.

— Интересно, как там наши на заставе, —

протянул Паландин. — Коржик, наверное, байками веселит...

— Да, Иван — веселый парень, — неохотно откликнулся Росляков, размышляя о том, пускать ли Паландина вперед или опять самому торить тропу.

Иван Коржик был любимцем заставы.

Не обошел Коржик вниманием и Паландина. Все знали, что Паландин ведет дневник и сочиняет стихи, и Иван одну из своих баек сочинил о мечтателе-поэте, дерзнувшем написать стихи девушке, которую он увидел на плакате о правилах уличного движения. «И вот однажды шел поэт по улице и вдруг видит — девушка! Она! В милицейском мундире! С жезлом! Обомлел поэт. «Вы, — говорит, — разрешите прочесть вам стихи...»

«Гражданин, — отвечает девушка, — заплатите штраф в размере полтинника за неправильный переход улицы!»

Смеялись долго и от души.

На Коржика нельзя было обижаться. Вместе со всеми смеялся тогда и Паландин, хотя страшно не любил, когда к нему «лезли в душу».

Ему, горожанину, впервые попавшему в горы, жизнь на заставе показалась странной. Он даже не представлял себе, что могут быть такие безлюдные и глухие места. Не представлял он себе и другого: как можно прожить здесь безвылазно несколько лет?

Девушке он писал: «Поверь, Наташа, я никогда не думал, что заставка может быть в таком диком месте. Тут можно скорее встретиться с тигром, чем с человеком. Теперь наш проспект мне кажется просто фантастикой...»

Проспектом они называли центральную улицу своего городка, всегда многолюдную и шумную.

Наташка, наверное, сейчас возвращается домой. Интересно, провожает ее кто-нибудь? Событию, серьезного между ними ничего не было: встречались, ходили в кино, на танцы. В десятом классе Наташка уже носила модные прически, красила губы, ресницы и любила, как она выражалась, «прошвырнуться на публику». Родителей она называла предками, а людей, которые много работали, — папами Карлами. Его, Паландина, она называла стариком. И обожала говорить «ва». Это словечко у нее выражало восторг и вопрос, и презрение. «Ва, глупыш, ты у мамы отпросился?..»

Наташа была первой девчонкой, которую он поцеловал. Проводив ее, он долго ходил по безлюдным улицам, а вернувшись домой, написал стихотворение...

— Ну, идем, — услышал он голос Рослякова, решившего, наконец, вопрос о том, кому торить тропу. — Ты пойдешь вторым. Дистанция — два шага! Ясно?

— Ясно, — пробормотал Паландин, выбираясь из-под скалы за Росляковым.

Потом они еще отдыхали дважды. Сидели молча. Паландин не решился заговорить первым, а Росляков был вообще немногословным. Недавно Коржик назвал его молчуном.

Паландину иногда казалось, что Росляков давно заблудился, и они уже перешли границу и идут по чужой земле. Он несколько раз собирался сказать об этом Рослякову, а потом вдруг узнавал то выступ скалы, то какой-нибудь большой камень и успокаивался.

Паландина злила метель. Да и зачем идти в такую погоду в наряд? Какой дурак рискнет сейчас нарушить границу? А если даже рискнет,

то погибнет, не дойдя до нее. «А черт, — ругался он, оскальзываясь на скрытых под снегом валунах. — Понесло нас. Сержант в бреду и не то придукает. Только бы дотянуть до хорошей погоды. И зачем нужно идти именно к этому проклятому ущелью? И этот Росляков — тоже хорош. Мог бы наряд расположить и поближе».

Он вспомнил место, где отдыхали последний раз. Тихое, удобное укрытие — мечта, а не место. А проверять их все равно никто не будет: сержант болен, начальник заставы далеко.

При воспоминании о капитане Золотареве Паландин вздохнул и прибавил шагу.

Начальник заставы! Вот кто был его советью. Именно ему, капитану Золотареву, он впервые показал свои стихи. И уж никак он не ожидал, что начальник заставы, полистав тетрадь и выбрав стихотворение, преподнесет ему настоящий урок поэзии, разгромив стихотворение от первой до последней строчки.

— А вообще поэзия — дело хорошее. Нужно только знать теорию стихосложения, — с добродушной улыбкой сказал капитан ошеломленному Паландину, который вдруг начальника заставы увидел с новой стороны.

Урок по поэзии — да еще какой! — ему преподнес тот самый капитан Золотарев, который ежедневно напоминал солдатам: «Пограничник — это человек, лично отвечающий перед народом за надежную охрану границы».

III

Чары Гафуров посмотрел на сержанта, метавшегося в бреду, и прищелкнул языком.

— Плохо. Совсем плохо. Что делать? — спрашивал он и, покачав головой, сам же отвечал: — Принимать лекарства нужно. Лежать нужно. А сержант таблетки не берет, с постели встает. Ай-яй, Чары, ты опять дурак: пахнет шашлыком — иди в шашлычную, а не считай монеты в кармане.

Гафуров неторопливо подошел к телефону, снял трубку и покрутил ручку.

— Застава! Застава! — В мембране не было слышно ни гудков, ни пощелкиваний, но Чары вдруг заорал обрадованно: — Товарищ капитан, докладывает рядовой Гафуров! На посту все в порядке! Росляков и Паландин на границе! Я — дневальный. Дневальный, говорю, Гафуров. — И чуть потише: — Правда, немного приболел сержант, и совсем-совсем мало осталось пшенной крупы. А хлеба уже совсем нет. Пусть старшина подойдет сюда со сменой несколько буханок! — опять повысил голос Гафуров. — Все, товарищ капитан. — Чары положил осторожно трубку и оглянулся на сержанта. Тот лежал на кровати и неразборчиво бормотал. Гафуров вздохнул, потоптался еще немного у телефона и решил сделать обход поста.

На улице по-прежнему дул ветер и падал снег. Чары немного постоял под навесом и, когда глаза привыкли к темноте, пошел. Вскоре он в метели заметил небольшой сарайчик, где хранились уголь и дрова. И уголь и дрова были доставлены сюда вьюками еще летом, потому что зимой сюда с трудом пробивались только наряды.

Гафуров обошел вокруг сарайчика. Больше никаких построек не было, и он вернулся под навес.

Со всех сторон к посту подступали горы, вы-

сокие и неприступные, и поэтому сюда никогда не проникало солнце — даже в июле. Чтобы посмотреть на небо, нужно было так задирать голову, что сваливалась шапка. А сверху, со скал, пограничный домик казался игрушечным. Но забраться на скалы мог далеко не каждый.

Когда Чары впервые попал сюда, он сразу почувствовал, как дышать было трудно. Перед глазами плясали красные точки. Ему посоветовали не делать резких движений и не бегать. «Хорошо, — согласился Чары, — не буду бегать. А ходить можно?»

Обойдя пост, Чары зашел с подветренной стороны, прислонился к стене, осмотрелся. Снег, снег. Мутная белая пелена окружала Гафурова со всех сторон. Чары подумал о Рослякове и Паландине. Он представил их лежащими в снегу. «Да, ребятам шашлык сейчас не помешал бы. Ай-яй, горячий, жирный...» — сокрушенно поцокал языком Чары, отрываясь от стены. Кружилась голова. Перед глазами порой вспыхивали огромные огненные шары. Но Гафуров научился от них отделяться. Он начинал часто-часто моргать глазами, и шары пропадали. Но вдруг вместо шаров перед глазами замелькали румяные чуреки. Свежие, горячие, пахнущие дымком... Хватай, Чары, чего медлишь? Хватай, лови, пока не улетел последний чурек!

Опять заморгал глазами Чары, отгоняя навязчивое. Но чуреки не пропадали. «Ай-яй, Чары! — рассердился Гафуров. — То шашлык, то чуреки. Ишак ты, Чары, старый, облезлый ишак. Иди в дом, там тебя ждет больной сержант. Ну! Раз, два...»

Чары добрался до домишка. Стряхнул снег с полушубка и, не ставя автомат в пирамиду, прошел к шкафу, где обычно лежали продукты. Выдвинул ящик. Там была только смятая бумага. Он вытащил ее, и вдруг на пол упал кусок черствого хлеба. Хлеб! Наверное, его забыл кто-то из прошлого наряда. Наверное, он лежал здесь с осени. Гафуров поднес сухарь к лицу и явственно ощутил почти забытый и в то же время такой знакомый запах. Хлеб! Его надо размочить в кипятке, тогда он станет мягкий, душистый. Гафуров бросился к печке, схватил чайник, налил в кружку кипятку. И вдруг вспомнил про больного сержанта. Кулак разжался, и сухарь с глухим стуком упал на пол.

— Голодный, паршивый ишак! Грязная свинья! Пусть умрет твой отец и мать, если еще раз ты захочешь съесть этот сухарь! — бил себя кулаком по голове Чары, словно слепой, натываясь на стол, пирамиду, табуретки, пока, наконец, не оказался на улице. В лицо ему ударил холодный колючий ветер, и Чары пришел в себя. Постоял, поморгал глазами, отгоняя огненные шары. «Ай-яй, Чары, — вздохнул он. — Знала бы твоя мать, какой подлец у нее сын, чурек застрял бы у нее в горле...» Потом Чары вспомнил, что к приходу ребят нужно заварить чай, и открыл дверь в домик.

Около чайника его и застали вернувшиеся с границы Росляков и Паландин.

— Здорово, Чарышка! — поздоровался Росляков.

— Салам, салам, — отозвался Гафуров. — Раздавайтесь, сейчас пир устроим. Отгадайте, чем я вас буду угощать?

— Гуляшом?

— Нет!

— Пельменями?

— Нет! — Чары повернулся к шкафу. — Закрыйте глаза. Теперь откройте!

Росляков и Паландин уставились на руки Гафурова.

— Что это?

— Хлеб! Настоящий хлеб. Ясно?

— Не совсем. Где ты его взял? — спросил Паландин.

— Знаешь, когда я был мал-мала, отец приносил подарки. Даст подарок и говорит: «Это прислал зайчик». А я верил, понимаешь? Этот хлеб тоже прислал зайц.

Они расселись за столом и аккуратно разделили сухарь на четыре равные дольки.

IV

Солдаты вышли из теплого помещения поста, остановились на минуту, чтобы зарядить автоматы, и ночь поглотила их. На границу шли Росляков и Гафуров. Шли с трудом, останавливаясь через каждые пять-шесть минут. От голода мутило, ослабли до того, что автоматы казались пудовыми гирями. А Гапонин с кровати уже не поднимался.

Все так же густо, заглушая все звуки, валил тяжелый снег. Время от времени налетал сильный жгучий ветер, и тогда эта тяжелая белая

завеса приходила в движение, начинала кружиться, залепляя лицо, одежду и оружие.

Остановившись во время одного из таких налетов метели, Росляков зло сказал:

— Вот прорва!

Гафуров понял, что Росляков говорит о метели, и поэтому ничего не ответил, а только вздохнул. Постояв, они пошли дальше.

Им предстояло пройти наиболее опасный участок. Там над тропой круто нависла скала и с этой скалы после сильных снегопадов нередко обрушивались лавины.

Для безопасности здесь переходили по одному. Гафуров остановился, дожидаясь, пока Росляков не мигнет ему фонарем. И тут у него опять перед глазами поплыли огромные красные шары. А когда Чары отогнал их, то услышал глухой шум, словно из огромного мешка сыпалось зерно. Лавина! Что есть силы Гафуров закричал:

— Обвал! Спасайся! — И тут же почувствовал, что лавина сбила его с ног и потащила за собой.

Росляков в это время был как раз под скалой. Он услышал крик Гафурова, но в ту же секунду перед ним стеной опустилась лавина снега. А через мгновение Росляков понял, что выход из-под скалы ему закрыт. Он метнулся в одну сторону, но больно ударился головой о каменный выступ, в другую — натолкнулся на снег.

54 Попробовал рыть снег прикладом автомата, быстро выдохся и бессильно опустился на камень. В голове шумело, и он никак не мог понять, прошла лавина или нет. «А, черт», — заскрипел он зубами.

И вдруг откуда-то справа Росляков почувст-

вовал легкое дуновение ветра. Он кинулся туда и сразу же нашел небольшую щель между козырьком скалы и снегом. Отложив автомат, Росляков стал расширять щель руками. Он греб снег под себя, не слыша и не чувствуя, что лавина еще идет, сводя его труды на нет. Остановился, когда стал задыхаться: щель завалило, и вертерка больше не было.

Окончательно обессиленный, Росляков уже не ощущал прикосновения снега к лицу. Наоборот, ему было нестерпимо жарко. Он расстегнул полушубок — стало легче. Боль в висках стихла. Но все равно хотелось лечь и не двигаться. «Так, спокойно, — уговаривал себя Росляков. — Лавина прошла. Теперь можно начать». И он опять принялся копать руками.

С огромным трудом ему удалось проделать небольшое отверстие. Извиваясь, словно уж, Росляков выбрался из ловушки. Встал, шатаясь, на ноги, очистил лицо от снега, набрал полные легкие свежего морозного воздуха.

— Гафу-у-у-ров! Чары-ы-ы!

— Я-я-а-а, — долетел откуда-то снизу голос Гафурова.

— Ты где?

— Здесь, внизу-у...

Осторожно ощупывая почти каждый камень, каждую точку опоры, Росляков спустился на дно ущелья.

— Чары-ы!

— Я здесь, здесь, — отозвался Чары.

Гафуров оказался почти рядом. В белесой мгле Росляков разглядел темное неясное пятно. Сделал шаг, другой и понял, что это Гафуров.

— Что, Чарышка? — спросил Росляков, видя, как Гафуров пытается встать на ноги.

— Я сейчас, Леня... Сейчас... Помоги мне немного... Ногу больно...

— Которая? Эта?

Росляков нагнулся и стал ощупывать ногу. Гафуров вскрикнул.

— Больно? Потерпи, потерпи, Чарышка... Я тебя в один момент доставлю на пост.

Он с трудом взвалил Гафурова на спину, взял в руки автомат и осторожно стал подниматься вверх, к тропе, прикидывая, что до поста от этого места километра полтора.

Чары досадовал:

— Ай, как глупо получилось! Совсем нехорошо получилось.

А Росляков думал о другом. Просто чудо, что они оба остались живы. Правда, Гафуров пострадал и неизвестно, что у него с ногой. Но даже если перелом, все равно жив. Жив, черт возьми, жив!

V

К границе Росляков ушел с Паландиным. Когда он с Гафуровым на спине, измученный и взмокший, ввалился в домик, им владело только одно желание: лечь, где придется. От нечеловеческого напряжения, от безмерной усталости и голода у него перед глазами поплыл туман. Он ничего не видел, и в голове его несмолкаемым набатом гудела кровь. Росляков, освободившись от Гафурова и автоматов, рухнул тут же, у порога.

Но уснуть он не успел. Его привел в себя голос сержанта.

— Приказываю!.. Приказываю... выступить. Узкое ущелье... Узкое... Ясно? Повторить...

Росляков сел, потряс головой, пошарил на полу, нашел автомат, поднялся.

— Ясно, товарищ сержант. Приказано выступить на охрану государственной границы в районе Узкого ущелья,— хриплым голосом повторил приказ Росляков.— Паландин, за мной!

— Ты что? — вскрикнул Паландин.— Сержант бредит!

Но Росляков уже открыл дверь, и Паландину ничего не оставалось, как догонять его, натягивая на ходу полушубок.

...Росляков лежал впереди Паландина у самого выступа скалы. Облепленные снегом солдаты были похожи на снежные призраки. Рослякову не впервые коротать вот такие метельные ночи в наряде. Он служил на заставе третий год и поэтому привык все делать так, как ему приказывали. А приказ сержанта был четкий и ясный: выдвинуться к Узкому ущелью и перекрыть его.

Это было опасное направление. Щель началась где-то по ту сторону границы и тянулась далеко в наш тыл. Здесь скорее всего можно ожидать нарушителей границы, это понимал даже Паландин, всю дорогу пытавшийся убедить Рослякова, что приказ сержант отдал в беспамятстве.

— Ну и что? — не выдержал, наконец, Росляков.— На границе все равно должен быть наряд. Верно?

— Верно,— согласился Паландин, пожимая плечами: кто в такую метель будет нарушать границу? Но Паландин знал: спорить с Росляковым на эту тему бесполезно.

Росляков — сибиряк, охотник. Последнее обстоятельство наложило отпечаток и на его характер: он спокойный и уравновешенный, речь нетороплива и рассудительна. Росляков мог часами лежать в наряде не двигаясь. Росляков всегда просил на складе самый большой полушубок, и вместе с тем, несмотря на свой огромный рост и могучую силу, Росляков был самым безобидным человеком на заставе. Ваня Коржик часто и совершенно безнаказанно донимал его своими байками.

Росляков лежал в сугробе, по шапку засыпанный снегом, и вглядывался в темноту. Темнота была странной, белой. Непроглядная белая ночь.

Рослякову хотелось спать и есть. От назойливых воспоминаний о холодном мясе, о соленых огурцах и пельменях у него до зубной боли сводило скулы, и чтобы как-то успокоить взбунтовавшийся желудок, Росляков жевал снег.

А Паландин мерз. Ему казалось, что ветер пробирается под гимнастерку и холодит, прямо-таки леденит спину. В школьном учебнике Паландин читал, что одежда сама по себе не греет, она только сохраняет тепло. «Значит,— невесело думал Паландин,— во мне тепла почти нет. Хорошо бы сейчас очутиться у печи...»

— Леня! Леонид! — позвал он Рослякова.

— Что?

— Который час?

— Три.

Осталось пролежать еще час-другой, и когда рассветет, можно будет уходить из этого промозглого Узкого ущелья. Можно будет идти к посту, где их ожидает тепло и горячий чай. Уж что-что, а чай Гафуров приготовит, даже с большой ногой.

Чтобы отвлечься, Паландин стал думать, что,

наверное, настанет время, когда совсем не будет границ. Хорошее это будет время. Люди заживут в мире и дружбе. Будет одно государство, не будет ни войн, ни пограничных конфликтов, не будет ни людей секретов друг от друга, не будет ни шпионов, ни диверсантов. И не нужно будет тогда лежать в снегу и ждать, ждать: пройдет он этой ночью или следующей? Пройдет сейчас или часом позже, когда они уйдут отсюда?

В первые дни службы Паландин постоянно ожидал встречи с нарушителем. А идя по тропе в наряд, кусты и валуны часто принимал за притаившегося человека, и рука его невольно тянулась к затвору.

Как мучительно долго тянется время! Он снова хотел спросить у Рослякова, сколько осталось дежурить, как вдруг услышал щелчки прицельной планки. Раз, два, три. Это был условный сигнал. Померещилось? Паландин заморгал глазами, вглядываясь в темноту, и тотчас увидел перед собой какое-то бесформенное белое пятно. Он вскинул автомат.

— Стой, руки вверх! — Вместо грозного окрика у него вырвался хриплым шепот. И он повторил как можно громче: — Стой!

На удивление Паландина пятно качнулось и вскрикнуло. И только теперь Паландин понял, что перед ним был человек в меховой одежде, облепленный снегом, и что этот человек поднял руки. Неслышно появился Росляков и стал обыскивать пришельца. Нашупал и вытащил из кармана шубы пистолет, из другого — компас, снял с задержанного рюкзак, связал ему руки за спиной. И тут задержанный заговорил на незнакомом языке. Паландин прислушался.

— На английском, гад, трекает...

— Понимаешь? — спросил Росляков.

— Что-нибудь уловлю.

Из всего, что сказал задержанный, Паландин понял, что перед ними заблудившийся альпинист. Альпинист категорически требует, чтобы его немедленно отпустили и вернули все его вещи.

— Говорит, что альпинист. Требует отпустить,— перевел гневную речь иностранца Паландин.

— Хорошо, там разберем, что ты за альпинист с пистолетом,— проговорил Росляков и добавил: — Владик, ты пойдешь впереди, я за ним. Смотри,— предупредил он неизвестного,— вздумай бежать — буду стрелять.— И для убедительности потряс автоматом.

VI

К посту они подошли уже на рассвете. Шли медленно, нарушитель со связанными руками часто падал и его приходилось поднимать. Перед домиком их окликнул Гафуров. Он стоял, опираясь на автомат, как на палку. Узнав по голосу Рослякова, Чары сказал:

— Это хорошо, что вы пришли. А то сержант совсем плох. Как служба? — Он только сейчас заметил, что их трое.— А это кто?

— Нарушитель границы,— ответил Росляков.— Идем часа два, промерзли, как черти.

— Вах-вах-вах! Вот так дела! Нарушителя задержали, вах-вах! — Гафуров запрыгал на одной ноге к домику, юркнул внутрь и засуетился возле печурки, подкладывая в нее дрова.— Сейчас чай будет, одна секунда терпения. Вах-вах! Вот так дела...

Оглянулся на нарушителя, поцокал языком: — Ай молодцы! Ай пограничники! А я, понимаете, туда-сюда бегаю, смотрю за сержантом. Потом слышу: снег хрустит, вы идете. Но никогда не думал, что с нарушителем. Ай молодцы!

— Кончай хвалить нас, Чары. Давай лучше чайку, — сказал Росляков, стаскивая с себя задувевший от холода полушубок.

— А когда у Чарышки не было чая? Чай всегда готов. — Гафуров подал по кружке Рослякову и Паландину, спросил: — А ему давать или нет?

— Давай, черт с ним, пусть отогревается и запомнит на всю жизнь наше гостеприимство, — разрешил Росляков. Подошел к задержанному, развязал ему руки, помог снять меховой капюшон. Шубу незнакомец снял сам. Все трое с интересом рассматривали мужчину, стоявшего перед ними в теплом лыжном костюме и меховых сапогах.

Рядом с Росляковым задержанный казался низеньким и щупленьким. Но все равно Гафуров предусмотрительно держал автомат наготове. Нарушитель озирался по сторонам, пока Гафуров

не сунул ему в руки кружку с горячим чаем и не показал автоматом на табуретку:

— Садись и сиди тихо. Вот так, молодец!

Услышав разговор, с постели приподнялся Гапонин. Он обвел мутным взглядом комнату, проговорил:

— Вернулись? А это кто?

— Задержали...

На секунду взгляд сержанта прояснился, и Росляков попытался доложить по форме, но Гапонин перебил:

— Хорошо, обыщите задержанного. Привяжите к кровати и охраняйте. — И упал головой на подушку. — Приказываю... Приказываю...

— Жар. Опять жар, — сказал Чары. — Вот так всю ночь, ай-яй-яй... Лежит, бредит. Откроет глаза, спрашивает: «Вернулись Росляков и Паландин?» Нет, говорю, еще рано. «Вернутся — разбуди». И опять головой на подушку. А связи с заставой все нет. Ай, зачем я мешаю вам?

Росляков поднялся и, тяжело ступая, подошел к задержанному. — Давай-ка мы тебя немножко пощупаем. Так спокойнее будет.

Проводя руками по одежде, в воротнике нащупал что-то твердое и почувствовал, как нару-

шитель дернулся, мотнул головой, словно хотел укубить солдата, но получив в подбородок сильный удар, сразу скис. Взяв нож, Росляков отрезал кусок воротника и передал его Гафурову.

— А ну-ка, Чарышка, вспори остороженько.

В меховых сапогах Росляков обнаружил еще один пистолет. Маленький, как игрушечный.

— Что ты за птица? Альпинист, говоришь, а вооружен до зубов.

И тут задержанный опять заговорил. Паландин, внимательно прислушавшись, сказал:

— Опять завел старую песню. Отпустить требует.

— Ну, что там, Чары?

Чары осторожно распорол воротник и вытащил из него крохотный кусочек бумаги, мелко исписанный цифрами.

— Шифр,— догадался Паландин.

— Похоже,— отозвался Росляков.— Альпинист? Видели мы таких альпинистов. А ну, давай дwigай к кровати!

Они уложили нарушителя на кровать и, привязав его руки и ноги к спинкам, укрыли одеялом.

— Отдыхай, дядя,— с усмешкой сказал Росляков.

Рюкзак задержанного оказался не менее интересным: в нем были две плитки шоколада, фляга, полная какой-то жидкости, и карта.

Глядя на карту, Чары возмущился:

— Какой альпинист? Зачем альпинист? Шпион! Настоящий шпион!

— Тихе, тихе, Чарышка. Где нужно, разберутся, что он за альпинист. А сейчас лучше понюхай-ка, что там у него во фляге? Может, спирт? Тогда сержанту он здорово пригодится — натирать будем.

— Ай, молодец, Ленька! А я, дурак, не догадался.— Гафуров отвинтил крышку и поднес к носу.— Конечно, спирт! Настоящий спирт! — Он плеснул на стол и поджег. Жидкость вспыхнула голубым пламенем.

Спирт и в самом деле помог. Через три дня сержант уже ходил, а еще через день ушел с Росляковым в ночной наряд к Узкому ущелью, оставив на посту старшим Паландина.

Утром, как обычно, Чары подошел к телефону.

— Застава! Застава!

И вдруг закричал:

— Ура! Связь! Связь!

От его крика проснулся даже нарушитель. К телефону подбежал Паландин, выхватил трубку.

— Застава! Докладывает рядовой Паландин. На посту все в порядке. Сержант Гапонин и рядовой Росляков в наряде. Задержан нарушитель государственной границы.

И тут послышался знакомый голос капитана Золотарева:

— Продукты давно кончились?

— Так точно, товарищ капитан, давно кончились!

— Здоровье?

— В порядке, товарищ капитан!

— Если сможете, готовьте площадку для вертолета. Вертолет вылетает к вам через час. Молодцы, ребята!

И тут ввалился сержант с Росляковым.

— Начальник заставы приказал готовить вертолетную площадку, товарищ сержант! — закричал Паландин.

Гафуров остался около задержанного, а остальные пошли готовить площадку. Снегу навалило с метр. Работали из последних сил, разгребая этот проклятый снег, но никто не садился отдыхать. Но вот Росляков остановился, поднял голову.

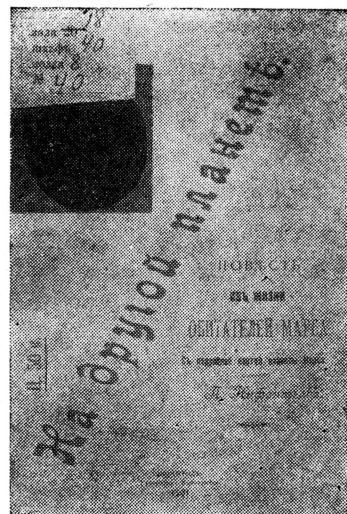
— Слышу шум вертолета, товарищ сержант.

Вот тогда-то сержант неожиданно спросил:

— А какое сегодня число, ребята?

Оказалось, что находились они на границе ровно тридцать дней, ибо вышли с заставы 8 января.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ «МАРСИАНА» И ЕЕ АВТОР

Однажды, занимаясь в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде, я, по встретившейся мне надобности, обратился к описи специальной коллекции рукописей, запрещенных в свое время Санкт-Петербургским цензурным комитетом. Просматривая этот документ, я увидел вдруг под 1896 годом неожиданную запись: «Рукопись «Обитатели Марса». И шифр ее: «копись 25, дело № 217». Странно... Ведь исследователи обычно утверждают, что первым в России научно-фантастическим романом о Марсе был роман известного революционера, философа и литератора А. А. Богданова «Красная звезда». Но этот роман появился на двенадцать лет позже — лишь в 1908 году! А тут — 1896 год...

Вскоре из недр архива была доставлена и легла на мой стол объемистая тетрадь, состоявшая из 143 листов большого формата, исписанных убористым почерком. На первом листе её были обозначены имя и фамилия автора: Порфирий Инфантьев. Обычно к рукописи прилагался отзыв цензора, в котором излагались мотивы запрещения. Здесь он отсутствовал. Впрочем, вся рукопись была настолько испещрена различными подчеркиваниями и другими знаками, сделанными красным цензорским карандашом, что особой нужды в отзыве не было: эти пометки были достаточно красноречивы.

Суть романа П. Инфантьева «Обитатели Марса» заключалась в следующем. Молодой русский студент, эмигрировавший в Швейцарию, заблудился в Альпах и случайно наткнулся в горах на скрытую от постороннего глаза обсерваторию. Ученый-отшельник, хозяин обсерватории, уже неоднократно бывал... на Марсе, причем использовал для этой цели не летательные аппараты или снаряды, с помощью которых зарубежные фантасты — в частности, Жюль Верн — доставляли своих героев в иные миры, а совершенно оригинальный, не

предлагавшийся до П. Инфантьева способ: с помощью особого устройства он обменивался сознанием с каким-либо марсианином, — по взаимному согласию, конечно. Этот способ получил популярность и массовое применение — под названием «телепортации» — лишь в современной научно-фантастической литературе.

Ученый в романе П. Инфантьева помогает русскому студенту при посредстве своего изобретения проникнуть на Марс. Нужно сказать, что Марс был выбран не случайно. После открытия в 1877 году итальянским астрономом Скиапарелли «каналов» на этой планете, первоначально признанных искусственными сооружениями, интерес к Марсу и ученых, и писателей-фантастов возрос необычайно.

Используя эту популярную гипотезу, автор романа «Обитатели Марса» рассказывает читателю о высокоразвитой цивилизации на этой планете. В сущности говоря, он изображает при этом социалистическое государство, каким оно представляло в воображении и мечтах революционно настроенной части русского общества. Полное социальное равенство, уничтожение всех видов и форм эксплуатации человека человеком, высокая культура, невиданное развитие науки, слияние всех наций в одну под эгидой «Царства Труда», — это название подчеркнуто цензором особенно жирно...

Следы цензурного вмешательства видны чуть ли не на каждой странице. Мог ли, к примеру, царский чиновник пройти мимо такой явно «крамольной» реплики марсианина, сопровождающего русского студента в его путешествии по планете: «...старое общественное здание на Земле уже близко к разрушению и давно уже пора позаботиться о постройке нового»? А соседствующее с этой репликой замечание самого автора? «В сущности, уже и теперь дело идет к тому, чтобы социальный вопрос разрешился (на Земле) в том же самом смысле, как он разрешен у обитателей Марса...»

Судя по тому, что рукопись романа осталась в делах цензуры, он так и не увидел света.

Но вот, после долгих поисков, мне удалось найти книгу Инфантьева, вышедшую спустя пять лет, в 1901 году. Название ее — «На другой планете» — определенно напоминало название ру-

кописи, запрещенной в 1896 году. И действительно, сличение романа «На другой планете» с рукописью «Обитатели Марса» показало, что мы имеем, в сущности, дело с одним и тем же произведением. Следовательно, роман все-таки вышел в свет... но в каком виде! Содержание его было исковеркано, «препарировано» таким образом, что вся социальная сторона романа исчезла, многие места (в том числе — и приведенные выше) были вырваны из книги, как говорится, «с мясом». Это была бледная тень первоначального текста «Обитателей Марса».

Интересно отметить, что автор демонстративно сохранил следы цензурного вмешательства: многие фразы оборваны посередине, буквально на полуслове, на страницах зияют белые провалы — места, устраненные из книги цензурой. Главы же XIV и XV лишь обозначены цифрами и не содержат буквально ни одного слова.

Но даже и в таком исковерканном виде роман Инфантьева, по выходе своем из печати, снова привлек внимание царских чиновников, на этот раз цензоров другого рода — членов Особого отдела Ученого комитета министерства просвещения. В задачи отдела входило запрещение книг — из числа уже изданных — для приобретения ученическими библиотеками и народными читальнями. Даже «профильтрованный» текст книги Инфантьева, уже прошедший горнило цензуры, показался члену Особого отдела Виссендорфу «криминальным»: на основании его отзыва роман «На другой планете» был для библиотек запрещен.

Такова цензурная история, приключившаяся с первым научно-фантастическим романом о Марсе, написанным в России. Но что же нам известно об авторе его, Порфирии Инфантьеве? Мне казалось, что этот, очевидно, незаурядный человек, мечтавший в те мрачные годы о торжестве социализма на земле, достоин того, чтобы мы знали о нем нечто большее, чем просто имя и фамилию. Правда, мы уже знаем, что Инфантьев посылал свою рукопись в цензуру из Новгорода, а сам роман издан там же, в Новгороде. Но ведь этого очень мало...

К сожалению, ни библиографические справочки, ни другие издания ничего не сообщают об этом человеке. Но в замечательном труде крупнейшего советского библиографа Н. В. Здобнова «История русской библиографии до начала XX века» вдруг мелькнуло знакомое имя.

Как сообщает Н. В. Здобнов, П. П. Инфантьев, учась в 1882 году в последнем классе Троицкой гимназии Челябинского уезда, принимал активнейшее участие в работе нелегального кружка, руководимого известным революционером-народником П. А. Голубевым. П. П. Инфантьев явился одним из составителей «Систематического указателя лучших книг и журнальных статей», изданного в Челябинске в 1883 году под маркой «Библиотека товарищества «Братья Покровские». На деле под видом каталога библиотеки челябинских богачей был выпущен указатель революционной литературы, необходимой для изучения в подпольных кружках молодежи. Цензура спохватилась, но поздно: большую часть тиража участники кружка успели разослать по другим городам. Конфискован остаток, жандармы в дальнейшем, вплоть до революции 1905—1907 годов, изымали при обысках экземпляры «челябинского ка-

талога», причем хранение его рассматривалось как свидетельство «принадлежности к преступному сообществу».

Итак, П. П. Инфантьев, автор первой русской «марсианы», тесно связан с революционным движением на Урале. Но какова дальнейшая его судьба? Чем он занимался после окончания в 1882 году Троицкой гимназии? Как оказался в 1896 году в Новгороде, откуда прислал в Петербург рукопись фантастического романа?

Неожиданно на помощь пришел... каталог библиотеки. Правда, Генеральный алфавитный каталог Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина является особым каталогом. В нем собраны воедино сведения о всех книгах того или иного автора, так как эта библиотека (до революции — императорская) получала обязательный экземпляр. Оказалось, что П. П. Инфантьев был автором почти сорока книг, изданных в России начала XX века. Среди них — большое количество этнографических рассказов о быте народностей России, причем нашла отражение в творчестве Инфантьева и уральская тема, — в 1903 году им были изданы «Зауральские рассказы».

Но больше всего при просмотре каталога меня заинтересовала книга Инфантьева под названием «Кресты. С.-Петербургская одиночная тюрьма. (Из личных воспоминаний)», вышедшая в 1907 году в издательстве Сытина. Значит, Инфантьев отбывал тюремное заключение в печально знаменитых петербургских «Крестах»... В своей книге он, пользуясь временным ослаблением цензурного террора, вызванным событиями первой русской революции, раскрывает перед читателем двери этого страшного учреждения, в котором долгие годы томились русские революционеры. О том, за что именно был заключен в эту тюрьму, Инфантьев почти ничего не пишет, заметив лишь вначале, что в одиночку «Крестов» его посадили по «политическому делу» в 1890 году. И все-таки это была зацепка...

Пришлось снова обратиться к архивным документам. Сведения о политическом деле должны сохраниться, скорее всего, в архивном фонде царского министерства юстиции. Правда, в этом фонде хранятся сотни тысяч дел, но уже известные теперь год осуждения Инфантьева (1890) и место его заключения во много раз облегчают задачу поиска... Наконец, в описи № 9 под номером 10706 мелькнула знакомая фамилия: среди одиннадцати человек, арестованных С.-Петербургской судебной палатой по делу «О лицах, привлеченных к дознанию, обвиняемых в государственном преступлении», значится и Инфантьев.

Передо мной замелькали протоколы допросов, показания обвиняемых, свидетелей и другие материалы.

А дело было возбуждено вот по какому поводу.

22 февраля 1888 года в Швейцарии, вблизи Цюриха, произошел взрыв, при котором, как сообщал следователь, был убит «подлежавший к привлечению к делу об обнаруженном 1 марта 1887 г. злоумышлению на жизнь священной особы государя императора и успевший скрыться за границу И. Дембо...» (Здесь имеется в виду покушение на жизнь Александра III, совершенное Александром Ульяновым и его товарищами). Дальше следователь писал: «При производстве по этому поводу по распоряжению швейцарских

властей следствия было установлено существование в Цюрихе составившегося из русских политических эмигрантов революционного сообщества под названием «кружка народовольцев», поставившего себе целью пропаганду социально-революционных идей и ниспровержение путем насилия существующего государственного строя в России».

Начались повательные обыски. На квартирах членов кружка были обнаружены сочинения К. Маркса, большая, частью зашифрованная, переписка, различные революционные издания. Был произведен обыск и на квартире П. Инфантьева, причем внимание следователя привлекла небольшая брошюра на немецком языке, состоящая из стихотворений «революционного содержания» (впоследствии выяснилось, что это были стихи Генриха Гейне), а также загадочный адрес: «Собачий переулок, дом Плетнева Ф. И.». Но главное, в чем обвинялся Инфантьев, было тесное общение его с разыскиваемым царской охранкой «государственным преступником», активным деятелем польского и русского освободительного движения Антоном Гнатовским¹, которого подследственный неоднократно укрывал на своей женеваквирте. Квартиру Инфантьев снимал в Женеве вместе с Петром Левашевым, своим соучеником по Троицкой гимназии, тоже участво-

¹ А. Д. Гнатовский — организатор кружка народовольцев в Вильне, тесно связанного с петербургским кружком Александра Ульянова. Именно А. Гнатовский готовил взрывчатые вещества для кружка А. Ульянова. После неудачного покушения на царя 1 марта 1887 года А. Гнатовский эмигрировал за границу, где жил под другой фамилией. Охранка в течение нескольких лет тщетно разыскивала его.

вавшим в составлении «челябинского каталога» и тоже привлеченным по «делу одиннадцати», но сумевшим скрыться от полиции.

Из документов, приложенных к делу, становится известно, что Порфирий Павлович Инфантьев родился 19 февраля 1860 года в городе Троицке Оренбургской губернии. После окончания гимназии, в 1882 году, он поступил в Казанский университет, а двумя годами позже перевелся в Петербургский. Начальник Петербургского жандармского управления сообщил следователю, что в 1884—1885 годах Инфантьев, учась в университете, «состоял в близких отношениях с бывшими студентами С.-Петербургского университета Семеном Орловым и Василием Харитоновым, которые привлекались к дознанию о государственном преступлении». В 1885 году Инфантьев эмигрирует в Швейцарию, поступает в Женевский университет и активно участвует в работе революционных эмигрантских кружков.

После обысков, произведенных швейцарской полицией, Инфантьева высылают за пределы Швейцарии, и он решает вернуться в Россию. Однако заграничная агентура царской охранки своевременно информировала департамент полиции о намерении Инфантьева: на пограничной станции он был арестован и отправлен в Петербург.

Несколько месяцев тянулось следствие... Более всего следователя интересовало происхождение адреса, отобранного при обыске в Женеве: «Собачий переулок, дом Плетнева Ф. И.». Но арестованный был тверд. «О том, что означает эта запись,— протоколлировал следователь,— обвиняемый Инфантьев отвечать отказался». Следователь запросил у начальников жандармских управлений Казанской и Оренбургской губерний, где Инфантьев жил до перевода в Петербургский университет, известно ли им что-нибудь о самом

НРАВСТВЕННЫЕ ПОРΟΣЯТА

АЗЪ
ВУКИ
ВЪДИ

60

Приезжаю я в одну деревеньку близ Верхотурья Свердловской области, останавливаюсь на ночлег в доме. Завязался у меня с хозяевами разговор о том, о сем. Вдруг слышу: «Ну, до чего же нравственные у меня поросята — целый день с ними воюю». Я опешил. Как так? Поросята — и нравственные? Оказывается, хозяйка хотела сказать, что они беспокойные, своенравные. Я задумался. Почему же у этого слова появилось совсем не такое значение, как в литературном языке? Мы скажем:

нравственный человек, то есть порядочный, благородный. Нравственным может быть поступок. А вот поросенок так можно назвать только для смеха. В чем тут дело? Оказывается, что слово НРАВ известно в говорах в том же значении, что и в литературном языке: характер. А характер может быть и хорошим, и плохим. Вот и развилось значение этого слова по двум расходящимся линиям: в литературном языке НРАВСТВЕННЫЙ — с хорошим характером, в говорах — с плохим, с норовом. Кстати,

НОРОВ и НРАВ сначала значили одно и то же; потом у НОРОВА значение как бы ухудшилось: «Смотри, эта лошадь с норовом, как бы не зашибла». А слово НРАВ осталось с прежним значением.

Наш разговор продолжался, когда в комнату вбежал босноногий мальчишка с кошкой в руках и с синяком на лбу. Хозяйка зашумела: «Ты чего это разбегался, как шьмонька? Все у тебя грезы на уме? Вчера с вон нагрел — банку с огурцами разбил! И когда только грезить перестанешь?» Маль-

Инфантьеве и о загадочном адресе, у него обнаруженном.

Вот что ответил начальник Казанского жандармского управления: «а) Инфантьев принимал участие в происходивших в 1882 г. в Казанском университете беспорядках, обращал на себя внимание близким знакомством с высланным в Зап. Сибирь по обвинению в государственном преступлении бывшим учителем Троицкой мужской гимназии Петром Голубевым и челябинским купеческим сыном Николаем Зобниным...» Снова, как видим, знакомые уральские фамилии... Значит, Инфантьев, поступив в Казанский университет, не прерывает связей с троицким и челябинским подпольными кружками. Ведь П. А. Голубев и Н. М. Зобнин были душой этих кружков. Именно Зобнину, который затем был сослан в Сибирь, удалось ловко провести челябинского исправника, «подсунув» ему под видом каталога благонамеренной библиотеки местных богачей указатель революционной литературы.

А вот ответ казанского жандарма на второй вопрос петербургского следователя: «б) запись «Собачий переулок, дом Плетнева Ф. И.» относится к проживающей в Казани шадринской мещанке Фелицате Ивановне Мясниковой, находившейся в знакомстве с неблагонадежными в политическом отношении личностями, которые пользовались ее адресом для своих преступных целей. 22 августа 1889 г. Мясникова привлечена к дознанию». Исходя из этого, можно предположить, что Инфантьев был знаком с Мясниковой еще в годы учебы в Казанском университете и пользовался ее адресом для передачи корреспонденции своим друзьям.

Не менее показателен и ответ начальника Оренбургского жандармского управления. Между прочим, он сообщил, что «при дознании, производившемся в 1882 г. о политической пропа-

ганде среди учеников Троицкой гимназии», было установлено существование подпольного рукописного журнала «Бродяга». Нелегальный журнал троицких гимназистов до сих пор не обнаружен; несомненно, он прояснил бы историю возникновения и деятельность этого кружка.

Наконец, дело, разросшееся до 200 листов, было закончено, и следователь передал его в суд. Петербургская судебная палата приговорила восемь обвиняемых по «цюрихскому» делу к различным срокам заключения. Инфантьев был осужден на год заключения в одиночной камере петербургских «Крестов» с последующей высылкой под гласный надзор полиции.

Лишь семнадцать лет спустя, в 1907 году, он смог выпустить в свет книгу, в которой описал свою жизнь в тюрьме. И кто знает, возможно, именно в одиночке, в томительные долгие дни и ночи, возник у Инфантьева замысел фантастического романа о полете на Марс, на планету, создавшую счастливое общество...

После выхода из тюрьмы Инфантьев поселяется в Новгороде, пишет там свой роман и другие книги. В 1905 году он переезжает в Петербург, где сотрудничает вплоть до самой смерти (умер П. П. Инфантьев в 1913 году) в демократических журналах, продолжает писать популярные очерки о жизни различных народностей Сибири и Урала.

Таковы результаты поисков, начавшихся с обнаруженной в архиве рукописи первого в России научно-фантастического романа о Марсе. Неожиданно эти поиски привели нас к истокам революционного движения на Урале, в истории которого еще много «белых пятен».

А. БЛЮМ, кандидат филологических наук

чик переминался с ноги на ногу и молчал. А я вновь про себя удивился: «Выходит грезы — тоже что-то плохое, раз за них бранят?»

Приехав домой, я пошел в библиотеку, взял большой древнерусский словарь и узнал, что ГРЕЗИТИ означало когда-то мешать, смешивать, приводить в беспорядок и так далее. Здесь опять две линии, по которым развивалось значение этого глагола: мешать, смешивать — смешивать явь со сном, мечтать о несбыточном; смешивать — то есть приводить в беспорядок, затем — портить, ломать что-нибудь с умыслом, нарочно. Вот это последнее значение и сохранилось в диалекте. И подобных случаев можно встретить очень много в народной речи.

Однажды в свердловской школе был проведен небольшой эксперимент. Учащиеся 6-го класса получили простенькое задание: объяснить значение слова ДИПЛОМАТ. Как и

ожидалось, большинство ребят дало правильный ответ.

Ну, а если мы обратимся к старожилу села Лопаво Ново-Лялинского района Свердловской области, то он ответит, что ДИПЛОМАТ — это... пальто на меху. В Талице скажут-тулуп, а в деревне Суворы Каменского района — женская шуба из овчины, да что она сшита в талию, да еще расклешена книзу.

Все мы знаем, что АБАЖУР — колпак, служащий для защиты глаз от света. Зато в Верхне-Тавдинском районе Свердловской области нам скажут, что это украшенная резьбой верхняя часть оконной рамы; в Камышловском, Пышминском районах — железный кожух голландской печи.

Что это за слова, имеющие столь знакомую звуковую форму и столь необычное значение? Откуда они взялись? Попробуем проследить путь превращения ДИПЛОМАТА в ШУБУ.

Дипломатами называют людей, работающих в посольствах, уполномоченных для сношений с иностранными государствами. Это слово пришло к нам из немецкого языка. А век назад жителю глухой уральской деревни трудно было освоить, понять иностранное слово, как бы «привязать» название к определенному предмету: ведь носителя такого названия — дипломата — он в глаза не видел. Однако, купцы, заводчики, побывавшие в столице, рассказывали об особенно удивлявших их своими шубами иностранцах, которых народ часто без разбору называл дипломатами. Достоинства и размеры шубы подробно описывались в рассказах. Ну, а что хорошая шуба из себя представляет, каждому понятно. К этому привычному, знакомому предмету и «привязывается» неясное слово ДИПЛОМАТ. Так ДИПЛОМАТ становится постоянным спутником ШУБЫ. Шуба может быть вся-

кая: старая и новая, овчинная и ватная, женская и мужская. Поэтому со временем ДИПЛОМАТ осмысливается как уточняющее, конкретизирующее значение: в одних местах — шуба, самая лучшая, добротная и теплая, надевается она только в праздничные дни; в других — тулуп или только женская шуба.

В слове АБАЖУР, когда им называют часть голландской печи или оконной рамы, произошло перенесение названия одного предмета на другой: абажур и верх печи похожи друг на друга конусообразной формой. Второе значение возникло по сходству других общих признаков: абажуры зачастую были расписаны каким-либо декоративным узором, и наличники окон также украшали орнаментальной резьбой. Впоследствии название части печи перенесли на весь предмет, — так появилась АБАЖУРКА (возможно, на образование данной формы повлияло слово БУРЖУЙКА, уже существовавшее название печи).

Встречаются и совсем невероятные случаи.

Однажды меня огорошили таким обращением: «Девушка, вы откуда приехали?» Посмотрел я на человека — почтенный старец с серьезным лицом, вряд ли стал бы он подшучивать над незнакомым человеком. Оказалось, что в Каменском и Таборинском районах обращение ДЕВУШКА применительно не только к женщине, независимо от возраста, но и к... мужчине, что приводит к различным курьезам.

Здесь мы столкнулись с расширением сферы употребления

слова. То же самое происходит с МУРАВЬЕМ, когда в некоторых местах им именуют и комара, а иногда и вообще всякое насекомое.

В уральских говорах ЛЕТЧИК — не только профессия, но и человек, который часто меняет работу, летун. Это слово в таком значении появилось по аналогии с отглагольными существительными с суффиксом -чик: учетчик, переплетчик, обмотчик.

В литературном языке часть лексики уходит своими корнями в глубокую древность. Например, ЗЕМЛЯ, НЕБО, МАТЬ — эти слова существуют очень давно и вряд ли когда-либо исчезнут. Однако, в каждую эпоху немало слов перестают употребляться, превращаются в архаизмы. Говоры не хотят расставаться со словами, имеющими устаревшее значение.

ВОЗРАСТ в литературном языке — период, степень в росте, развитии каждого человека. Происходит оно от старославянского «ВЗРОСТ», означающего рост, достижение человеком взрослости. В таком значении оно бытует в народной речи. Например: «Возрас какой, и три и четыре вершка шшука» (деревня Коршуново, Гаринский район).

Общепринятое ГРАМОТА в сельской местности также употребляется в значении, не свойственном современному русскому языку.

Раньше всякое царское письмо или письмо какой-нибудь влиятельной особы называлось грамотой. Со временем уже и любое другое письмо стало именоваться ГРАМОТОЙ. Это сло-

во до сих пор сохранилось в речи жителей некоторых районов Среднего Урала.

Кто такой ГРУБИЯН? Или БУРУНДУК? Что такое БЕДА? Не знаете? ГРУБИЯН — это соперник, БУРУНДУК — коренной житель, а БЕДА не что иное, как... тележка с опрокидывающимся кузовом. Почему же тележку называли БЕДОЙ? Да потому, что кузов у нее часто опрокидывается не вовремя, отсюда неодобрительное отношение к тележке, как к беде.

Возникающая при подобных переносах образность помогает коротко, метко выразить отношение к какому-то человеку или явлению.

Одним из наиболее любопытных случаев образования диалектных значений можно считать слово КЛУБ в значении ПЛУГ. Откуда вдруг такая связь? Здесь проявился так называемый фонетический закон метатезы, когда звуки в слове меняются местами. Чаще всего это происходит с нерусскими, трудно произносимыми словами. В живой речи ПЛУГ произносится, как ПЛУК. Потом произошла метатеза — произвольная перестановка звуков К и П и получился КЛУП. Однако, для русского языка нехарактерно окончание слова на П. К тому же в земледельческом хозяйстве есть широко распространенное слово клубень. Так конечное П озвончилось, и появился КЛУБ.

Это лишь некоторые примеры образования диалектных значений у общепринятых слов. Но немало интересных слов еще неизвестны исследователям.

А. БЕЛЯЕВ

жюль Верн

КОЛА РОБИНЗОНОВ

Роман

Перевод Н. М. Брандис

Рисунки Е. Стерлиговой

Глава четырнадцатая, в которой Годфри находит подарок, выброшенный морем, и принимает его с большой радостью

Стойко переносить лишения, когда это неизбежно,— принцип практической философии, которая, правда, не вдохновляет на подвиги, но для жизни весьма полезна. Годфри решил следовать этому принципу: раз уж он очутился на необитаемом острове, то сделает все возможное, чтобы прожить как можно лучше, пока не представится случая его покинуть.

Поэтому он прежде всего занялся благоустройством жилища в дупле Вильтри. При отсутствии элементарных удобств приходилось особенно заботиться о гигиене: часто менять подстилки из травы и следить за тем, чтобы раковины, которые служили посудой, мылись не менее тщательно, чем блюда и тарелки в лучших американских ресторанах. Справедливости ради следует заметить, что Тартелетт справлялся с этой обязанностью безупречно. С помощью своего ножа Годфри сделал настоящий стол: вбил в землю четыре ножки и покрыл их широким плоским куском коры, затем приволок толстые обломки дерева, вполне заменившие табуретки. Таким образом, если погода мешала устраивать трапезы

на открытом воздухе, обитатели Вильтри могли обедать у себя в дупле с полным комфортом.

Предстояло решить и другой не менее важный вопрос — как быть с одеждой. Конечно, под этими широтами смело можно было расхаживать в легких штанах и рубашке. Но ведь и такая одежда недолговечна! Чем же заменить ее, когда она совсем износится? Можно будет по примеру Робинзона Крузо сшить штаны и куртки из козьих и бараньих шкур, предварительно воспользовавшись мясом. Это вполне реально. А пока была еще старая одежда, Тартелетт с наименьшим успехом справлялся с обязанностями прачки.

Годфри же занимался хозяйством и добычей пищи. Каждый день по несколько часов уходило у него на сбор съедобных корней и плодов манзаниллы, затем — на ловлю рыбы с помощью верш, сплетенных из тростника, которые он устанавливал либо поперек ручья, либо между вдававшимися в море скалами. Но даже и при таких примитивных средствах на столе у наших героев нередко появлялись различные виды ракообразных, а иногда и крупные рыбы, не говоря уж о моллюсках, которые сами шли в руки.

Продолжение. Начало см. в № 2.

Однако Годфри и Тартелетт все еще были лишены самой необходимой вещи — обыкновенного котелка, — и его ничем нельзя было заменить. А без него не приготовишь ни бульона, ни вареного мяса или рыбы! Приходилось есть одно только жареное. Тартелетт горько жаловался, что даже забыл вкус настоящего супа. Но как ему можно было помочь?

Кроме добывания пищи, были у Годфри и другие заботы. Внимательно осмотрев соседние деревья, он обнаружил еще одну исполинскую секвойю с таким же большим дуплом и решил устроить там курятник. Куры быстро привыкли к новому жилищу, исправно неслись и высиживали цыплят. По вечерам дупло тщательно закрывалось, чтобы оградить курятник от нападения хищных птиц, которые, сидя на деревьях, подстерегали добычу и легко могли уничтожить весь выводок.

Домашние животные паслись на воле и до наступления сезона дождей в крове не нуждались. Корма у них было вдоволь, притом самого отборного — эспарцета¹ и сочных трав, которыми изобиловала прерия. Несколько коз успели уже принести потомство, и теперь их нельзя было доить: молоко требовалось козлятам.

Одним словом, в окрестностях Вильтри жизнь была ключом. В часы сильного зноя домашние животные укрывались от солнца в тени секвойи. Далеко от Вильтри они не удалялись, так что Годфри мог о них не беспокоиться, да и хищные звери на острове Фины как будто не водились.

Так проходило время. Настоящее начинало казаться довольно сносным, но будущее внушало опасения. И вдруг случилось одно неожиданное событие, благодаря которому жизнь наших Робинзонов заметно скрасилась.

Это произошло 29 июля.

Годфри бродил по отмели, прилегающей к заливу, названному им в память о погибшем корабле — Дримбей². Ему хотелось узнать, так же ли богата эта бухта моллюсками, как северная. Втайне же он надеялся встретить тут какие-нибудь следы крушения «Дрима», пусть даже обломки, выброшенные прибоем.

И вот, когда он дошел до песчаного мыса, образуемого отмелью с северной стороны, его внимание вдруг привлек большой камень очень странной формы, лежащий среди водорослей и морских трав.

Необъяснимое предчувствие заставило Годфри ускорить шаг. Каковы же были его удивление и радость, когда он обнаружил, что это вовсе не камень, а наполовину занесенный песком сундук!

Был ли это один из сундуков, находившихся на «Дриме»? Неужели он тут лежал с самого кораблекрушения? А может быть, это след другой, более поздней катастрофы? Трудно было ответить определенно. Во всяком случае, откуда бы он ни взялся и каково бы ни было его содержимое, от такого подарка отказываться не приходилось.

Годфри внимательно осмотрел сундук. Снаружи на нем не было ничего похожего на металлическую пластинку с именем владельца, фамилией или инициалами адресата. Такие пластин-

ки обычно прикрепляются к чемоданам американцев. А не найдутся ли какие-нибудь указания внутри? Если окажутся бумаги, которые позволят определить, откуда взялся сундук и кто его владелец, то можно надеяться, что эти документы, как и все остальное, будут в хорошем состоянии. Ведь сундук закрывается герметически и не должен пропускать воды! Он был крепкий, деревянный, обитый толстой кожей, с металлическими уголками и затягивался широкими толстыми ремнями.

Как ни велико было желание Годфри узнать, что находится в сундуке, он все же решил, что не стоит его взламывать, а лучше попытаться открыть. О том, чтобы перенести такую тяжесть из Дримбея в Вильтри, не могло быть и речи. Сундук был слишком громоздким.

«Хорошо, — подумал Годфри, — откроем его здесь, а потом перенесем содержимое по частям».

От этой бухты до группы секвой расстояние было не менее четырех миль. Переноска потребует много времени и будет очень утомительной. Но на отсутствие свободного времени жаловаться не приходилось, а усталость в таком деле не помеха.

«Что же все-таки в нем лежит?» — ломал себе голову Годфри.

Перед тем, как пуститься в обратный путь и порадовать учителя танцев, он решил попытаться открыть сундук.

Сначала юноша развязал ремни, затем, расстегнув пряжку, стащил с замка кожаный клапан. Теперь оставалось только отомкнуть замок. Но как?

Задача оказалась нелегкой. Что бы использовать в качестве рычага? Нож? Нет, Годфри ни за что не рискнул бы испортить свое единственное оружие, неоценимое в жизни Робинзона. Быть может, поискать камень потяжелее и сбить скобу?

Годфри так и сделал. Выбрав на отмели крепкий булыжник величиной с кулак, он ударил им изо всей силы по медной скобе.

Оттого ли, что сломалась скоба, или замок не был заперт на ключ, но, к великому удовольствию Годфри, задвижка отскочила после первого же удара.

С бьющимся от волнения сердцем Годфри поднял крышку сундука и тотчас убедился, что если бы его пришлось ломать, это стоило бы громадных усилий.

То был даже не сундук, а настоящий сейф, обитый изнутри листами цинка, предохраняющими содержимое от влаги. Следовательно, все, что там находилось, было в полной сохранности.

И что это были за вещи! При виде их Годфри не мог удержаться крика радости. Без сомнения, этот сундук — или сейф, как его ни назови, — принадлежал очень практичному путешественнику, который, должно быть, отправлялся в такую страну, где нельзя приобрести даже самых необходимых вещей.

Прежде всего, там было белье: рубашки, полотенца, простыни и одеяла. Затем одежда: шерстяные куртки, шерстяные и нитяные носки, полотнояные панталоны, бархатные брюки, трикотажные жилеты, прекрасные сюртуки, две пары ботинок, охотничьи сапоги с высокими голенищами и, впридачу ко всему, — две фетровые шляпы.

Во-вторых, там оказались предметы, необходимые для хозяйства, и туалетные принадлежно-

¹ Эспарцет — многолетнее кормовое растение семейства бобовых. Называется иначе питательным сеном.

² Dream — Bay (англ.) — Дримбей, бухта «Дрима».

сти: котелок — да, да! вожделенный котелок! — чайник, кофейник, несколько ложек, ножей и вилок, маленькое зеркальце, щетки всех видов, три фляги с водкой, вместимостью по пятнадцати пинт¹ и, наконец, несколько фунтов чаю и кофе.

В-третьих, там лежали нужнейшие орудия: буравы, сверла, ручная пила, набор всевозможных гвоздей, лопаты, топор, молоток, долото, железные крючки.

В-четвертых — оружие: два охотничьих ножа в кожаных футлярах, карабин, два пистонных ружья, три шестизарядных револьвера, фунтов десять пороху, несколько тысяч патронов, поря-

¹ Пинта — старая французская мера жидкостей, соответствующая одному литру.

дочный запас свинца и пуль — все, по-видимому, американского происхождения.

Наконец, в сундуке имелась небольшая дорожная аптечка, подзорная труба, компас, хронометр, несколько английских книг, писчая бумага, карандаш, чернила, перья, календарь, «Библия» нью-йоркского издания и, вдобавок ко всему, — «Руководство по кулинарному искусству».

Нельзя не согласиться, что в данных обстоятельствах это были неоценимые сокровища.

Годфри прыгал от радости. Если бы понадобилось нарочно подобрать предметы, необходимые для потерпевших кораблекрушение, трудно было бы составить более полный список.

Годфри не мог отказать себе в удовольствии разложить все эти сокровища на песке и рассмотреть каждую вещь в отдельности. Но ника-

ких бумаг, которые помогли бы установить имя владельца или название корабля, не оказалось.

На берегу, вокруг, никаких других обломков кораблекрушения заметить тоже не удалось. Ни на песке, ни среди камней ничего не было видно. Должно быть, сундук довольно долго держался на воде, прежде чем прилив выбросил его на берег.

Теперь жители острова Фины надолго были обеспечены всем необходимым для существования. Счастливый случай подарил им орудия и необходимую одежду, оружие и домашнюю утварь.

Само собой разумеется, Годфри и помышлять не мог о том, чтобы немедленно перенести все эти богатства к Вильтри. Сделать это можно было лишь вместе с Тартелеттом, да и то в несколько приемов. Однако следовало торопиться. Ведь в любой день мог хлынуть тропический ливень.

Уложив большую часть вещей обратно в сундук, Годфри решил захватить с собой только ружье, револьвер, немного пороха и пулю, котелок и подзорную трубу.

Затем, тщательно закрыв сундук и затянув ремни, Годфри пустился в путь к своему жилью.

С каким восторгом встретил его час спустя Тартелетт! Как был счастлив учитель танцев, когда ученик рассказал ему о всех богатствах, найденных в сундуке! Один только котелок доставил ему такую радость, что маэстро тут же проделал целую серию сногшибательных па, завершившихся эффектным прыжком.

Было только двенадцать часов дня. Годфри решил сразу же после обеда снова отправиться в Дримбей. Ему не терпелось перенести в Вильтри все подаренные судьбой сокровища.

На этот раз Тартелетт без всяких возражений согласился отправиться вместе с ним. Теперь незачем было сторожить огонь. В любую минуту его можно было получить с помощью пороха. Но

все же, для большей уверенности, учитель танцев решил оставить маленький огонек, а заодно сварить на нем бульон.

В одну минуту славный Тартелетт налил в котелок воды, положил туда мясо агуты и дюжину корешков ямса, заменивших овощи, всыпал щепотку соли, которую добыл из щелей в прибрежных камнях.

— Он сварится и без меня! — торжественно изрек Тартелетт, видимо, очень довольный своей идеей.

Затем оба направились в Дримбей, выбрав самый короткий путь.

Сундук стоял на прежнем месте. Осторожно откинув крышку, Годфри стал сортировать содержимое, под радостные возгласы Тартелетта.

По первому заходу Годфри и Тартелетт, нагружившись, как вьючные мулы, перенесли оружие, боеприпасы и часть одежды.

Вернувшись в Вильтри, уставшие и измученные, они присели отдохнуть перед столом, на котором дымился бульон из агуты. Наши герои нашли его великолепным, а что касается мяса, то, по словам учителя танцев, это была пища богов. Вот до чего могут довести лишения!

На другой день, 30 июля, Годфри и Тартелетт, поднявшись на рассвете, тут же отправились в путь и в три приема перенесли все содержимое сундука. Еще до наступления сумерек вся утварь, одежда, орудия и оружие находились в дупле Вильтри.

Наконец, 31 июля, хоть и не без труда, они перетасили и самый сундук, который предназначался для хранения белья.

Тартелетт, теперь видевший все в розовом свете, взял карманную скрипку, подозвал своего ученика и сказал ему самым серьезным тоном, как если бы они находились на Монгомери-стрит, в доме богача Кольдерупа:

— А что, дорогой Годфри, не возобновить ли нам уроки танцев?

Глава пятнадцатая,

в которой происходит то, что, по крайней мере, хоть раз должно произойти в жизни настоящего или воображаемого Робинзона

Итак, будущее становилось менее безотрадным. Но если Тартелетт, живя только сегодняшним днем, надеялся с помощью всех этих инструментов, орудий и оружия скрасить одинокое существование, то Годфри уже подумывал о возможности покинуть остров Фины. Нельзя ли будет построить достаточно прочное судно, чтобы добраться до ближайшей земли или хотя бы до какого-нибудь проходящего мимо корабля?

Но прежде чем приступить к реализации этого плана, юноша в течение нескольких недель действовал по программе, намеченной Тартелеттом.

Теперь гардероб квартирантов Вильтри был в полном порядке, но, не зная, как еще сложатся обстоятельства, они решили менять одежду только по мере необходимости. Впрочем, так решил Годфри, а Тартелетт недовольно ворчал:

— К чему такая бережливость? Мы ведь не дикари, чтобы ходить полуголыми!

— Простите меня, Тартелетт, но чем мы отличаемся от дикарей?

— Ну, это уж слишком! Вы увидите, что ко времени отъезда у нас останется еще ненюшенная одежда.

— В этом я не уверен, — возражал Годфри. — Пусть лучше будет лишнее, чем совсем ничего!

— Но по воскресеньям-то, я думаю, мы можем хоть немножечко принарядиться?

— Ну, это другое дело. По воскресеньям и в праздничные дни — пожалуйста! — отвечал Годфри, не желая слишком огорчать своего легкомысленного спутника. — Но так как сегодня только понедельник, то впереди у нас целая неделя.

Следует сказать, что, со времени своего по-

явления на острове, Годфри аккуратно отсчитывал день за днем и теперь, найдя в сундуке календарь, убедился, что сегодня действительно был понедельник.

Теперь, когда положение несколько улучшилось, наши Робинзоны поделили между собой по способностям ежедневные работы. Тартелетт, которому больше не нужно было приглядывать за огнем, без особого сожаления расстался со своими обязанностями весталки, поглощавшими все его внимание. На его долю выпало другое занятие, с которым он справлялся, впрочем, с наименьшим успехом: сбор коренья ямса и камаса, особенно последних, служивших, как мы знаем, для выпечки хлеба. Учителю танцев ежедневно приходилось проделывать путь до кустарников, окаймлявших прерию, что составляло не менее двух миль. Сначала он жаловался на усталость, но вскоре привык и преодолевал это расстояние без труда. В свободное время Тартелетт занимался также сбором устриц и других моллюсков, которые по-прежнему, несмотря на приращение пищевых ресурсов, потреблялись в большом количестве.

Годфри взял на себя заботы о домашнем скоте и птице. Обязанности мясника были ему вовсе не по душе, но пришлось перебороть отвращение, и теперь, благодаря его усердию, нередко подавались к столу бульон и жареное мясо. Что же касается охоты на лесную дичь, которая здесь водилась в изобилии, то Годфри решил с этим немного повременить. Когда будут выполнены первоочередные работы, он сможет бродить по лесам и с успехом использовать имеющиеся в его арсенале ружья, порох и дробь.

С помощью ниспосланных ему судьбой орудий он сколотил несколько скамеек и поставил их внутри дупла и возле дерева. Хорошо обструганный стол также приобрел более приличный вид, вполне соответствующий настоящим тарелкам и столовым приборам, которые расставлял на нем Тартелетт. Вместо кровати были сделаны деревянные лежаки, а покрытая одеялом травяная подстилка стала больше походить на обычную постель. Кухонная утварь уже не валялась на полу: для нее была прибита полка. Кроме деревянного сундука, в дупле Вильтри появился и самодельный стеной шкаф, а на специально вбитых больших гвоздях наши Робинзоны развесили инструменты и оружие, украсившие стены наподобие рыцарских доспехов.

Теперь Годфри, опасаясь, как бы домашние животные не начали нарушать по ночам их покой, задумал сделать настоящую дверь. Но как он мог распилить доски единственной ручной пилой? Поэтому вместо досок он воспользовался большими кусками древесной коры. Дверь получилась достаточно прочной и плотно закрывала вход в Вильтри. В то же время в двух противоположных частях внутренней стенки дупла Годфри прорубил два маленьких окошка и приделал к ним ставни. В комнату поступало теперь достаточно света и воздуха. На ночь ставни закрывались, а днем было так светло, что наши Робинзоны перестали зажигать факел, от которого в жилище всегда стоял сильный чад.

Каким будет освещение в длинные зимние вечера, Годфри еще не решил. Быть может, удастся изготовить несколько свечей из бараньего сала или, что гораздо проще, приспособить древесную смолу? Об этом придется подумать.

Предстояло решить и другой не менее важ-

ный вопрос — как построить дымовую трубу. Пока стояла хорошая погода, для приготовления пищи во всех отношениях был удобен очаг, устроенный снаружи, в щели одной из секвой. Но что делать, когда начнется сезон дождей и наступят холода? Очевидно, придется разводиться огнем в самом жилище, а дым выпускать наружу... Впрочем, и с этим еще можно было повременить!

Сейчас у Годфри были другие заботы. Решив соединить оба берега речки, протекавшей неподалеку от гигантских секвой, он занялся постройкой моста. Ему удалось, правда, не без труда, вбить в песчаное дно потока несколько свай и настелить на них бревна. Теперь, благодаря мосту, обитатели Вильтри получили кратчайший путь к северному побережью, тогда как прежде им приходилось делать обход в две мили вверх по течению, чтобы перейти речку вброд.

Всеми силами стараясь скрасить существование на затерянном острове Тихого океана, — на тот случай, если им придется жить здесь очень долго или даже всегда, — Годфри, однако, не терял надежды на спасение.

Теперь им было ясно, что остров Фины лежал в стороне от морских путей. На острове не было промежуточного порта, он не мог снабжать проходящие пароходы провизией. Однако мог же какой-нибудь военный или торговый корабль пройти когда-нибудь в виду его берегов? Поэтому надо было подумать, как привлечь к себе его внимание, дать ему знать, что на острове находятся люди.

С этой целью Годфри решил поставить на вершине северного мыса мачту, а для флага пожертвовать одной из простыней, найденных в сундуке. Но так как белый флаг мог оказаться на большом расстоянии незаметным, то пришлось окрасить его соком росших у подножья дюн алых ягод. Вскоре на мачте уже развевался ярко-красный флаг. Правда, окрашен он был примитивно, без помощи стойких химикалий, и легко мог выгореть на солнце или вылинять от дождя. Но это не беда! Его всегда можно будет покрасить заново!

В таких работах незаметно пролетело время до 15 августа; обе недели небо было безоблачным, если не считать двух или трех сильных гроз, проливших на иссохшую землю целые потоки воды.

Теперь Годфри решил заняться охотой. Однако, если сам он стрелял довольно хорошо, то никак не мог рассчитывать на Тартелетта, который никогда не брал в руки ружья.

Отныне несколько дней в неделю Годфри посвящал охоте за четвероногой и пернатой дичью, которой тут было вполне достаточно, чтобы обеспечить жителей Вильтри. Куропатки и бекасы внесли разнообразие в обычное меню. Кроме того, пулями юного охотника были убиты две антилопы, и учитель танцев, хотя и не принимал никакого участия в их добыче, с аппетитом уничтожал их в виде бифштексов или котлет.

Во время охоты Годфри все больше и больше знакомился с островом. Он исходил вдоль и поперек весь лес, занимавший центральную часть острова, поднимался вверх по течению речки до самого ее истока — ручейка у западного склона, снова взбирался на вершину конуса и спускался оттуда с противоположной стороны, которую еще не исследовал.

«Из всех моих разведок,— рассуждал про себя Годфри,— можно сделать вывод, что на острове Фини нет ни хищных зверей, ни ядовитых змей, ни других пресмыкающихся! Будь они здесь, их, без сомнения, вспугнули бы ружейные выстрелы, и я бы их заметил. Нам просто ласчливилось! Не знаю, как бы мы с ними справились, вздумайся им напасть на Вильтри!»

На ходу он продолжал думать.

«Можно также заключить, что остров Фини необитаем. Иначе туземцы или потерпевшие крушение давно бы прибежали на выстрелы. Только вот этот непонятный дым, который, как мне кажется, я видел дважды!..»

В самом деле, это было непонятно, ведь Годфри до сих пор не обнаружил следов разведенного кем-либо костра. Что же касается теплых источников, за счет которых он пытался было объяснить появление дыма, то остров Фини, не будучи вулканическим по происхождению, едва ли мог их иметь. Очевидно, в обоих случаях это было оптической иллюзией.

Впрочем, дым больше не показывался. Годфри вновь поднимался на вершину конуса, опять влезал на вершину Вильтри, но ни разу больше не заметил никакого подобия дыма. Мало-помалу он вовсе перестал об этом думать.

За домашними работами и охотой прошло еще несколько недель. Каждый день приносил какое-нибудь улучшение, делая жизнь наших Робинзонов менее однообразной.

По воскресеньям Тартелетт наряжался, как индейский петух, и прогуливался под деревьями, наигрывая на своей карманной скрипке. При этом он выделял самые замысловатые па, давая уроки самому себе, так как его ученик решительно от них отказался.

— А к чему они? — отвечал Годфри на настойчивые просьбы танцмейстера. — Неужели вы можете себе представить Робинзона, берущего уроки танцев и изящных манер?

— А почему бы и нет? — серьезно возражал Тартелетт. — Разве Робинзону помешают хорошие манеры? Ведь нужны они не для других, а для себя!

Хотя Годфри и не знал, что на это ответить, он все же не сдавался, и бедный Тартелетт только зря терял время на уговоры.

13 сентября Годфри пережил самое тяжелое разочарование, какое только может испытать человек, выброшенный кораблекрушением на необитаемый остров.

В этот день, около трех часов, когда он прогуливался возле «флагпункта», — так был назван мыс, на котором возвышалась мачта с флагом, — внимание его вдруг привлекла длинная полоска дыма на горизонте. Посмотрев в подзорную трубу, Годфри убедился, что это действительно дымок, относимый к острову западным ветром.

Сердце учащенно забилось.

— Корабли! — воскликнул юноша.

Но пройдет ли он так близко от острова Фини, чтобы заметить или услышать сигналы с берега? Неужели этот дым, едва появившись, исчезнет вместе с судном на северо- или юго-западе?

В течение двух часов Годфри находился во власти самых противоречивых чувств и мыслей.

Дым увеличивался, сгущался, — очевидно, судно набирало скорость, — потом вдруг почти совсем исчез. Однако пароход заметно приближался, и к четырем часам на границе неба и моря показался корпус большого судна, шедшего на северо-восток. Годфри это точно определил. Если бы оно продолжало двигаться в этом направлении, то непременно приблизилось бы к острову Фини.

Сначала Годфри решил бежать к Вильтри и предупредить Тартелетта, но передумал. Ведь на таком расстоянии один человек, дающий сигналы, будет не менее заметен, чем двое. Потому он остался на месте, с подзорной трубой перед глазами, боясь пропустить малейшее движение корабля.

Пароход медленно приближался к острову, хотя и не успел еще повернуть к нему носом. К пяти часам линия горизонта была уже выше его корпуса, и можно было заметить три мачты. Годфри даже разглядел цвета флага, развевавшегося на гафеле¹.

Флаг был американским.

«Но если я различаю флаг корабля, — подумал Годфри, — то и оттуда должны были заметить мой флаг, который при таком ветре, как сейчас, нетрудно увидеть в подзорную трубу! Может быть, надо им помахать, и тогда они поймут, что жители острова хотят установить с ними контакт? К делу! Нельзя терять ни минуты!»

Он подбежал к мачте и, раскачивая шест, стал размахивать флагом, как бы для приветствия, потом приспустил флаг, что у моряков означает просьбу о помощи.

Пароход приблизился еще мили на три, но флаг на борту оставался неподвижным и не отвечал на сигналы с берега. Годфри почувствовал,

¹ Гафель — наклонный брус, прикрепляемый нижним концом к мачте судна и служащий для привязывания верхней кромки косого паруса — триселя.

как его сердце сжалось... Очевидно, его не заметили.

Шел уже седьмой час. Пароход был не более чем в двух милях от берега, когда солнце стало скрываться за горизонтом, начали сгущаться сумерки. С наступлением темноты пришлось бы оставить всякую надежду быть замеченным.

Годфри снова принялся поднимать и опускать свой флаг, но безуспешно...

Тогда он выстрелил несколько раз из ружья. Ответных выстрелов не последовало. Расстояние было слишком велико, да и ветер дул с моря.

Между тем опускалась ночь. Скоро нельзя будет разглядеть даже корпуса корабля. Не пройдет и часа, как он начнет, очевидно, удаляться от острова Фини.

В волнении Годфри стал зажигать ветки смолистых деревьев, росших позади флагпункта. Сухая сосновая хвоя скоро запылала огромным факелом.

Но ответных сигналов с корабля Годфри так и не дождался. Грустно поплелся он к Вильтри, чувствуя, как никогда прежде, всю тяжесть одиночества.

Глава шестнадцатая, в которой рассказывается об одном неожиданном происшествии

Эта неудача потрясла Годфри. Да как тут было не огорчаться! Когда еще может представиться подобный шанс на спасение? С таким же равнодушием будут проходить мимо острова и другие суда, если они даже и окажутся случайно в этой части Тихого океана. К чему им поступать иначе, если остров не является ни портом, ни просто надежным и нужным для них убежищем?

Годфри провел тревожную ночь, просыпаясь каждую минуту. Ему чудилось, что он слышит в море пушечные выстрелы, и он начинал надеяться, что корабль все же заметил еще не погасший огонь на берегу и отвечает на сигнал.

Годфри напрягал слух и убеждался, что все это только игра больного воображения. А с наступлением дня он почти убедил себя, что никакого корабля вообще не было, что все это сон, начавшийся накануне в три часа дня.

Но нет! Он же отчетливо помнил, что пароход был в двух милях от острова и прошел мимо, не обратив внимания на сигналы.

О постигшем его разочаровании Годфри ни слова не сказал Тартелетту. Да и незачем было рассказывать! Беспечный ум учителя танцев не в состоянии был рассчитывать дальше двадцати четырех часов. Тартелетт даже не задумывался о случайностях, которые помогли бы им покинуть остров. Сан-Франциско начинал постепенно стираться из его памяти. У него не осталось там ни невесты, которая дождалась бы его с нетерпением, ни дяди Виля, которого он хотел бы снова увидеть. Если бы здесь, на краю света, Тартелетт мог открыть танцкласс хотя бы для одного ученика, он был бы на вершине блаженства.

Однако, не помышляя ни о каких опасностях, могущих помешать его спокойной жизни на острове, где не было ни хищных зверей, ни туземцев, танцмейстер делал большую ошибку. Скоро его оптимизму пришлось выдержать суровое испытание.

Было четыре часа пополудни. Тартелетт, как обычно, отправился собирать устриц и моллюсков на берегу близ флагпункта, но тут же прибежал обратно, испуганный, с развевающимися по ветру волосами. При этом было видно, что он боится оглянуться назад.

— Что случилось? — вскричал обеспокоенный Годфри, выбежав навстречу своему спутнику.

— Там... Там... — ответил Тартелетт, показыва-

вая пальцем на северную часть моря, видневшуюся в просветах между гигантскими секвойями.

— Что там? — спросил Годфри, уже готовый броситься в указанном ему направлении.

— Лодка!

— Лодка?

— Да... Дикари... Целая флотилия дикарей!..

Должно быть, людоеды...

Годфри посмотрел в ту сторону.

Это была, однако, не флотилия, как показалось безумевшему от страха Тартелетту, а всего лишь небольшая лодка, тихо скользившая по морю в полумиле от берега. Казалось, она огибала флагпункт.

— Почему вы думаете, что это людоеды? — обратился Годфри к учителю танцев.

— Потому что рано или поздно, но только на острове всех Робинзонов обязательно являлись людоеды.

— Быть может, это шлюпка с торгового судна?

— С торгового судна?

— Да... С парохода, который вчера прошел близ нашего острова.

— И вы мне ничего об этом не сказали! — воскликнул Тартелетт, в отчаянии вздымая руки к небу.

— К чему было говорить, — ответил Годфри. — Ведь я решил, что судно исчезло бесследно. Но вполне возможно, что лодка спущена с этого корабля. Сейчас мы узнаем...

И, сбегав в Вильтри за подзорной трубой, Годфри выбрал удобную позицию на лужайке возле деревьев. С этого наблюдательного пункта можно было отчетливо разглядеть лодку, а находившиеся в ней люди непременно должны были заметить флаг на мачте, развевавшийся на ветру.

Вдруг подзорная труба выпала из рук Годфри.

— Дикари... Да!.. Несомненно, это дикари! — вскричал он.

Тартелетт почувствовал дрожь в ногах и затрясся всем телом.

В самом деле, в лодке сидели люди не европейского типа, и направлялись они прямо к острову. Построенная на манер полинезийской пироги, лодка шла под большим парусом из плетеного бамбука...

Годфри ясно различал форму пироги. Это была так называемая «прао», из чего можно бы-

ло заключить, что остров Фини находился недалеко от Малайского архипелага. Но в пироге сидели не малайцы, а чернокожие полуголые люди. Их было не менее десяти.

Конечно, они не могли не заметить признаков присутствия на острове обитателей Вильтри, так легкомысленно поднявших свой флаг, на который, правда, не обратили внимания на корабле. Спустить флаг уже не имело никакого смысла.

Ничего не скажешь, положение было не из приятных! По-видимому, эти люди прибыли сюда с каких-нибудь ближайших островов, нисколько не сомневаясь в том, что островок необитаем, — таким он и был до катастрофы с «Дримом». Но теперь реявший по ветру флаг указывал на присутствие людей... Следовательно, надо было придумать, как укрыться от незваных гостей, если они пристанут к берегу.

Годфри не мог прийти ни к какому решению. Во всяком случае, сначала нужно было выяснить, каковы намерения туземцев.

С помощью подозрительной трубы он продолжал следить за лодкой. Сначала она прошла вдоль мыса, потом обогнула его и появилась с другой стороны. И, наконец, пристала к устью речки, милях в двух от Вильтри.

Если бы аборигенам вздумалось подняться вверх по течению, они очень скоро достигли бы группы секвой, и помешать их продвижению было бы невозможно.

Годфри и Тартелетт, не мешкая, вернулись к Вильтри. Надо было принять срочные меры, чтобы скрыть, по возможности, следы своего пребывания и подготовиться к защите. Этим всецело был поглощен Годфри. Что же касается Тартелетта, то его мысль работала совсем в другом направлении.

«Ах! — повторял он про себя. — Какая печальная участь! И ее нельзя избежать! Как может Робинзон ни разу не повстречаться с пирогой людоедов? В один прекрасный день они непременно должны высадиться на острове! И вот... Не прошло и трех месяцев, а они тут как тут! Действительно, ни господин Дефо, ни господин Висс ни на иоту не отступали от правды. Вот и делайтесь после этого Робинзоном!»

Достойный Тартелетт! Робинзоном не делаются, а становятся. Но вы были недалеко от истины, когда сравнивали свое положение с положением героев английского и швейцарского романов...

Вернувшись к Вильтри, Годфри тотчас же принял меры предосторожности: погасил огонь внутри секвой, дупло которой служило им местом для очага, и разбросал золу, чтобы не осталось никаких следов костра; заложил кустарником вход в курятник, где куры, петухи и цыплята уже устроились на ночь; скот, за неимением стойла, угнал в прерию, а орудия и домашнюю утварь перенес в жилище, чтобы ничто не указывало на присутствие человека. Покончив со всем этим, Годфри вошел вместе с Тартелеттом в дупло Вильтри и плотно закрыл за собой дверь. Сделанная из коры секвой, она была не очень заметна даже и вблизи, так как по цвету не отличалась от дерева. Оба окошка столь же плотно закрывались ставнями. И вот, наконец, Вильтри погрузилось в полный мрак.

Какой бесконечно длинной показалась им эта ночь! Годфри и Тартелетт прислушивались к малейшему шороху. Шум упавшей ветки или порыв ветра приводили их в трепет. Им слыща-

лись чьи-то шаги, им казалось, что вокруг Вильтри кто-то ходит. Кончилось тем, что Годфри, поднявшись к одному из окошек, приоткрыл ставни и стал со страхом вглядываться в темноту.

Нет, никого не было!..

А потом он услышал шаги. На этот раз слух не мог его обмануть. Он поглядел еще раз и увидел, что под деревом бродит коза.

Между тем решение уже было принято. Если аборигенам удастся обнаружить их жилище внутри большой секвой, они с Тартелеттом поднимутся по внутренней трубе дерева до верхних ветвей, а оттуда окажут сопротивление туземцам. С ружьями, револьверами и боеприпасами они, может быть, даже одержат победу

над дюжиной дикарей, лишенных огнестрельного оружия. Если те задумают стрелять снизу из луков, нападение можно будет отразить ружейными выстрелами. А если они взломают дверь — помешать им подняться по узкому внутреннему дуплу тоже будет нетрудно.

Но об этой опасности Годфри не стал рассказывать Тартелетту. Бедняга и так был порядочно напуган прибытием дикарей; мысль о возможном переселении на верхушку дерева его не слишком обрадовала бы. Годфри решил в случае необходимости увлечь за собой учителя танцев, если понадобится — даже силой, не дав ему времени на размышление.

Ночь прошла в непрерывном чередовании надежд и опасений. Однако на Вильтри никто и не пытался нападать. Быть может, дикари не дошли еще до группы больших секвой? Быть может, они ожидали наступления дня, чтобы отправиться в глубь острова?

— Вероятно, так они и сделают, — произнес Годфри. — Ведь флаг показывает, что на острове есть люди. А туземцев не больше дюжины, и они сами должны опасаться нападения. Откуда им знать, что на острове только двое бедняг, потерпевших кораблекрушение? Ночью идти они не рискнут... Если только...

— Если только не уплывут обратно, когда наступит день, — закончил Тартелетт.

— Обратно? Но зачем же тогда они явились на остров Фины? Неужели лишь для того, чтобы провести здесь одну ночь?

— Не знаю... Не знаю... — пролепетал учитель танцев, который от страха потерял всякую способность соображать и мог объяснить причину прибытия дикарей только желанием полакомиться человеческим мясом.

— Как бы там ни было, — заметил Годфри, — если туземцы завтра не пожалуют к Вильтри, мы сами отправимся на разведку.

— Мы?

— Да, мы! Разлучаться друг с другом в такой момент было бы крайне неблагоприятно. Кто знает, не придется ли нам скрываться в лесу, в центральной части острова? Быть может, даже несколько дней... до отъезда незваных гостей! Нет! Тартелетт, мы должны быть только вместе!

— Тсс!.. — произнес дрожащим голосом учитель танцев. — Мне кажется, я слышу шаги...

Годфри снова поднялся к окошку и тут же опустил вниз.

— Нет! — заявил он. — Пока ничего подозрительного... Это вернулись наши козы, бараны и агуты...

— Преследуемые дикарями? — воскликнул Тартелетт.

— Вряд ли. Они совершенно спокойны, — ответил Годфри. — Скорее всего, просто хотят укрыться от утренней росы.

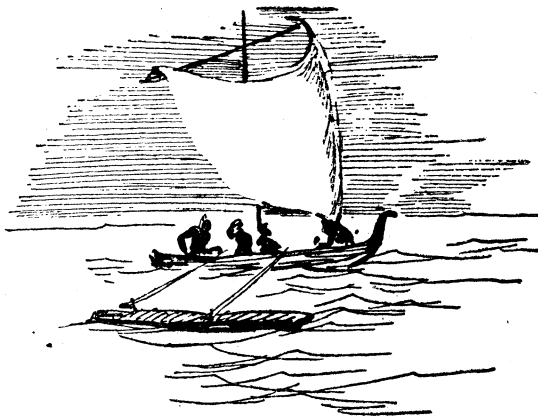
— Ах, так, — пробормотал Тартелетт таким жалобным голосом, что при менее серьезных обстоятельствах Годфри не удержался бы от смеха. — Подобного никогда бы не случилось в особняке Уильяма Кольдерупа на Монтгомери-стрит! — добавил учитель танцев.

— Скоро поднимется солнце, — произнес Годфри. — Подождем еще час, и если туземцы не придут, оставим Вильтри и отправимся на разведку в северную часть острова. Способны вы держать ружье, Тартелетт?

— Держать?.. О, да!..

— А стрелять в определенном направлении?

— Не знаю! Никогда не пробовал... Но можете не сомневаться, Годфри, что моя пуля не попадет в цель...

— Кто знает, быть может, достаточно и выстрела, чтобы вспугнуть туземцев?

Через час стало уже так светло, что можно было разглядеть местность позади больших секвой.

Годфри осторожно открыл обе ставни. С южной стороны все было, как обычно. Тихо и спокойно паслись домашние животные. Годфри старательно закрыл окошко и стал глядеть в другое, из которого просматривалась северная часть бухты. Юноша отчетливо разглядел мачту с флагом, возвышавшуюся на расстоянии двух миль от Вильтри, но устья речки, близ которого накануне высадились дикари, рассмотреть отсюда было невозможно.

Тогда он взял подозрную трубу и обвел взглядом весь берег до выступа флагпункта. Никого. Быть может, как предсказывал Тартелетт, дикари, проведя ночь на суше, действительно — хотя это было необъяснимо — отправились дальше, так и не разузнав, обитаем ли этот остров?

О К О Н Ч А Н И Е С Л Е Д У Е Т

РАЗЫСКИВАЕТСЯ

МЕТЕОРИТ

По подсчетам ученых, на нашу Землю из Космоса каждый год падает не меньше тысячи железных и каменных тел — метеоритов. Между тем, статистика говорит, что за год во всем мире находят только 3—5 небесных камней. А куда же деваются остальные?

Многие метеориты падают в моря и океаны, в горы, пустыни, на незаселенные пространства Севера и Антарктиды. Но даже метеорит, «приземлившись» недалеко от жилища человека, не всегда удается разыскать. А случается и так: небесный странник попадает в руки людей несведущих, которые теряют его, отдают, выбрасывают или прячут. А ведь каждый такой гость из Космоса очень важен для науки, исследование его дает много ценных сведений о межпланетном пространстве.

Доцент Иван Александрович Юдин — известный уральский метеоритовед. Он ученый секретарь Уральской комиссии по метеоритам, сам разыскивает и исследует небесные камни. Но не все его поиски были успешны. Некоторые метеориты, из тех, что он искал, все еще не найдены. О других он читал или слышал, но не имел времени заняться их поисками. Сегодня доцент И. А. Юдин и писательница Л. И. Кузнецова, написавшая несколько книг о космических странниках, рассказывают на страницах нашего журнала о найденных и затерявшихся метеоритах Урала и Зауралья — о тех, что упали давным-давно, и тех, что появились на Земле в наши дни. Полет и падение этих метеоритов сохранились в памяти людей, описаны в литературе. Но их место в коллекции Академии наук СССР до сих пор пусто.

Быть может, некоторые из этих метеоритов могут быть найдены юными следопытами, теми, кто по-настоящему захочет помочь науке. Правда, поиски небесных камней дело нелегкое, оно требует упорства и терпения. Но все же оно вполне по силам молодым. Авторы очерка указывают места, где следует вести поиски, называют адреса, где «приземлились» небесные камни, имена людей, которые с ними встречались.

Каменная стрела

Одно из первых упоминаний о метеорите, упавшем в Зауралье, встречается в летописи Семена Ремезова — историка, картографа и инженера, жившего во времена Петра I. Рассказывая в своей летописи о Ермаке и его походе в Сибирь, Ремезов записал: «...И погребоша к Ташатканскому городку. И в том городке спал камень с

небеси, величество как бы воз с санми, видом багров, и от него до временем восходит стужа, дождь и снег. И о сем Ермак с товарищи дивился Божию деянию».

В летописи есть и рисунок: татары показывают Ермаку свою диковинку. На земле под открытым небом лежит большая глыба. С одной стороны ее стоит Ермак с дружиной, с другой — четверо татар. Ермак изумленно разводит руками.

Вот и все, что сообщил о метеорите летописец. Сведения небогатые: запись в несколько строк и небольшой

рисунок. Но попробуем расшифровать эти строки.

Из летописи мы прежде всего узнаем, что в Сибири, в городе Ташаткане на Иртыше упал когда-то, давным-давно метеорит. Правда, такого города на Иртыше сейчас нет. Но есть селение Ташатканское, которое называлось когда-то городком. Селение это находится в Тавризском районе Омской области и лежит теперь не на Иртыше, а на берегу старицы, обособившейся от реки. Достоверность сообщения летописца подтверждается названием селения: «Ташаткан»

в переводе на русский язык означает «каменная стрела».

Когда же произошло падение метеорита? Точно на этот вопрос летопись не отвечает. Однако, можно сказать, что он упал до 1585 года, то есть до гибели Ермака. Падение метеорита дало название городу. Из этого ученые заключают, что оно произошло на глазах у людей, когда город уже существовал. Следовательно, метеорит упал в XV или XVI веке.

Летописец дает нам представление о величине и внешнем виде небесного камня. Это был крупный метеорит. На рисунке видно, что глыба чуть-чуть не доходит Ермаку до пояса. Камень имеет округлые очертания: одна сторона его более тупая, как это обычно бывает у ориентированных метеоритов, которые не подверглись дроблению в атмосфере. Из слов летописца «величество как бы воз с санми» можно представить себе размеры метеорита.

Но вот летописец пишет, что метеорит был «видом багров». Это требует расшифровки. Дело в том, что ярко-красных небесных камней не бывает, а темно-красные встречаются крайне редко. Вероятнее всего Ташатканский метеорит в результате окисления метеоритного железа был желто-бурого или буровато-красного цвета. А народная молва превратила метеорит в кровавый, приписала ему способность влиять на погоду («от него до времени восходит стужа, дождь и снег»).

Вот о чем рассказывает нам летопись. О том же, что стало с метеоритом в более поздние времена, она, конечно, не говорит. Можно предположить, что татары, поклонившиеся небесному камню, не стали бы его разбивать и не выбросили бы куда попало. Вряд ли они вздумали бы перевозить его в далекие места — слишком тяжела была глыба, да и жалко с ней расставаться. А вот спрятать, скрыть волшебный камень — это они могли. И, быть может, он до сих пор лежит где-нибудь в селении Ташатканском или поблизости от него, в укромном месте, скрытый от людских глаз.

В старинном городе Тобольске

В Сибири, в городе Омске, долгие годы жил и работал замечательный ученый и поэт Петр Людовикович Драверт (1879—1945 гг.). Он разыскал в тайге и в степи, на берегах рек и в глухих деревнях много небесных камней. Изучая старинную рукопись «Сибирский летописец», веденную в конце XVII — начале XVIII веков в городе Тобольске, профессор Драверт «нашел» небесный камень... не выходя из своего кабинета.

Описывая события, происшедшие в Тобольске в 1684 году, летописец сообщал: «Того ж года бысть гром великий, и в том грому из тучи паде камень, иже просторечием зовом громовая стрела. Удари камнем в церковь Николая чудотворца, иже на Прямяком взвозе, и прошибло у церкви в северную сторону верх на шее у большой главы, и оттоле паде на паперть Димитрия Солунского и прошибло верх, и бысть тот камень внутрь церкви в приделе, и побило немного».

Драверт радовался своей находке. Из слов летописца он сделал вывод, что метеорит упал в серединеясного дня (в летописи не говорится о каких-либо световых явлениях), что он был небольших размеров («побило немного»).

Метеориты бывают железные, каменные и промежуточные между ними — железокаменные. Многочисленные химические анализы показали, что они сложены из тех же элементов, что и наши земные горные породы. Ни одного неизвестного на земле элемента в них нет.

Драверт считал, что метеорит, выпавший в Тобольске, был каменным. Если бы он был железным, летописец обратил бы внимание на это обстоятельство.

Этот метеорит заинтересовал ученого еще и потому, что он попал в купол церкви. А случаи попадания небесных камней в здания чрезвычайно редки.

Драверт внимательно вчитывался в строки летописи. Он представлял себе Тобольск того времени — старинный город с множеством церквей. В церквях проходили богатые богослужения, всегда было полным-полно народа. Вот и церковь Николая чудотворца на Прямяком

Ермаку показывают метеорит, упавший вблизи Ташаткана. Рисунок из летописи Семена Ремезова

взвозе. Нет сомнения, что попадание камня в эту церковь вызвало много толков среди ее прихожан да и во всем городе. Камень нашли внутри церковного придела, подняли, осматривали, судили и рядили, стараясь истолковать удивительное происшествие.

Этот камень не надо было искать в глухих местах. Он сам упал к ногам людей, люди его видели, держали в руках. «Так где же он? Куда мог деться?» — спрашивал себя Драверт.

Ученый решил поискать сообщение об этом метеорите в другом источнике — в более подробной «Летописи Сибирской». Летопись красочно описывала постигшие тобольчан стихийные бедствия — грады, морозы, грозы. Но ни словом не обмолвилась об упавшем в 1684 году небесном камне.

Драверт догадался, в чем причина такого молчания. Автор «Сибирского летописца» был человеком светским, не связанным с церковью. Летопись же сибирская составлялась тобольскими учеными монахами при архиерейском доме. По свидетельству историков, падение метеоритов в те времена считалось «гневом небесных сил», ниспосланным свыше «наказанием за употребление табака и нарушение церковных обрядов». И вот, чтобы не скомпрометировать тобольское духовенство в глазах потомства, монахи-летописцы умолчали об этом событии.

Этими же причинами вызвано и то, что камень не сохранился до наших дней. Его, по всей вероятности, спрятали понадежнее или выбросили подальше.

Небесный камень, зарытый в землю

В один из осенних дней 1887 года в Петербургском университете собрались на очередное заседание члены Русского физико-химического общества. На этом заседании докладывали о своих работах многие известные ученые. Но, пожалуй, самым интересным было сообщение

Д. И. Менделеева. Он рассказал собравшимся, что получил из Пермской губернии образцы аэролита (так называли в то время метеориты), упавшего возле города Оханска и сообщил, что в его лаборатории уже производятся химические анализы этих образцов.

Так ученые узнали о новом пришельце из космоса — об Оханском метеорите.

Оханский метеорит упал 30 августа 1887 года в Пермской губернии. В воздухе огромная каменная глыба раскололась на части, которые выпали в городе Оханске, в деревне Таборы и соседних деревнях и селах. Корреспондент «Пермских губернских ведомостей» сообщал тогда о необыкновенном событии — «целом дожде упавших камней... которыми повреждены хлеба и лес».

Небесные камни упали среди бела дня — в полдень. Их падение наблюдали многие жители — крестьяне и горожане. Вокруг упавших с неба осколков всюду собирались большие толпы народа. Все дивились камням, рассказывали о них разные были и небывлицы. Но любопытные не только осматривали обломки метеорита, каждый хотел унести домой кусочек небесного камня. И люди безжалостно обкалывали метеорит.

Лишь часть осколков была передана ученым. Их вес составляет немногим более 145 килограммов, и они хранятся теперь в Казанском университете, в коллекции Академии наук СССР и других музеев. Но большая часть метеоритного вещества пропала бесследно. Суеверные люди прятали осколки, веря в их волшебную силу; некоторые владельцы осколков продавали или дарили их.

Невозможно, конечно, проследить путь всех исчезнувших осколков Оханского метеорита. Мы расскажем здесь только об одном — очерском.

Очер стоит на реке того же имени, впадающей в Каму. Город невелик, но хорошо известен на Урале своим заводом, построенным еще в XVIII веке.

Так вот, один из осколков Оханского метеорита упал в Очере. Только в то время

это был не город, а поселок, который начинался сразу же за воротами старого завода. Управитель Очерского завода, человек ученый, писал об этом событии: «Я смотрел метеорит, вынутый из ямы... Самые интересные части метеорита были раздроблены в яме и истоптаны массой народа, многие обломки разобраны по карманам питейных торговцев, торгашей и крестьян».

Один из таких предприимчивых торговцев насобирал особенно много небесных камней. Говорят, он даже продавал их за высокую цену. Во время гражданской войны торговец бежал с белогвардейцами за границу. А оставшиеся небесные камни, по утверждению местных жителей, зарыл где-то в поселке.

Было бы очень полезно и интересно поискать их.

Трижды пропавший

Метеорит, о котором здесь пойдет речь, не только побывал в руках людей, но был исследован учеными и получил имя «Тюмень». А потом бесследно исчез.

Однако расскажем обо всем по порядку.

Весенним вечером 1903 года трое друзей — ученики старших классов Тюменского реального училища Россомхин, Белянский и Рысков — отправились на прогулку в окрестности города. Спускались сумерки. Было тихо. Неожиданно вся окружающая местность озарилась ярким светом, раздался сильный взрыв. Юноши упали на землю. А когда все стихло, испуганные, побежали домой.

На следующий день, обсудив событие, ребята пришли к заключению, что накануне они были свидетелями падения небесного камня, и решили во что бы то ни стало его разыскать. Им повезло. После тщательных поисков они нашли небольшой черный камень, лежавший в неглубокой ямке. Ребята показали свою находку директору училища, чело- веку, хорошо знавшему гео-

логию. Внимательно осмотрев камень, он сказал:

— Да, это метеорит.

Посланец неба долгое время хранился у Павла Россомахина. Товарищи отдали камень ему, так как Павел очень интересовался науками, усерднее других искал метеорит.

Позже Павел Афанасьевич Россомахин переехал в маленький городок Туринск, где стал учительствовать. Метеорит он увез с собой.

Приехав однажды по делам в Свердловск, Россомахин отнес свою находку на исследование в горный институт. Химический анализ показал, что принесенный учителем кусок железа содержит значительный процент никеля. Это было неоспоримым доказательством его метеоритного происхождения.

Туринский учитель был неутомимым исследователем природы. Он основал в Туринске краеведческий музей, передал в него много ценных экспонатов и, в том числе, найденный им в юности метеорит. Он хранился в музее под стеклянным колпаком.

В 20-х годах Туринский музей был ограблен бежавшими из колонии уголовниками. Похитили они и метеорит. Однако воры не далеко унесли награбленное. То ли испугавшись преследования, то ли разочаровавшись в экспонатах (драгоценностей среди них не оказалось), грабители спрятали все украденное на колокольне местной церкви и скрылись. Там, на колокольне, среди картин и коллекций, и был во второй раз найден метеорит Россомахина. Его водворили на свое место под стеклянный колпак.

Туринск — город небольшой. В нем не было специалистов по музейному делу, охранялся музей плохо, поэтому в 1928 году было принято решение о передаче всех его фондов Ирбитскому краеведческому музею. Экспонаты погрузили в вагоны и повезли в Ирбит. Отправили и метеорит. С тех пор его никто не видел.

В 1951 году один из авторов этого очерка, Иван Александрович Юдин, встретился со старым учителем Россомахиним, который и рассказал

ему о приключениях своего камня. Он нарисовал метеорит и описал его. Камень весил около 700 граммов, он был черного цвета (покрыт тонкой темной корой плавления), неправильной формы.

Очевидно, стоит поискать этот метеорит в фондах Ирбитского краеведческого музея. Поиски будут облегчены тем, что имеется достоверный портрет небесного странника.

«Весьма интересный представитель...»

«Наружный вид метеорита Старое Песьяное весьма незауряден: он резко отличается от всех остальных метеоритов, собранных в коллекции Академии наук СССР... Он относится к ахондритам и является весьма интересным представителем этой редкой группы каменных метеоритов». Так писал о метеорите «Старое Песьяное» известный ученый Леонид Алексеевич Кулик.

Метеорит этот не похож на своих собратьев. Он не черный или бурый, как большинство из них, а светлый, почти белый, покрыт прозрачной корой плавления, сквозь которую просвечивает его внутренняя порфирированная структура.

Как известно, среди каменных метеоритов больше всего (примерно 90%) хондритов. В их массе рассеяны особые округлые образова-

ния — шарики — размером от микроскопических зерен до крупных горошин. От греческого слова «хондрос» — зерно — эти шарики получили название хондр, а метеориты — хондритов.

В каменном метеорите «Старое Песьяное» хондр нет. Он относится к ахондритам, редкому типу небесных камней. В коллекции Академии наук СССР их насчитывается всего 25 экземпляров.

Вот и выходит, что «Старое Песьяное» со всех точек зрения — и по внешнему виду и по внутреннему строению — метеорит замечательный. И каждый его осколок ценен для науки.

Этот метеорит выпал каменным дождем рано утром 2 октября 1933 года на северной окраине и за околицей села Старое Песьяное Курганской области. Крестьяне сразу же подняли несколько осколков. Два из них были переданы в Академию наук, а несколько штук — в Курганское бюро краеведения.

Через три года Леонид Алексеевич Кулик, возвращаясь с Подкаменной Тунгуски, где он искал легендарный Тунгусский метеорит, заехал в Старое Песьяное и стал с помощью школьников собирать осколки по крестьянским избам. В результате удалось собрать еще 12 осколков.

Один из осколков, переданных в свое время Курганскому бюро краеведения, попал в областной краеведческий музей и был выставлен в зале, в специальной витрине. Здесь он хранился до 1945 или 1947 года. А потом пропал. Попытки разыскать его, расспросы работников музея ничего не дали — никто не знал, куда мог деться небесный камень.

Затонувшая глыба

1 февраля 1956 года в 9 часов 10 минут утра в Свердловске, в Уральской комиссии по метеоритам, раздался телефонный звонок:

— Сорок минут назад над Средним Уралом пролетел болид большой яркости...

Ученый секретарь комиссии немедленно выехал в город Нижнюю Туру. Сообщение оказалось верным: здесь все видели болид и говорили о нем. Ученый прошел и проехал по всему маршруту, откуда наблюдался полет метеорита. По дороге он опрашивал очевидцев, искал место падения небесного камня.

Очевидцы рассказывали, что болид был очень ярким. Он осветил всю местность ярко-белым мерцающим светом, осветил ярче, чем солнце в погожий солнечный день. Болид летел в северо-западном направлении, над поселками Ис, Косья и многими другими. Летел 2—3 секунды, а потом исчез. Один из очевидцев по памяти нарисовал картину полета.

Все говорило о том, что над Средним Уралом пролетел метеорит больших размеров. Но где же он упал?

Ответ на этот вопрос дала газета «Уральская кочегарка», сообщившая, что 1 фев-

раля произошло падение метеорита в Широковское водохранилище, недалеко от города Углеуральска Пермской области. Ученый поехал на Широковское водохранилище и здесь действительно нашел место падения, вернее «потопления» небесного странника — камень пробил лед и упал на дно. Отверстие, оставленное метеоритом во льду, ученый тщательно исследовал. В его блокноте, как у математика, появились колонки цифр:

«...150 м — расстояние отверстия от западного берега водохранилища.

23 м, 40 м — глубина водоема в месте затопления метеорита зимой и летом.

80 см — толщина пробитого льда.

42 см — диаметр отверстия.

3—4 мм и 2—3 мм — ширина и высота ребер, образовавшихся на стенках отверстия.

1 см ширина и 3—4 метра длина радиальных трещин во льду вокруг отверстия».

Ученому удалось собрать с ледяных стенок отверстия

мелкую пыль — остатки коры плавления метеорита. Анализ показал, что они обладают магнитными свойствами и состоят из железа, содержащего никель.

Немного оставил после себя метеорит. Ни одного осколочка, только круглое отверстие во льду, да пыль на снегу. Но даже эти следы кое-что рассказали ученым о небесном страннике, который, если бы он был извлечен из воды, получил бы, вероятно, название Углеуральского.

Когда все математические и геологические данные о «приводнении» были обработаны, ученые пришли к выводу, что в Широковском водохранилище затонул железный небесный странник. Размеры его были внушительны, вес около 250 килограммов.

На водохранилище организовали «спасательные работы». Водолазы дважды опускались на дно против отверстия, пробитого камнем. Однако метеорита не нашли. Дело в том, что он падал на лед не горизонтально, а под

углом 70 градусов, во время падения в воду мог еще дополнительно отклониться в сторону. Найти его под водой, на глубине в несколько десятков метров, оказалось не так-то просто.

За Углеуральским метеоритом охотились научные работники и юные следопыты Урала. Ученики 10-х классов Орджоникидзевского района Свердловска провели поход по местам, откуда наблюдался болид. В трудных условиях ребята прошли 200 километров. По дороге они опросили многих очевидцев и записали их рассказы.

Материалов об Углеуральском метеорите собралось много. В комиссии по метеоритам лежат толстые папки с надписью «Углеуральский». А вот самого метеорита нет. Вместо него в коллекции геологического музея в Свердловске хранится стеклянная трубочка, в которой запаяны клочки «верхней одежды» небесного гостя — осколки его коры плавления.

Метеоритный детектив

В истории метеорита «Каргаполье» много загадочного. Это даже не просто история, а настоящий детектив в четырех частях, но пока без эпилога. Здесь, как в подлинном детективе, таинственные незнакомцы прячутся от людей, запутывают свои следы, выдают себя один за другого.

Первая часть этого детектива началась в 9 часов вечера 12 мая 1961 года в Курганской области. Местность здесь неожиданно озарилась ярким светом. На небе появился огненно-белый шар. Он с огромной скоростью пронесся над головами пораженных очевидцев, потом раскололся на части и исчез. Тотчас же послышались раскаты грома, и жители поселка Каргаполье почувствовали, как у них под ногами заходила земля. Об этом событии было сообщено в Уральскую комиссию по метеоритам.

Вторая часть истории разыгралась несколькими месяцами позже, летом того же

года, в том же Каргапольском районе Курганской области. Житель поселка Каргаполье А. С. Охапкин косил траву и вдруг наткнулся на камень темно-бурого, почти черного цвета, лежавший в неглубокой, заросшей травой ямке. Охапкин ничего не знал о метеоритах, но камень чем-то заинтересовал косца. Он перевез его в поселок и оставил у себя дома.

События третьей части относятся к 1963 году, а разvertывались они в Свердловске. Прочитав в газете заметку о болидах, Охапкин решил сообщить о своей находке в Уральскую комиссию по метеоритам. Вскоре ученые уже осматривали камень, найденный на покосе. Он действительно оказался метеоритом и получил название «Каргаполье». Весил он 21,8 килограмма.

«Не тот ли это метеорит, который пролетел над Курганской областью весной 1961 года?» — подумали ученые. По времени этот полет и находка «Каргаполья» вполне совпадали.

Однако исследование метеорита привело к другим интересным выводам.

Во-первых, было установлено, что метеорит «Каргаполье» пролежал в земле два или три десятка лет. Дело в том, что некоторые минералы в нем, например, самородное и сернистое железо, под действием воды и воздуха окислились, частично перешли во вторичные — земные. А такой процесс длится десятки лет. Значит, это был не тот метеорит, который напугал жителей области в мае 1961 года.

И, во-вторых, ученые высказали мнение, что найденный метеорит является только куском большой небесной глыбы, расколовшейся в уральском небе. Об этом говорило наличие у метеорита поверхностей первого и второго рода.

Поверхности первого рода — сглажены, отполированы, точно обточены. Это результат длительной атмосферной обработки. Поверхности второго рода — неровные, шероховатые, они образовались, когда большая метеорная глыба раскололась в атмосфере на части. Они не успели пройти пол-

ную воздушную обработку, а лишь чуть подплавились.

Таким образом, стало возможным предположить, что вместе с метеоритом «Каргаполье» выпало еще несколько осколков его.

Но когда же все-таки это произошло?

Четвертая часть этой истории происходила в деревне Морозово Каргапольского района в октябре 1942 года. Однажды вечером жители деревни увидели в небе яркий болид, а когда он исчез, почувствовали сотрясение почвы. Случилось это в трудные военные годы, и никто не стал искать небесный камень, никто и никуда не сообщил о болиде, а вскоре о нем и совсем забыли.

А вспомнил об этом событии житель этой деревни Г. Н. Распутин только в 1964 году и в своем письме в редакцию журнала «Уральский следопыт» подробно рассказал о полете метеорита, о произведенном им впечатлении, сообщил, что о нем «было много толков и многие его видели».

Ученые думают, что небесный камень, найденный возле поселка Каргаполье в 1961 году, как раз и был осколком метеорита, полет которого наблюдали в Морозове в 1942 году. Не так уж часто в течение сравнительно короткого отрезка времени падают в один и тот же район метеориты. Метеорит же «Каргаполье» пролежал в земле, примерно, двадцать-тридцать лет. Значит, мог упасть в 1942 году. Тут все совпадает.

Ну, а где же другие осколки этого метеорита? И где прячется метеорит, упавший весной 1961 года?

Об этом должно говорить в эпилоге. Но он еще не написан. Метеоритный детектив не окончен. Его допишут те, кому удастся найти небесные камни.

Разыскивается метеорит...

В небольшом журнальном очерке невозможно рассказать обо всех найденных метеоритах Урала и Зауралья. В Уральской комиссии

по метеоритам накопилось много данных о таких небесных камнях.

Сегодня «Уральский следопыт» и Уральская комиссия по метеоритам объявляют розыск найденных метеоритов:

1. Упал в середине 70-х годов прошлого века в Западной Сибири, близ деревни Масляхи, недалеко от города Камня-на-Оби. Был выкопан крестьянами, разбит на куски и использован как материал для «каменок» (печи в банях).

Особые приметы: камень был покрыт черной корой плавления.

Примечание: в те времена бани с отоплением по-черному строились на окраинах деревень, вблизи рек.

2. Упал в одну из зим 80-х годов XIX века в городе Туринске, перед воротами дома священника А. Федюшина. Хранился в доме у Федюшина. После его смерти исчез.

Особые приметы: каменный, довольно больших размеров (лежал на блюде диаметром 40—50 см).

3. Упал в августе 1914 года на берег реки Тобол, в 7 километрах на юго-восток от города Кургана. Был найден ребятами, собиравшими клубнику. До 1935 года хранился в Курганском краеведческом музее. Потом пропал.

Особые приметы: форма удлинненно-яйцевидная, размеры 19×9 см.

4. Болид наблюдался в июне 1918 года в селе Обдорске (ныне город Салехард). Искать следует в нескольких километрах севернее бывшего села Обдорска, за городской чертой Салехарда.

Метеорит никто не видел. Особых примет не имеет.

5. Был найден в мае 1918 года в 300 метрах на восток от деревни Азевой Ирбитского района мальчиком

Ф. Азевым и брошен им в омут речки Мурззы.

Особые приметы: ржаво-буроватый цвет, на поверхности — регмагниты; при ударе выступают пятна с металлическим блеском; очень крепок — с трудом поддается дроблению.

Примечание: природные камни и бурые железняки в этой местности не встречаются.

6. Болид наблюдался в июле 1935 года. Место падения, по предварительным расчетам, вблизи горы Дежнежин Камень, в окрестностях поселка Золтанка.

Особых примет не имеет.

7. Болид наблюдался в мае 1938 года в Челябинской и Курганской областях. В конце полета рассыпался на множество искр. Существует предположение, что он «пролился» метеоритным дождем несколько южнее деревни Галкино Курганской области.

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ

27 января 1831 года в хвойном бору, что раскинулся по берегу речки Токовой, притока Большого Рефта, смолокур деревни Крутихи Белоярской волости Екатеринбургского уезда Максим Стефанович Кожевников впервые на Урале нашел гнездо изумрудов. О находке сразу же доложили начальнику Екатеринбургской гранильной фабрики Коковину. А уже через месяц здесь были заложены изумрудные копи, которые надолго прославили Россию и ее богатства. И, как нередко бывает в таких случаях, история редкой находки и самого первооткрывателя со временем обросли легендами. Даже известный краевед, член УОЛЕ (Уральское общество любителей естествознания) М. В. Малахов и советский писатель И. Ликстанов не обошлись без них — повторяли версии то о гибели, то об уходе в монастырь открывателя уральских изумрудов Максима Кожевникова. А как

же на самом деле он кончил дни свои, оставалось неизвестным — документов не было.

Недавно после многолетних поисков удалось найти в архиве Белоярского закса запись от 12 сентября 1865 года: «9 СЕНТЯБРЯ 1865 ГОДА УМЕР КРЕСТЬЯНИН-ИЗУМРУДОИСКАТЕЛЬ МАКСИМ СТЕФАНОВИЧ КОЖЕВНИКОВ В ВОЗРАСТЕ 66 ЛЕТ ОТ ЧАХОТКИ».

А через полгода, 28 января 1866 года, умер его сын Лаврентий, тоже изумрудоискатель, в возрасте 26 лет, от горячки, надорвавшись на непосильной работе в шахте.

Так архивная запись положила конец легенде. Не принесло богатства и счастья семье смолокура первооткрывательство, хотя имя его прочно вошло в историю Урала.

А. КОРОВИН

Метеорит никто не видел, особых примет нет.

8. Две глыбы, по описанию похожие на палласиты (железо-каменные метеориты), были найдены охотниками в предвоенные годы в глухой лесной местности в Туринском районе Свердловской области и брошены ими там же.

Особые приметы могут быть известны охотникам Туринского района.

9. Упал на глазах очевидцев в августе 1940 года в озеро Старый Черлакский затон, неподалеку от берега Иртыша.

Место падения находится в 50—70 метрах от западного берега озера. Глубина озера не превышает 1,5—2 метров, дно песчаное.

Особых примет нет.

10. Болид наблюдался в июне 1948 года в Пермской области.

Вероятное место падения — к югу от Перми, в районе сел Платошан — Ку-

куштан, в середине полосы длиной около 26 километров.

Особых примет нет.

11. Осколок метеорита «Кунашак» упал в июне 1949 года в Кунашакском районе Челябинской области. Найдено около 20 экземпляров, общим весом свыше 120 килограммов.

Разыскивается осколок, упавший в озеро Чебак-куль.

Падение наблюдал рыбак Файзулин — житель села Акчувашево.

Глубина озера в месте падения 1,5—2 метра, дно плотное, песчаное. Предполагаемый вес затонувшего осколка 30—40 килограммов. Наиболее благоприятное время для поисков метеорита с магнитометром — начало зимы, когда озеро покрывается льдом.

Особые приметы: каменный, форма округлая, поверхность гладкая, не имеет коры плавления.

12. Болид наблюдался в Слободо-Туринском и Ту-

гулымском районах в июле 1951 года. Падение должно было произойти на границе этих двух районов.

Особых примет нет.

13. Болид наблюдался в декабре 1954 года в городе Березники. Метеорит должен был упасть северо-восточнее деревни Большие Комиссары Пермской области.

Особых примет нет.

14. Болид наблюдался в январе 1956 года в Гаринском районе Свердловской области. По предположениям метеоритный дождь «пролился» в заболоченной таежной местности вдалеке от населенных пунктов.

Особых примет нет.

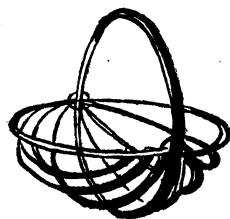
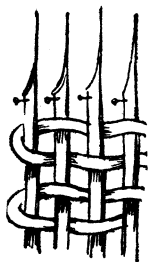
15. Падение этого метеорита наблюдалось 30 мая 1965 года жителем города Верхняя Ляля Грязновым. Метеорит упал в реку Ляля, в 20 километрах от города вниз по течению реки.

И. ЮДИН, Л. КУЗНЕЦОВА

КАК СПЛЕСТИ КОРЗИНУ

Всвращаясь домой из первого весеннего похода в лес, многие приносят своеобразный букет — ветки ивы, украшенные атласными барашками. Но далеко не все знают, что эти упругие гнущиеся ветки — великолепный поделочный материал. И заготавливать его надо именно весной. Полные весеннего сока, ветки ивы долго сохраняют гибкость. Только не ломайте их, а срезайте аккуратно острым ножом или садовым секатором около самого комля. Отбирайте «первый сорт» — прямые ветки без сучков и повреждений. Немного искривленные, с боковыми побегами сразу же очищайте.

Из свежих прутьев ивы изготовьте ленты — плоские длинные полосы, необходимые для заделки бортов корзины, оплетания ручек. Чтобы получить ленту, ивовый прут расщепляют острым ножом и состругивают неровности. Прутья и ленты хранят связанными в пучки в сухом прохладном месте.

Сильно пересохшие прутья за несколько дней до употребления запаривают в корыте или баке для кипячения белья. Потом высушивают и, по мере надобности, небольшими порциями размачивают в холодной воде.

Очень красиво плетение из разноцветных прутьев. Чтобы они стали желтыми, прокипятите их в луковой шелухе. Фиолетовую окраску дает двухпроцентный раствор кристаллической английской соли, коричневую — пятипроцентный раствор марганцевокислого калия.

Сначала для сноровки попробуйте сплести коврик для вытирания ног. Основа его — чередующиеся желтые и фиолетовые прутья, довольно толстые. Они должны быть на 15 сантиметров длиннее, чем будущий коврик. Толстые концы прутьев, примерно 8 сантиметров, срезают ножом «на нет» так, чтобы они сделались тонкими и гибкими. Затем каждый прибавляют маленькими гвоздиками к неподвижно закрепленной рейке, оставляя срезанный кончик свободным. Расстояние между ними равно толщине прута. Ширина коврика 50—60 сантиметров.

Теперь первый прут переплетения прикрепляют к крайнему пруту основы полой коры или мочалой. Потом его пропускают под второй прут основы, вытягивают вверх, проводят над третьим, пропускают под четвертый и так далее. Когда переплетение доходит до последнего прута основы, его продолжают в обратном направлении. При этом тонко оструганные концы прутьев основы подгибают и заплетают. Когда прут кончается, к нему прикладывают новый, косо срезанный, и продолжают работу.

Но вот до конца основы остается 7—8 сантиметров. Тонкие ее концы загибают и просовывают сквозь прутья переплетения.

Хорошо освив технику, можно заняться и корзиной, в которую удобно и приятно собирать грибы и ягоды. Прежде чем делать каркас, надо подготовить деревянную полукруглую болванку, по которой можно будет выравнивать стояки (ребра) будущей корзины, иначе она получится кривой.

Начинают работу с заготовки рамки. Это два обруча, выгнутых из толстых прутьев, концы которых срезаны под углом и скреплены гвоздиками. Согнуть обручи будет легче, если воспользоваться шаблоном — бочонком или бревном подходящего диаметра.

Обручи соединяют крест-накрест. Места соединения оплетают лентой. Горизонтальный обруч образует борт корзины, вертикальный — дно и ручку. Для стояков основы, по которой будет заплетаться корзина, подгибают шесть прутьев средней толщины и закрепляют у борта их заостренные концы: сгибают крючком или продевают под скрепляющую обруч ленту. Теперь приступайте к плетению точно так же, как плели простой коврик. От места скрепления обручей ведите прут между стояками до борта, перегибайте прут через борт и плетите в обратном направлении.

К. ЮРЬЕВА

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

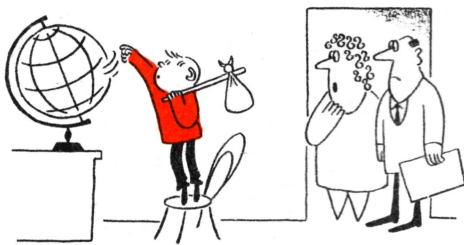
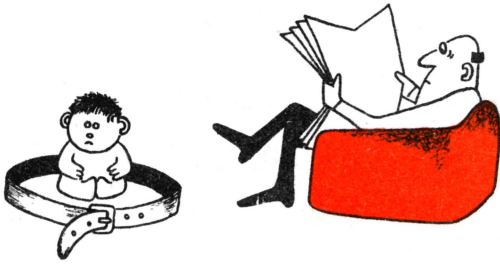
Технический редактор Э. Максимова

Корректор В. Бурангулова

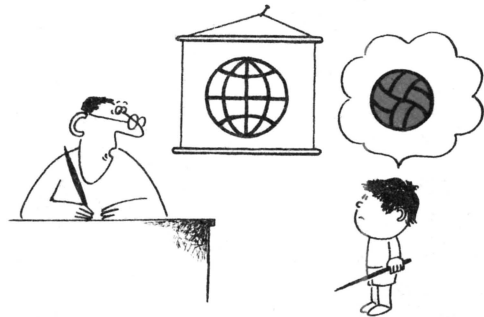
Адрес редакции: Свердловск ГСП-353. Ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.

Подписано к печати 13/IV 1970 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. — 8,82 печ. л. Уч.-изд. л. 9,81. НС 16075. Тираж 145 000. Цена 30 коп. Заказ 92.

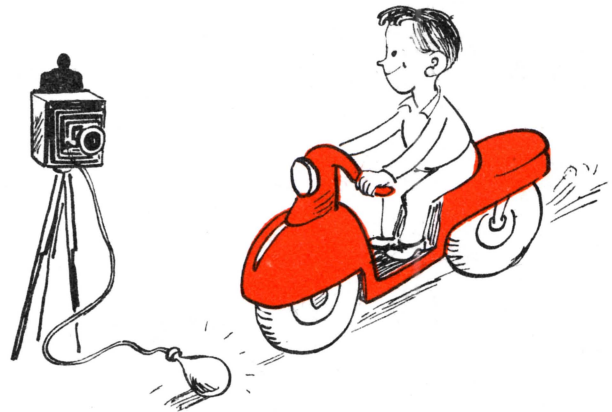
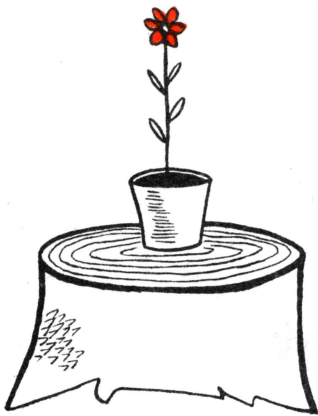
Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина, 49. Обложка и вкладыш отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

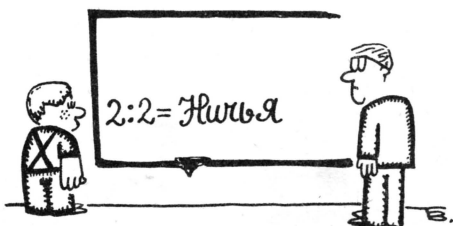
— Тебе не кажется подозрительным поведение нашего ребенка?

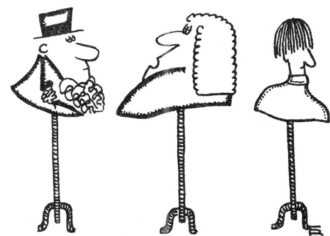
— Интересно, что у тебя в голове?

Автопортрет.

Рисунки
А. Радвилавичуса,
Б. Варавы,
Л. Голубева,
и А. Грунина.

— В наше время молодежь была не такой!

А. ШИПИЦИН.

...А ОЛЕНИ ЛУЧШЕ!

30 коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ
Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, Г. МАШКИН, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), В. ШУСТОВ